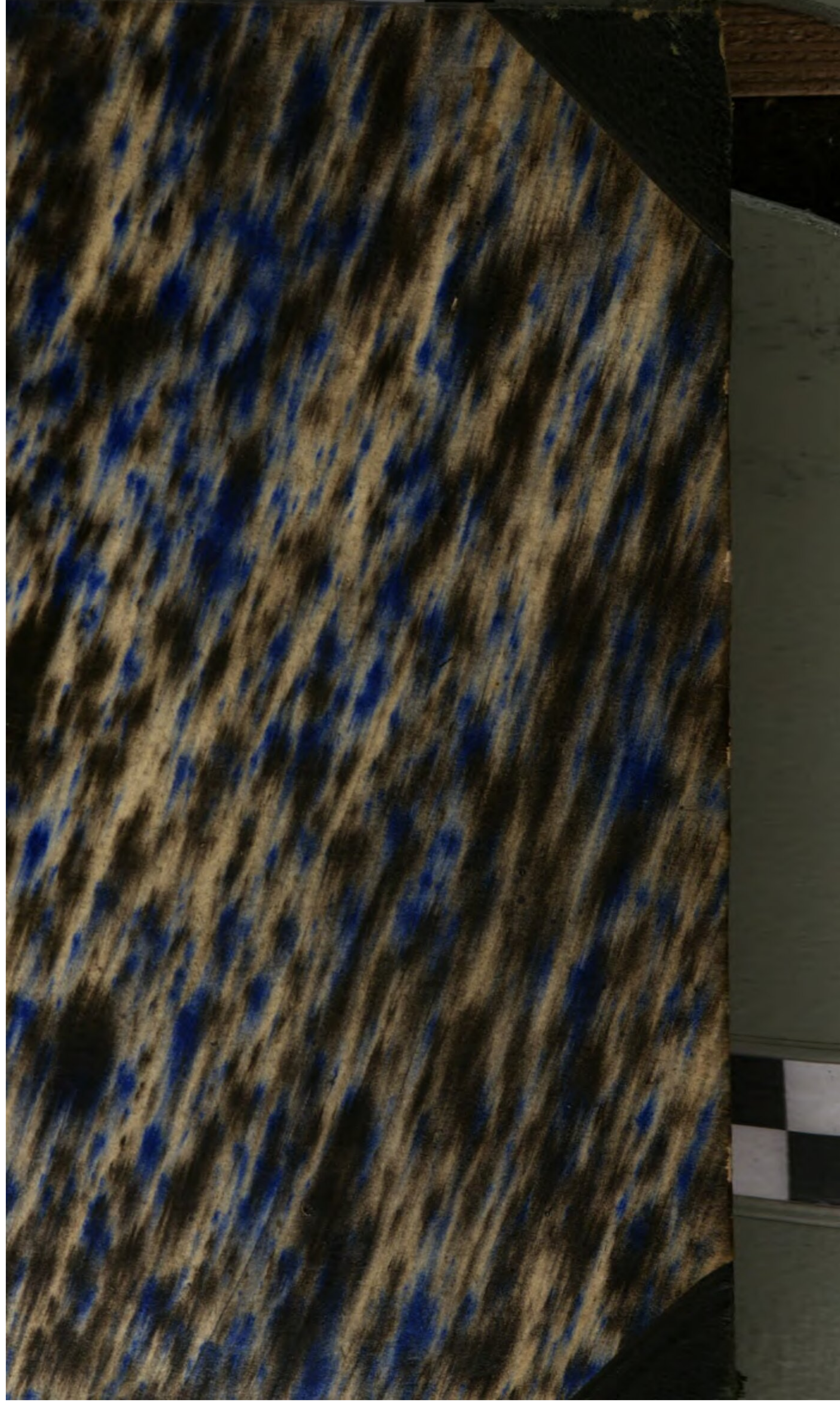

Biogr. 3255 ^u
(1

3
2m. $4\frac{3}{53}$

22 338/12

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

I.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

Сочиненіе

Исенофонта Полеваго.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА
Николая Ивановича
Свлямонтова

№ 696

кн. III пол. 3 Томъ I.

1-2

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

У. н. 5176 ✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Мая 4 дня 1835 года.

Ценсоръ Лазаревъ.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ДОМОНОСОВЪ.

Глава I.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмороживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣваешь свои жалобы на голодъ. Замѣшливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму пшеницы на лѣсу падали мерзвыя, и что ласпочки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожь не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостьѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ Итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми

равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По эшому естественному шоссе они дѣшательно лепали въ легкихъ кибиткахъ, и шерпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ попухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою шаянулся версмахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и пошукивая руками, закушанный въ овчинный пулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное анпрша, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извощику, и промолвилъ:

Ну, брашъ Терѣха: жарко!»

— Да, Пимень Никишичъ, благодаренье Богу: морозецъ!

«Кажись, ужъ и деревня на виду?»

— Версты при оспалось еще, родимый.

«Видно, много нашего браша ѣдетъ эшою зимой; смопри сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу: разъ, два, три... Да, что эшо? Аль кшо изъ вашихъ опсшалъ?»

— А что? кажись, кому бышь!

«Да, видишь, позади насъ: шакъ кшо-шорысю и улепѣшываепъ!»

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тушъ; не вѣдаю кпо, а только не нашъ. Ванькъ! А что, яго шаго, кпойшъ?

« Ай-ша? » закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. « А чшò-йшъ? »

— А вишь яго: кпо-йша догоняйшъ? »

« А Хриспось его зная! »

Въ это время, по бѣгомъ, по шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружноспью, высокій, стройный, и полуокоченѣвшій ошъ холода, потому что онъ былъ одѣшъ въ одинъ нагольный шулушъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была вешхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣшы копы; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ спадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пимень Никипичъ оглянулся раза два, но видя, что ошъ этого любопытству его не легче, и что молодой человекъ не говоришъ ничего, ни съ кѣмъ, остановился, и дождавшись того воза, подлѣ кошораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

« А чшò, брашъ, шебѣ надобно? » спросилъ онъ у молодаго человека.

— Мнѣ? ничего.

« Какъ ничего! Да куда шы идешь? »

— Коли ваша милость позволишь, такъ иду въ Москву. . . .

«Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда.»

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы чай и бабюшку моего знаете.

«Денисовскій крестьянинъ? Мы прешьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовушь опца швоего?»

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ какъ вы нагужали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ бабюшкой моимъ говорили.

«Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же ты идешь въ Москву? и какъ дойдешь туда?»

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служишь дорогой, и въ Москвѣ гошовъ работаю; шолько позвольте идти съ вами!

«Да ты, брашъ, не ряхнулся-ли. Чшо тебѣ зандобносшь въ Москву? Опець, чшо-ли послалъ? Только эшому бышь не лзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?»

— Да.... такъ.... мнѣ хочешся посмопрѣшь Москву....

«Э, э, брашъ! такъ ты, видно, безъ опцовскаго позволенія махнулъ! ты убѣжалъ опъ опца?»

— Сказашъ правду, такъ убѣжалъ. . . . Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

« А кшо тебя знаешъ! Безъ опцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходяшъ. Вижу, брашъ, я, чшо ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлашъ тебѣ въ Москвѣ нечего — ешъ шамъ много вашей брашны! Воропись-ка добромъ къ опцу, а не то, я тебя шурну инымъ порядкомъ. »

— Ваша милосшъ! . . . не гонише меня! право, я заслужу вамъ!

« Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами! Да чшо я за сумасшедшій, чшо возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку! Пошелъ! »

— Ахъ, Г. купецъ! право я не какой нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хошѣлъ поворошишъ бѣднаго мальчика назадъ полчками, но замѣшивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ :

« А эшо чшо у тебя подъ мышкой? »

— Эшо.... да эшо я взялъ съ собой....

« Вижу, чшо ты эшо взялъ съ собой, а по просшѣ сказашъ укралъ! . . . Да говори: чшо у тебя въ узелкѣ? »

— Господинъ купецъ! Я не укралъ эшого, пошому чшо эшо сполько-же мое, какъ моя голова. Только голову даешъ человѣку Богъ, а эшо мнѣ опдали добрые люди.

« Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-шо начинена шакъ-же какъ эшошъ

узелъ! Да что въ немъ? чья казна? или изъ опцовскаго сундучка кошныя?»

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе спѣснило его дыханіе. Онъ останоуился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него, и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человекъ опытный, Пименъ Никишичъ скрылъ свою тайную мысль, и также останоуившись вскричалъ на парня:

«Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты ворюшка? Что-же ты опоропѣлъ?»

— Не опоропѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, Г. купецъ! Я воръ? Я укралъ деньги, казну? . . . Господи Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

«На, посмотри что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣшѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполне выдержатъ роль человека осторожнаго, Пименъ Никишичъ поднялъ узелокъ, и развернувъ его пробормошалъ съ удивленіемъ:

« Чтò эшо? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянъ? Тамъ, брашъ, не дадутъ гроша за эшо. »

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эши книги мнѣ дороже всего своего обоза.... Тебѣ чудно эшо, Г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-шо оставилъ отца и родимую сторону!...

« Чудно! » сказалъ Пименъ Никишитъ. « Ну, пойдѣмъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ. »

Хотя вся эша схватка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минушъ, однакожь возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человѣкъ спалъ завертываясь въ узелокъ свои книги, и невольно отспалъ отъ него. Вскорѣ однакожь они опять поровнялись. Нѣсколько минушъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

« Теперь вижу я, что ты не шаковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву? »

Въ глазахъ юноши спало свѣшло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ — отвѣчалъ онъ — чтò со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ пошню спало жить въ нашей не людной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось,

и не у кого спросить, о чемъ-бы подумалось. По эшимъ книгамъ, кошорыя видѣла ваша милосшь, выучился я грамошѣ, да Ариѳмешикѣ; хочешся знашь еще больше, а ошъ кого и какъ узнаешъ? Вошъ я и рѣшился идши въ Москву: шамъ, говоряшъ, много людей ученыхъ, и есшъ училища, для всякаго кшо вздумаетшъ учишся. Заговаривалъ я обѣ эпомъ ошцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнушь чего я хочу, и еще началъ поносишь книги и книгочѣевъ. Я рѣшился убѣжашь, когда увидѣлъ чшо съ нимъ не сговоришь. Хочу въ Москвѣ учишся.

« Я, дружекъ, самъ человекъ, не хвасповски сказашь, грамошный, » ошвѣчалъ Пименъ Никишичъ. « Спросилъ-бы пы у меня, шакъ я-бы тебѣ далъ шолкъ. Ну, да ужъ шеперь поздно: видно, шакова швоя часшь. Все Богъ! »

— Богъ меня и не осшавишь! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренносшью. — Позвольте-же спросишь вашу милосшь: гдѣ вы обучались?

« Какъ гдѣ?... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ-же еще нашему брашу учишся. Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есшъ дѣячекъ; чшо-же пы не учил-ся у него? »

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамошы ничего не знаешъ.

« А чшо-же еще тебѣ надобно? Развѣ пы въ

попы хочешъ? или хочешъ чипать на Нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ-бы хопѣлось этого.

«О, о, дружище! шакъ вошъ какой ты гусь!... Взялъ-бы тебя, да опвалялъ хорошенько лозами, шакъ дурь-шо изъ головы и вышла-бы. Въ Нѣмецкіе языки пускайся! . . . »

Послѣ такого объясненія, у молодого человека оппала охоша разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводяшъ съ подобными грамошѣями разговоры объ ученѣ. Однакожь спутникъ вызвалъ его на опвѣшъ, воскликнувъ:

«Вѣдь заберешся-же въ голову такая блажь, проси меня Господи! Мужикъ, охреанъ, задумалъ въ ученые! . . . »

— Я думаю, Г. купецъ — опвѣчалъ юноша — что ученымъ никшо не родишся; а кшо учишся, да хорошо, шакъ шопъ и будешъ ученый.

«Да шебѣ-шо чпò до ученья? На шо ешъ дворянскія дѣшки, да поповичи. Однимъ надо бышъ грамошнымъ, чшобы чипашъ приказныя бумаги, да шолковашъ Государскіе законы, а другимъ чшобы говоришъ проповѣди, да знашъ чшо поюшъ и чипаюшъ. А шебѣ на чпò шакая ученость?

— Да я не шакой учености хочу.... — Молодой человекъ не зналъ какъ выразишъ свою

мысль, хошя очень понималъ о чемъ говоришь. Онъ по неволѣ оспановился на не конченной рѣчи.

« Ну, что? по-по, брашъ! зналъ-бы ты опцовскій неводъ, да счешъ въ рыбѣ! А деньгу-то сосчишаешь можно и безъ Московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и шѣмъ больше заспавлялъ своего сопутника вѣришь, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытносши.

Въ это время одинъ изъ возовъ закапился въ глубокій ухабъ: лошадь запаращилась съ нимъ, и вся эта неспройная громада съ прескомъ оспановилась.

— Та-па, ай-па! — закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ споронъ. — Э-а-па, Терѣхъ! Ванькъ!

Всѣ бросились подымашь лошадь и выпаскивать возъ.

Пименъ Никишичъ, какъ человекъ, который хочешъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогашь другимъ, и шупъ-же, кряхшя и крича, шерся около воза. Онъ думалъ найдши въ этомъ доказательство, какъ должно сохраняшь возы и забоишься о рыбѣ, и практически пояснишь молодому безумцу, въ чемъ заключаешся му-

дросшь жизни. Когда порядокъ былъ воспановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и опряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ :

— Вошъ, брашъ! не пойдешъ на умъ ученосшь. А ?

« Да, правда! » отвѣчалъ шошъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій прїѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчїе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за споль и начали рабошашъ за горячими щами. Новый сопушникъ ихъ, удалившись въ уголь, и вынувъ изъ кармана кусокъ самага не роскошнаго хлѣба, хошѣлъ имъ пообѣдашъ. Добрая Русь не вышерпѣла эшого. Одинъ изъ мужиковъ, кошораго лицо уже горѣло какъ на огнѣ, опъ множесшва проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ :

« А чшо-жь шы, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко благословясь! »

Молодой человекъ раздумывалъ.

« Садись, голубчикъ, садись! Опъ хлѣба-соли не опнѣкиваюшся, » примолвилъ Пименъ Никишичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ, и не опсшалъ опъ нихъ.

« Ну, вошъ, оно-шко и повеселѣе! » сказалъ

одинъ изъ извозчиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми спѣнами.

— Да, вошъ, ребяша! — началъ Пименъ Никишичъ. — Малый идешъ въ Москву, Хрипость его знаешъ зачѣмъ, а ѣспъ у него нечего. Возьмемъ, чпо-ли, его?»

«Почто нѣшъ!» отвѣчалъ одинъ извозчикъ.

— Вѣспимо! пускай себѣ идешъ! — примолвилъ другой.

«Да я одинъ плашишъ за него не буду!» поспѣшилъ сказать Пименъ Никишичъ.

— Ну, съ-обчѣмъ заплашимъ! — проговорилъ еще одинъ извозчикъ.

«Съ орпели заплашимъ!» примолвилъ другой. «Пожалуй, шы хошъ и не плаши.»

— Нѣшъ, и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.

— Ну, вошъ.... какъ шебя зовушъ, пріятель?...

— продолжалъ онъ.

«Михайломъ!» отвѣчалъ юноша.

— Ну, вошъ, Михайло, шеперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, брашъ, все дорого; шамъ ищи себѣ хлѣба гдѣ хочешъ. Мы шамъ за шебя не плащельщики.»

Михайло благодарилъ своихъ соупшниковъ, какъ умѣлъ.... за благодаріе! Надобно знашъ, что деревенскій обѣдъ на десятерыхъ споилъ тогда нѣсколько копѣекъ; слѣдовательно Михайло Ломоносовъ не могъ спойтъ соупш-

камъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копѣекъ. Но, какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглець опшеческаго дома, уже два дни не зналъ, до этой минушы, чѣмъ будешь уполяшь свой голодъ. До Москвы надобно было идти мѣсяцъ! Денегъ не было у него ни сколько. Кусокъ хлѣба, взяпый имъ изъ дому, и возбудившій въ его сопутникахъ состраданіе, былъ у него единственнѣмъ запасомъ. А теперь! какъ ободрился онъ! Какія надежды и мечты заиграли въ его пламенной головѣ. Онъ воображалъ Москву раемъ, а людей, живущихъ въ ней, какими-то ангелами, копорые примуть его съ распроспершими объясніями, поглядяпъ по головкѣ за любовь къ ученью, или по крайней мѣрѣ не спануть преслѣдовапъ, какъ грубые Архангельскіе земляки.

Однообразное путешествованіе нашихъ странствовашелей не представляло больше ничего замѣчательнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади, а провожапые ихъ часшо опмороживали себѣ по щеки, по носы, однако все это было въ томъ порядкѣ вещей, копорый и нынѣ, черезъ сто лѣтъ, повшоряется безпрестанно въ сѣверныхъ споронахъ. Обозные ѣхали, шумѣли, успавали, пили, ѣли, такъ-же какъ и нынѣ дѣлають все это другіе люди. Бѣглець-юноша раздѣлялъ ихъ шруды, за-

бопы, и успѣлъ заслужить пріязнь почти всѣхъ своихъ товарищей. Время шло какъ по сказанному, по писаному; день наспавалъ и оканчивался. Напослѣдокъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова златые верхи Московскихъ церквей.

Есть что-то чрезвычайно живое въ томъ чувствѣ, которое волнуешь душу пришельца изъ дальней Руси, при первомъ взглядѣ его на Москву. Въ дальнихъ городахъ и селахъ, Москву почишають какимъ-то палладіумомъ, средоточіемъ всего хорошаго, умнаго и великаго. У всякаго свой взглядъ: прослоюдинъ воображаетъ Москву чужь-ли не изъ золота сдѣланнымъ городомъ; челоуѣкъ, немного повыше прослоюдина, представляетъ себѣ ее вмѣстилищемъ всѣхъ чудесъ образованности, мѣстомъ забавъ и радостей; образованный юноша думаетъ о ней, какъ о такомъ городѣ, гдѣ можетъ онъ увидѣть и узнать все просвѣщеніе, всю славу своего отечества. И всѣ единодушно зовутъ и почишають Москву матерью священной Руси! Это нераздѣльно съ сердцемъ каждаго насоящаго Рускаго.

Что чувствовалъ Ломоносовъ при взглядѣ на этотъ городъ, куда такъ долго и такъ нетерпѣливо лезали его мысли? Какъ билось его сердце, когда наконецъ онъ увидѣлъ ту желанную цѣль, къ которой бѣжалъ черезъ снѣга, въ

нагольномъ овчинномъ пулупѣ , неся съ собой,
 вмѣсто всѣхъ средствъ, одинъ богатый запасъ
 перпѣнія и волю сильной души? Можно объ-
 яснявъ чувства людей обыкновенныхъ , когда
 они находясь въ подобныхъ положеніяхъ , но
 не эшого сына рыбака.

Глава II.

Зимнее солнце, эшошъ рѣдкій гость нашего неба въ печеніе полугода, эшошъ праздникъ нашей морозной атмосферы, выкапилось на горизонтъ, роскошно и величественно, равно свѣшло и привѣшливо для богатаго Князя и для безпріютнаго, бездомнаго странника; но не для всѣхъ, о, не для всѣхъ одинаково радостны свѣшлые лучи его!

Архангельскіе пріѣзжіе нѣсколькими часами предупредили появленіе солнца. Въ день своего пріѣзда они успѣли свалишь въ лавки полъ-обоза рыбы, или *товару*, какъ всякій называетъ то, что продаетъ онъ. Мѣсто подвиговъ ихъ въ Москвѣ было шамъ, гдѣ и теперь продають свѣжую рыбу, подлѣ Москвы рѣки, вблизи церкви Василія Блаженнаго и Спасскихъ воротъ Кремля. Въ продолженіе перваго дня, Михайло оставался караулишь возы, между тѣмъ какъ дорожные соупшники его занимались складкою рыбы съ другихъ возовъ. Въ

последній разъ, и какъ-бы въ вознагражденіе за карауль, пригласили его поужинашь въ харчевнѣ; послѣ эшого, позволили ему переночевать въ однѣхъ саняхъ, гдѣ уже не было рыбы. Усталость дала сонъ юному шѣлу, но не воображенію, не сердцу Михайлы. Рано, очень рано проснулся онъ, и, закушанный въ свой шулуцъ, лежа въ саняхъ началъ размышлять о самомъ себѣ.

Положеніе его было спрашно. Безъ крова, безъ пріюта, безъ копѣйки денегъ, на чужой сторонѣ, куда приклонишь ему горячую свою голову? Гдѣ искашь того пути, на кошорый влекло его темное чувство, для кошораго оставилъ онъ отца, и, какъ бѣглець, приплелся въ Москву? И какой эшо путь? Гдѣ великодушные люди, кошорые примуть, приголубяшь пришельца и уполяшь его жажду науки. Таковы всегда бывають позднія сознанія наши! . . . Бѣжимъ за призракомъ, думаемъ схватишь его рукой.... вошь онъ, кажешся, передъ глазами.... Какъ свѣшель, привѣшливъ, увлекашелень! какая улыбка на устахъ его. . . . Опомнись, неопытный юноша! Правда, ты ушелъ впередъ; но призракъ исчезнешъ, и ты останешся въ пустынѣ, далеко отъ крова опеческаго. Ты.... знаешь-ли? только удалился отъ прежняго; ты еще далекъ отъ цѣли: ты на распушіи. О, какъ шагосны эши распушія! Какъ не выно-

симы эпи чиспилища нашего духа! Тогда человекъ, не зная куда приведешъ его жребій, подобенъ слѣпцу, брошенному жестокосердымъ вожашаемъ въ незнакомомъ лѣсу; тогда онъ чувствуетъ всю слабость своихъ одинокихъ силъ (потому что человекъ только въ обществѣ бываетъ могучъ не звѣриною силою); тогда онъ вынужденъ жалѣть о прошедшемъ.

Въ такомъ положеніи былъ Михайло Ломоносовъ. Онъ зналъ, что въ наступающій день ему надобно распаться съ Пименомъ Никипичемъ: эшопъ знапокъ свѣща напередъ велѣлъ ему не надѣяться въ Москвѣ на его помощь. Михайло былъ изумленъ великолѣпіемъ и шумомъ окружавшей его Москвы, и со страхомъ думалъ, въ копорыя изъ богатыхъ палатъ посмущишся онъ просить себѣ хлѣба и крова? потому что о наукѣ онъ уже не смѣлъ и думать: прежде всего надобно было не умереть голодною смертію. Люди, копорыхъ въ опдаленіи почиалъ онъ шоль радушными ко всему доброму, и шоль привѣтливыми къ нему самому, шеперь представлялись ему жестокими, холодными, спрашными! Угрюмая тѣнь ночи умножала его грусть и тоску. Сердце, долго спрадавшее, и долгимъ помленіемъ пригошовленное къ скорби, не выдержало болѣе: Михайло, въ горести, вскочилъ съ своего холодного ложа, спалъ на колѣни и зарыдалъ!... Нѣсколько минушъ дли-

лось это тяжёлое для него состояние души; но вдругъ, среди сумрака приближающагося дня, онъ разглядѣлъ передъ собою огромную Спасскую башню, и лампаду, уже сполѣпшя шеплящуюся передъ образомъ Спасителя, Ошца всѣхъ людей. Благоговѣйный шепель пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ; онъ почувствовалъ себя какъ-бы воскреснувшимъ. Не перемѣняя положенія, стоя на колѣняхъ въ саняхъ, онъ съ теплою мольбою обратился къ образу Спасителя, и горячія, ушѣшительныя слезы смѣнили его слезы горести.... Елей ушѣшенія канулъ на чистую душу, и распроганный юноша кончилъ свою молитву съ надеждою, почти съ весельемъ въ сердцѣ.

Между тѣмъ зашевелились его поварихи, и ночной лай собакъ заглушился шумомъ и движениемъ пробудившейся Москвы. Пимень Никишичъ двинулъ осташокъ своего обоза къ рыбнымъ лавкамъ, и первое домовище Ломоносова близъ Спасскихъ воротъ не оставило послѣ себя никакого слѣда. Это опять навело тоску на сердце юноши, и въ такомъ-то расположении, въ раздумьѣ, въ грусти, хотя и смягченной вѣрою въ Провидѣніе, встрѣпилъ онъ зимнее восходящее солнце, и въоря сущи своего жипья въ Москвѣ.

Весь этотъ день провелъ онъ вмѣстѣ съ рыбаками, пособляя имъ складывать рыбу, поды-

мая сани, оповодя лошадей. Великъ-ли и весь день Русской зимы? Когда на Спасской башнѣ ударило пять часовъ, уже было темно. Движеніе въ лавкахъ начинало уменьшаться, и Пименъ Никишичъ спѣшилъ на постоялый дворъ, сначала углубился въ расчеты о сданной рыбѣ, о барышѣ, о деньгахъ за провозъ, и потомъ отдохнувъ. На прощанье, перекликаясь съ лавочниками и съ извозчиками, онъ замѣшилъ подлѣ себя Михайлу.

— Ну? что-же, ты куда? — спросилъ онъ его. Пока собирался отвѣчать ему спрошенный, онъ прибавилъ съ необыкновеннымъ для него добросердечіемъ: — Пойдемъ-ка, братъ, со мной. Вѣдь я знаю, что тебѣ нѣкуда приклонить голову, шакъ ужъ я покамѣспъ *ублаготворю* тебя.

Едва вѣрилъ ушамъ своимъ изумленный Михайло, и безъ всякихъ дальнихъ соображеній пошелъ за Пименомъ Никишичемъ. Ему конечно не могло придти въ голову, что эшопъ гордившійся передъ нимъ знаніями чловѣкъ, эшопъ опытный философъ, замѣшилъ въ сынѣ рыбака большую способностъ къ *смету* и знаніе въ грамотѣ, то есть, въ продолженіе дороги онъ видѣлъ нѣсколько разъ, какъ легко разрѣшалъ шопъ задачи о плашежѣ за овесъ и ѣду, и какъ бойко прочишывалъ изъясненія лубочныхъ каршинокъ, копорыми украшались спѣны

въ крестьянскихъ избахъ. Вспревоженный огромносшью своихъ расчешовъ, Пимень Никишичь шѣмъ охопнѣе рѣшился взять съ собою Ломоносова, что воспользовавшись его способносшями, онъ еще могъ придашь эшому и видъ благодѣянiя. Такимъ образомъ, эшо былъ первый человѣкъ, невольно оцѣнившiй способносши генiя, кошорому дивишся пошомсшво.

Весь вечеръ прошелъ въ умсшвенныхъ занятiяхъ Пимена Никишича. Крупными каплями пошѣлъ онъ и перялся въ помъ, что Михайло соображалъ въ нѣсколько минушъ и долго располковывалъ ему. Наконецъ, когда разрѣшены были всѣ запрудненiя и объяснены всѣ вопросы о количесшвѣ сданнаго шовару, о суммѣ за провозъ, о дорожныхъ издержкахъ, о числѣ рогожъ и цѣновокъ, Пимень Никишичь былъ шакъ доволенъ, что пригласилъ Михайлу ужинашъ съ собой.

— Вошъ, и уголъ ешъ у тебя! — сказалъ онъ сидя за споломъ и прихлебывая капусту. — Только, брашъ, я вѣдь здѣсь не надолго. Не вѣдаю, какъ шы приспособишся. Даромъ кормишъ никто не будетъ. Право, лучше шобѣ осшавишъ свои запѣи, да приняшся-бы, напримѣръ, за коммерцію. Слава шобѣ Господи! Иной спишъ да видишъ. Эшо, ей Богу, шакъ! А по какую шобѣ шурусу учишъ? Да и на что? Правда, что ученъе свѣшъ, неученъе шма; да, вѣдь,

хорошо, брашъ, учишься тому, у кого есть что жевашъ. Ну, а шебѣ-ли за другими? Тушъ и я пособишь не могу. А порекомендовашь хорошему человѣку — почто нѣшъ! Гошовъ. Да, вошъ, хошъ-бы Сидору Пафнушьичу, кому поваръ-шо мы сдавали: у него дѣла большія, человѣкъ онъ хорошій, и шолько будь самъ хорошъ, шакъ у него-бы шебѣ жишье-шо было завидное. А мое слово онъ уважишъ.

Это нравственное увѣщаніе запилъ онъ большою кружкою квасу, и продолжалъ:

— Право, брашъ, лучше будешъ. Вспомнишь мое слово, да ужъ поздно будешъ. Мое дѣло спорона; сышый голоднаго не разумѣешъ, говоришъ пословица; да, видно, ты не вѣришь ей.

«То-шо, Пименъ Никишичъ, что я пришелъ въ Москву насыщашъ не чрево, а голову.»

— А знаешь-ли ты — возгласилъ съ шорже-спвомъ самозванный мудрецъ, опривши въ памяти своей присказку, когда-шо слышанную имъ опъ какого-шо книгочія — знаешь-ли ты, что когда руки и прочіе шѣлесные члены не захошѣли повиновашься чреву, шо вмѣспѣ-же съ нимъ и погибли?

«Нѣшъ, это было какъ нибудь да не шакъ — возразилъ Михайло.» Голова всему голова; а миѣ моя велишъ думашъ не объ одномъ на-сущномъ хлѣбѣ: она сама шребуешъ пици.

— Ну, такъ шебѣ и книги въ руки! — опвѣчалъ нѣсколько оскорбленный Пименъ Никишичъ. — Пропадай съ голоду, коли не хочешь слушашъ добрыхъ совѣшовъ.

«Я никогда не забуду вашего добра ко мнѣ,» сказалъ юноша. «Я не смѣю думашъ, что когда нибудь приведетъ Богъ меня расплашился съ вами; но, право, на эшомъ разѣ не могу послушашъ вашего совѣша.

— Да на кого-же ты надѣешься?

«Во-первыхъ: на Бога! Онъ не оставишъ меня. А пошомъ, я гошовъ пасшъ въ ноги нашей Царицѣ, и молишъ Ее о заспупленіи.

—А я опашъ скажу шебѣ пословицу (вѣдь ихъ сочиняли мудрые люди): до Бога высоко, а до Царя далеко. Царица живешъ въ Пишерѣ, шакъ вѣдь не снова шебѣ идши съ обозомъ шуда. Успѣшъ и здѣсь умерешъ съ голоду.

Послѣдній аргуменшъ Пимена Никишича заставилъ Михайлу задумашся. Онъ, какъ дишя, уличенное въ шалоспи, защищался опшъ опшноспи своего прошивника, и на возраженіе его не съумѣлъ опвѣчашъ. Онъ вѣрилъ одному внушреннему чувспву своему, но вѣрилъ крѣпко и былъ убѣжденъ, что онъ поступаетъ шакъ, какъ должно было ему поступашъ. Подобно Колумбу, онъ гошовъ былъ споришъ съ цѣлымъ міромъ современниковъ своихъ, что шамъ, за

океаномъ препятствій, естъ, непременно, спра-
на свѣша, къ кошорой стремишся душа его;
но онъ не могъ указашъ имъ на эшу спрану,
не могъ дашъ имъ осязашъ ея свѣша. Полувоз-
душна носилась передъ нимъ надежда, вѣрная
сопущница чловѣка во всѣхъ невѣрныхъ об-
стоятельстввахъ, но и существенность угне-
тала его своею свинцовою тяжестью. Онъ не
согласился съ Пименомъ Никипичемъ, но и не
вѣрно опводилъ удары его логики, передъ су-
домъ самосознанія.

Помолились Богу, и Ломоносовъ легъ спашъ
въ самомъ грустномъ расположеніи: въ недо-
вольствѣ самимъ собой. Чшобы опровергнушъ
всѣ возраженія, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ го-
шовъ еще совершшъ такой-же пущъ, какой
уже оставилъ за собою. Но идши шакъ далеко
не случилось ему.

Слѣдующій день провелъ онъ на поспояломъ
дворѣ, думая о своей будущности, и не при-
думывая ничего. Да, впрочемъ, и можешъ-ли
семнадцатилѣтній мальчикъ, не знающій ни
людей, ни свѣша, имѣшъ опредѣленные, вѣрные
намѣренія о будущемъ? Можешъ-ли онъ упромъ
сказашъ о томъ, что свершшся съ нимъ вече-
ромъ, когда почи каждый чловѣкъ силенъ
имѣшъ вліяніе на судьбу его? Ломоносовъ ду-
малъ, собственно не думая ничего, пошому
что онъ крѣпко вѣрилъ Провидѣнію и былъ

твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ поступковъ; онъ ожидалъ чего-то; ожидалъ чуда, или ангела-спасителя въ видѣ человека. Эта вѣра въ лучшую будущность, эша увѣренность въ собственныя силы, не смотря ни на что окружающее, бывающъ исключительною принадлежностью души чистой и воли неуклонной, неустрашимой, первой принадлежности всѣхъ необыкновенныхъ людей. Исполнили подвиговъ великихъ, они или вѣрно провидящъ будущее, повинувся гаданію души своей, или, жертвы своей увѣренности, погибающъ на пути не конченномъ, но не ослабѣвающъ въ цюй нравственной силѣ, кошорая самой гибели ихъ даетъ знаменіе величія.

На веселѣ, въ разгулѣ возвратился Пименъ Никишичъ домой, уже вечеромъ. Онъ привелъ съ собой гостя, какого-то господскаго прикащика, и привелъ его сколько по дѣламъ, кошоры у нихъ были, сколько-же и для того, что-бы весело заключить день, то есть, по Русскому обычаю, попить съ нимъ хорошенько, на свободѣ.

Впрочемъ, гость былъ совсѣмъ не похожъ на Пимена Никишича. Высокій ростомъ, дородный, свѣжій мужчина среднихъ лѣтъ, одѣшый не богато, но хорошо, онъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ своихъ показывалъ какую-то чинность, какое-то приличіе и сепенство,

можешъ бытъ переняшыя имъ опъ господъ своихъ.

Поговоривъ о дѣлахъ, собесѣдники незамѣтно обратились къ предметамъ постороннимъ. Михайло былъ шущъ-же и слушалъ ихъ. По временамъ онъ прислуживалъ Пимену Никипичу, принося желаемое угощеніе, то есть пиво и медъ.

— А чшо, благодѣшель — спросилъ госпъ, въ то время когда Михайло вышелъ за чѣмъ-то изъ комнашы — эшопъ молодець пріѣхалъ съ тобой?

«Да!» отвѣчалъ Пимень Никипичъ. «Нашелъ его на дорогѣ: спало жаль бѣдняка, и я шворю ему добродѣшель.»

— Чшо-же? ты взялъ его въ услугу себѣ? Одолженіе-то средней руки.

«Какое въ услугу: кормлю и пою, бапюшка, Пепръ Калиспрашовичъ; а за чшо и самъ не знаю. Гошоваго поѣшь да попишь я могъ-бы и безъ его помощи. Ну, да о добромъ дѣлѣ жалѣшь я не люблю.»

Тущъ онъ пересказалъ въ нѣсколькихъ словахъ встрѣчу свою съ Ломоносовымъ, и заключилъ рассказъ слѣдующимъ нравоученіемъ: «Видно, было написано ему на роду сдѣлаться бродягой; видно, родители не умолили Бога. Всѣ мы люди грѣшныя!»

— Правда — ошвѣчалъ Пепръ Калиспраповичъ — шолько эшомъ малый не похожъ на негодяя. Мы, брашъ, всѣ на эшомъ свѣшѣ бродяги, пока не придемъ къ шихому приспанищу. Помогашъ нищимъ и прохожимъ нашъ долгъ; онъ прохожій: не нищій; пусть себѣ идетъ своей дорогой; долгъ всякаго помочь ему и напустить хлѣбомъ-солью и добрымъ словомъ.

«Да какъ-же ему безъ опцовскаго благословенія?...»

— Оно пакъ, но я сужу еще и вошъ какъ: если-бы онъ безъ опцовскаго благословенія пустился на поклоненіе угодникамъ Московскимъ; не хорошо что пошелъ безъ воли родительской, но благо что идетъ на доброе дѣло. Вѣдь и уйдши для науки, не то что на худое дѣло уйдши. Да и намъ-ли судишь о шомъ, что уже сдѣлано? Нашъ долгъ помочь ему. Не въ худомъ дѣлѣ заспаю его, и гошовъ пособишь добрымъ совѣшомъ. Знаешь-ли что? Мнѣ еще сдается, что я видалъ его когда-то. По-разговорюсь-ко я съ нимъ.

«Чудодѣй ты, Пепръ Калиспраповичъ!» сказалъ Пименъ Никишичъ, улыбаясь и качая головою. «Охоша тебѣ занимаешься эшимъ пусто-звономъ! Доканчивай-ко лучше свою кружку.

Михайло возвратился, и Пепръ Калиспраповичъ обратился къ нему рѣчь.

— Слышу, братъ, я, что ты прѣзжій изъ Архангельска; шамъ я не бывалъ, но мнѣ здаеи-ся, что я видѣлъ тебя гдѣ-то. Въ первый разъ въ Москвѣ?

Ломоносовъ смутился нѣсколько отъ этой рѣчи. Ему пришло въ голову: не опять-ли хопяшъ подозрѣвать его въ чемъ нибудь? не опять-ли хопяшъ видѣшъ въ немъ самозванца? Онъ вспомнилъ о нападеніи Пимена Никишича, и, вооружившись всѣмъ своимъ мужесшвомъ, сказалъ голосомъ швердымъ:

— Въ Москвѣ я въ первый разъ; вашей мило-сши не видывалъ никогда; но васъ знаю по лицу, пошому что лицо ваше не закрываетъ вашей доброй души. Всѣ добрые люди не шолько мнѣ знакомы, но и съ родни: на нихъ-шо я и на-дѣюсь, за нихъ-шо и буду прежде всѣхъ молишь-ся Богу.

« Не много-же, Михайло, найдешся у тебя родныхъ! — перебилъ его Пименъ Никишичъ, кошорый любилъ щегольнушь словцомъ.

— По крайности я съ родни ему! — возразилъ Пешръ Калиспрашовичъ. — Ты, Михайло, ска-залъ шо, что я думалъ; шолько сказалъ шы покрасивѣе нежели мерещилось это въ моей башкѣ. Ты сказалъ правду, и я, какъ родню, беру тебя къ себѣ. . . . коли позволишь Пи-менъ Никишичъ.

— Сбылась пословица! — примолвилъ пошъ съ коварною улыбкою: — «Тома въ Москву пришелъ, да скоро и родню нашелъ!» Онъ былъ восхищенъ своею новою оспрошою. Однакожь, дивишесь странности прошиворѣчій въ человѣкѣ! . . . Ему было досадно, что Пепръ Калиспраповичъ такъ великодушно, и такъ скоро, слѣдственно два раза великодушно, вызвался дать пріюстъ Михайлѣ. Онъ не понималъ этого поступка, однако въ сердцѣ его было какое-то не зрячее чувство, что это дѣло доброе, слѣдственно похвальное, а всякія похвалы желалъ бы онъ привлечь на самого себя. Онъ понималъ также, какъ не умѣстно было при этомъ бѣдное его остроуміе, и принявъ на себя важную осанку, просяжно сказалъ :

«Пепръ Калиспраповичъ! Мѣшаю доброму намѣренію не буду. Только вспомни, что ты самъ человѣкъ, такъ скажешь, подчиненный: живешь въ барскомъ домѣ, и хочешь на почѣстѣ, и хочешь у добраго господина, однакожь все-таки не въ своемъ углу. Вѣдь и я подумывалъ, какъ-бы помочь Михайлѣ, попому что, право, жалъ малаго: пропадешь за даромъ; ну, да что я могу сдѣлать? Вѣдь и я занимаюсь, хочъ-бы коммерціею, то-же по чужой милости, чужимъ добромъ, и самъ гляжу въ глаза другимъ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, какъ говорятъ. . . .

— Я въ дѣлѣ, я и въ оповѣщеніи, Пименъ Никишичъ! — перервалъ его гость. — Чтò шутъ шолковать! Конечно, я не на банкетъ приглашаю Михайлу: дамъ ему уголь да кусокъ хлѣба; вошъ все чтò могу сдѣлать. А вѣдь ты говоришь, что и этого не можешь. Да оно такъ и есть: ты человѣкъ пріѣзжій. . . .

« Ну, самъ ты знаешь! — прибавилъ одобрительнымъ голосомъ Пименъ Никишичъ! — Я ошъ добраго дѣла не прочь, да. . . .

— Сшало бытъ, коли Михайлѣ въ угоду, такъ я и милосши прошу его къ себѣ! — сказалъ Пепръ Калиспрашовичъ. — Покуда, брашъ, поживешь въ нашей дворнѣ, а шамъ подумаемъ.

Глубокимъ поклономъ опблагодарилъ Михайло за добрый вызовъ Пепра Калиспрашовича. Онъ не зналъ чтò такое значила дворня Русскаго барина! По крайней мѣрѣ онъ могъ бытъ увѣренъ, что существованіе его обезпечено на сколько нибудь времени. Въ несвязныхъ словахъ выразилъ онъ признашельность свою за *благодѣяніе*, о кошоромъ не имѣлъ ни какого поняшія. Бѣдный мальчикъ! Подобно щепкѣ среди буншующихъ волнъ, онъ былъ среди океана людскихъ спрасшей и опношеній. Выносясь изъ глубины падающей волны другою волною, кошорая возношится для шого шолько, чтобы насъ подобно своей предшесшвенницѣ, онъ

думалъ , что ему лучше на этой обманчивой выси. Но таковы-то наши стремленія ! Онъ лепѣлъ къ міру свѣта, и уносясь въ міръ слугъ, счишалъ , долженъ былъ счислять это благодѣніемъ.

Между тѣмъ разговоръ собесѣдниковъ ожилъ, и чудеса мудрости лились изъ устъ Пимена Никипиича !

— Право — говорилъ онъ — надо помогать бѣднымъ ! И душѣ-то оправдно, и Богу угодно, да и людямъ-то не худо ! Нашъ-то братъ самъ испыталъ все: бывалъ и на конѣ и подъ конемъ. Все Богъ , бабюшка, Пепръ Калиспрашовичъ ! Онъ пишаетъ и пицы небесныя !

«Что и говоришь объ этомъ, Пименъ Никипиичъ ! Правда, правда. »

— Да ей Богу такъ , Пепръ Калиспрашовичъ ! Живемъ, живемъ, шрудимся, шрудимся: а для чего ? Ну, право такъ ! хоть умереть не сходя съ мѣста ! Доброму человѣку вездѣ хорошо. Такъ-то бываетъ подъ часъ горько, что кажешься и не расхлебнешь ! Анъ мудрость-то наша человѣческая ! Истинно такъ , Пепръ Калиспрашовичъ ! Богъ меня убей, коли не правда ! Вѣдь что-бы кажешься ! . . . Ну, а все не то ! Право такъ !

« Миръ вамъ ! » возгласилъ кто-то тонкимъ голоскомъ.

Въ дверяхъ стоялъ монахъ.

— Ба, ба, ба! — воскликнулъ Пименъ Никишичъ вскакивая со скамьи. — Опець Порфирій! Покорнѣйше прошу, опче свяшый! Да какими эшо судьбами? . . .

«Да такъ, двумя ногами! Шелъ, шелъ, да и пришелъ!» опвѣчалъ веселый монахъ. «Миръ вамъ и мы къ вамъ!» примолвилъ онъ усаживаясь около спола.

— Испинно благодаренъ вамъ, опче! — сказалъ Пименъ Никишичъ, стоя передъ нимъ и кланаясь. — Да какъ вы опыскали-шо меня?

«Какъ-же не опыскашь спараго пріяшеля!» продолжалъ монахъ. «Былъ въ рыбныхъ лавкахъ: вѣдь у насъ скоро праздникъ, такъ опець экономъ просилъ сходишь за покупочкой. Вдругъ слышу, чшо изъ Архангельска пришелъ обозъ съ рыбой? Чей? такого-шо. А кшо пріѣхалъ съ обозомъ? такой-шо. Гдѣ остановился? Мнѣ и указали пущь. Вотъ я и направилъ спопы свои къ шебѣ, Пименъ Никишичъ! Съ пріѣздомъ!... Да какой-же холодъ сдѣлался къ вечеру!» примолвилъ монахъ пожимаясь.

— Дозвольте-же поопогрѣшь васъ, опче свяшый! — сказалъ Пименъ Никишичъ, наливая большую кружку пива.

«Лишнее, Пименъ Никишичъ!» возразилъ монахъ, взявшись за кружку. «За здоровье прі-

ѣзжаго!» прибавилъ онъ, и прильнулъ къ кружкѣ губами.

— Вошъ какая еще оказія! — сказалъ Пименъ Никишичъ, обратившись къ Пепру Калиспраповичу. — Вошъ сей часъ только пришло въ голову мнѣ, что опецъ-шо свяшой можешъ помочь нашему Михайлѣ. Право такъ!

« Ошъ всего сердца! » проговорилъ монахъ, посшавивъ кружку. « А что эшо за Михайло, о копоромъ говорише вы? »

— Да вошъ видите. . . . поди сюда, Михайло! — продолжалъ Пименъ Никишичъ. — Вошъ-съ, онъ, опецъ Порфирій. Малый добрый, и пришелъ въ Москву учиться. Богъ вѣсшъ, какъ эшо пришло ему на умъ. Рыбачьему сыну, казалось-бы, и не кшаши принимаешь за книги; ну, да ужъ шеперь далеко ворочаешь въ Холмогоры. Охоша пуще неволи!

« Учишься? доброе дѣло! » сказалъ монахъ. « Ты, голубчикъ, хочешъ учишься? »

— Точно такъ-съ! — робко и радостно опвѣчалъ Ломоносовъ.

« Хорошо, мы объ эшомъ подумаемъ. Для Пимена Никишича я гошовъ посшараюсь о тебѣ. »

Эти слова привели въ гордый восшоргъ Пимена Никишича. Онъ былъ вознесенъ до облаковъ опзывомъ монаха о своей значительной

спи, и желая въ то-же время показать Петру Калиспрашовичу, что мы-дескать умѣемъ дѣла дѣлать поважнѣе вашихъ, пустился хвалишь умъ, способности, доброму Ломоносова, о кошоромъ прежде не случилось ему и подумашъ хорошо. Онъ почишалъ его безумцемъ, или, лучше сказаць, не почишалъ ничѣмъ; но теперь подспрекнутое самолюбіе сдѣлало его жаркимъ ходашаемъ за безвѣснаго пришельца.

Монахъ, задобренный пивомъ и медомъ, и въ самомъ дѣлѣ склонный къ добру, невольно увлекся въ общаніе спарашся о помѣщеніи Ломоносова въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ кошорому принадлежалъ отецъ Порфирій.

— Вошъ что называется: шелъ да нашелъ! — воскликнулъ довольный Пименъ Никишитъ. — Бѣдный охъ, а за него Богъ! Кланяйся, Михайло, опцу Порфирію: онъ швой испинный благодѣшель; я, брашъ, только навелъ его на доброе дѣло, а ужъ ему честь и хвала.

« Не грѣши, старый знакомый! » возразилъ монахъ. « Бѣсъ гордыни естъ самый злой бѣсъ: не возноси меня своимъ дѣяніемъ. Я еще не сдѣлалъ шущъ ничего, и только еще думаю помочь ему, а ты ужъ сдѣлалъ это. Надѣюсь,

что Богъ пособишь мнѣ исполнишь твою просьбу и желаніе сего юноши; но вѣдь будущее вѣдомо одному Всевышнему.

— Оно такъ, отецъ Порфирій!— сказалъ Пимень Никишичъ, съ довольною улыбкою подливая пива въ кружку монаха. — Но намъ-ли грѣшнымъ людямъ шворишь добро? Мы и на свѣшѣ-шо живемъ вашими святыми молишвами. Чшо я сдѣлалъ? Кормилъ голоднаго, давалъ ему пріюшъ, покуда могъ, и наконецъ попросилъ заспуленія твоего: конечно, дорога милоспыня въ день скорби. . . . Ну, да, я не горжусь эшимъ; ей Богу, такъ!

Петръ Калиспрашовичъ морщился слушая эшо хвасповсшво. Ему спрахъ какъ не пришлось самохвальсшво благодѣяніемъ, кошорое приписывалъ себѣ Пимень Никишичъ. Ему было особенно жаль Михайлы, игравшаго при эшомъ самую спрадальческую роль. Бѣдный юноша, не поспигая всей пусшошы рѣчей Пимена Никишича, имѣлъ однакожь сознаніе, что его унижающъ излишне. Лицо его выражало покорносшъ судьбѣ; но и чувсшво собсшвеннаго достоинсшва не пускнѣло въ свѣшлыхъ, хошя и пошупленныхъ очахъ его.

— Однако — молвилъ наконецъ Петръ Калиспрашовичъ—покуда свяшой отецъ будешъ хо-дашайсшвовашъ о добромъ дѣлѣ, малый дол-

женъ побыть у меня. Это, кажется, дѣло рѣшеное, Пименъ Никишичъ?

«Коли тебѣ угодно, я согласенъ; а, право, радъ и самъ помогаю ему, чѣмъ Богъ послалъ. Истинно такъ, Пепръ Калиспрашовичъ.

— Вѣрю и знаю, что ты говоришь правду — отвѣчалъ господскій прикащикъ. — Но, по прежнему своему слову, я возьму Михайлу съ собой.

«Да не лучше-ли ужъ завтра, Пепръ Калиспрашовичъ? Я самъ и приведу его къ тебѣ, и опдамъ съ рукъ на руки.»

— Ну, пожалуй, пусть будетъ по своему!... Однако, пора и до дому. Завтра присылай или приводи Михайлу. Доброго здоровья!»

Съ этими словами Пепръ Калиспрашовичъ вспалъ, помолился образу, и, раскланявшись со всѣми, вышелъ. Монахъ по-же поднялся, и, отвѣчая на безконечные поклоны Пимена Никишича желаніемъ ему всѣхъ благъ, подтвердилъ свое обѣщаніе, спарашься о помѣщеніи Михайлы въ Законоспасское училище. Михайло не зналъ кого и благодарить. Низкими поклонами выражалъ онъ свою признапельность при каждомъ обращеніи къ нему, при каждомъ словѣ о немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой нечаянный дождь одолженій, если не благодѣяній, пролился на него! Откуда, изъ какихъ благошворныхъ шучь

лешѣлъ онъ? Чтò было причиною этого благопріятнаго сполкновенія добрыхъ спихій? Запроганное самолюбіе Пимена Никипича, пріятная наружность Михайлы, понравившаяся Пепру Калиспрашовичу, и нечаянный приходъ монаха. Да и гдѣ-же искашь изъясненія многихъ дѣлъ, непоспижимыхъ при первомъ взглядѣ?

Какъ-бы то ни было, но за Ломоносова вдругъ явилось приходяшая: Пепръ Калиспрашовичъ, копорый безъ всякихъ видовъ вызвался дать пріюстъ ему, Пименъ Никипичъ, не захотѣвшій, какъ говорится, опспашъ опъ другихъ, и монахъ, задобренный угощеніемъ и связанный даннымъ словомъ.

Что-то они сдѣлають!

А между тѣмъ насталь новый день, и Пименъ Никипичъ, пошатавшись въ разныхъ мѣстахъ, подѣлавши и поговоривши разныхъ дурачеспвѣ, возвратился домой и велѣлъ Михайлѣ слѣдовать за собой къ Пепру Калиспрашовичу. Ему хошѣлось и сохранишь нѣсколько копѣекъ, копорыя могъ спойшь нахлѣбникъ, и погордиться еще разъ добрымъ дѣломъ. Таковы были мудрые расчеты его. Да и не таковы-ли расчеты многихъ мудрецовъ?...

Съ невольною робостью и неохотой вступилъ Михайло за своимъ вожааемъ въ огромный господскій домъ, гдѣ жилъ Пепръ Кали-

спрашовичъ. Домъ эшопъ состоялъ изъ главнаго каменнаго корпуса, съ узкими окнами, желѣзными ставнями, и приспроеннымъ деревяннымъ крыльцомъ, да изъ нѣсколькихъ ошдѣльныхъ, неправильно разбросанныхъ по двору, по-же каменныхъ зданій, какія и нынѣ еще естъ въ нѣкопорыхъ сшаринныхъ Московскихъ домахъ. По двору бродило множесшво слугъ, разнаго возраста и вида. Изъ нихъ, иные были въ лохмошьяхъ, испачканы, гадки, другіе одѣшны чутелами, въ неловкихъ кафшанахъ, съ галунами, и знѣкомъ приближенности къ своему барину, то естъ съ какою-то изысканностью, чопорностью въ нарядѣ.

Пешръ Калиспрашовичъ жилъ въ одномъ изъ небольшихъ спроеній, и комнаша его была родъ подвала, перегородженнаго на двое. Когда пришли къ нему жданные госши, онъ сидѣлъ за бумагами, углубленный въ расчешы о привезенномъ господскомъ добрѣ. Подлѣ дверей сполла шолпа мужиковъ, съ глупымъ подобосспрашпемъ ожидавшая его изрѣченій. Онъ пригласилъ Пимена Никишича садиться, и вскорѣ оппусшивъ мужиковъ, началъ разговоръ.

—А ко мнѣ вдругъ пожаловалъ въ ночь господинъ; кашишъ изъ Пишера, и привезъ съ собою дворовую челядь; надо всѣхъ ублаготворить, угостить. . . . Я-же люблю чшобъ все было въ спрунку выпянуто! Голова не вернешя! А къ

тому, она пуста и опъ своего вчерашняго угощенія, Пимень Никишичъ!

«Такъ по пословицѣ: мы къ тебѣ не въ пору гости, хуже Тапарина!» подхватилъ нашъ орашоръ.

— Чтò ты, пріятель! я всегда радъ тебѣ. Да, не взыщи: теперъ занимаешься-шо недосугъ. Ужь я, вошъ, поощдѣлаюсь, шакъ самъ приду къ тебѣ съ зовомъ на вечернюю бесѣду.

Еще было обмѣнено нѣсколько такихъ-же сухихъ фразъ, и Пимень Никишичъ увидѣлъ, что ждашь ему нечего. Онъ указалъ на Ломоносова и произнесъ торжественно:

— А вошъ тебѣ и еще хлопоты, Пешръ Калиспрашовичъ! Люби да жалуй! Самъ, брашъ, вызвался.

«Позабочусь, Пимень Никишичъ!» отвѣчалъ пошъ наморщившись. «Поди, брашъ, Михайло, пока въ кухню.

Съ поклономъ вышелъ Михайло изъ комнаты Пешра Калиспрашовича и началъ бродить по двору. Грустно было на душѣ его. Онъ видѣлъ, что новый благодѣтель шакъ-же мало радъ ему, какъ и прежній. Дишя! Пивной воспоргъ и пустое щекошанье грубаго сердца почелъ онъ радушіемъ и доброшой души! Слова, которыя сославляють ходячую монету ежедневныхъ разговоровъ, принялъ онъ за драгоцѣнную существенность! Жди опять спеченія счастливыхъ

обстоятельствъ , и меньше надѣйся на людей , а между тѣмъ испытывай ихъ беспыдную наглость. Въ самомъ дѣлѣ, толпа слугъ окружила его, и начала спрашивать, кто онъ, откуда, зачѣмъ, кто его привелъ въ домъ, надолго-ли?..

Онъ былъ готовъ бѣжать изъ этого дому, проживши въ немъ одинъ день. Пётръ Калисраповичъ едва успѣлъ сказать ему, чтобы онъ ходилъ обѣдать и ужинать со слугами Но куда-же опять пристать самовольному изгнаннику? . . .

Нѣсколько дней прошли для него въ самомъ печальномъ бездѣйствіи.

Г л а в а III.

Высоко-прекрасна жизнь человека, посвятившаго себя единому служению Богу! Отдѣленный отъ міра, и не столько оградой тихой обители, сколько разрывомъ со всѣмъ, увлекающимъ слабую чувствительность нашу въ море заботъ и мученій свѣта, жилище монастыря есть на землѣ образъ того спокойствія, которое ждетъ насъ за дверями здѣшней жизни. Это мертвецъ шѣломъ: спѣны монастыря могила его бреннаго соснава. Но при ненарушимомъ спокойствіи внѣшней жизни, онъ обладаетъ всею дѣятельностью, всѣми сокровищами жизни духовной. Только сбросивъ ломкія вериги жизненныхъ отношеній начинаетъ человекъ жить духомъ, соединяясь съ Богомъ, жить въ Богѣ. Тогда онъ подобенъ тонкому веществу, разлишому въ видѣ невидимаго эира, и проникающему всю вселенную. Переславая жить въ мірѣ, онъ живетъ во вселенной;

оканчивая жизнь личную, онъ сущесвуесть въ жизни всеобщей; онъ тогда идесть прямо къ своему назначенію. Жизнь монастырская есть одна изъ самыхъ высокихъ идей, проявившихся когда либо въ нашемъ мірѣ.

Но не такъ смопрѣли на нее двое собесѣдниковъ, въ теплой кельѣ Законоспасскаго монастыря, разсуждавшіе о суетѣ всего подлуннаго.

— Нѣтъ, брашъ, Пименъ Никишитъ, ты не знаешь нашего житья-бытья, и потому такъ похваливаешь его. Заперъ-бы я тебя на вѣкъ въ эту келью, такъ вспомнилъ-бы ты о привольной жизни.

«Да позволше-же, отецъ Порфирій, доложишь вамъ, что наша, какъ вы изволише называшъ, привольная жизнь, мученье безконечное! И праведная душа не спасенся въ эшомъ преволненномъ помыканіи.»

— Полно, брашъ! Да ужъ хощь Славянскимъ-то языкомъ не говори! Скажи проспо, по-Русски: вѣдь не промѣнялся-бы со мной? А?

«Да гдѣ-же мнѣ, грѣшному человѣку, налагашь на себя шакое бремя неудобоносимое!

— То-шо, брашъ! Вспомнилъ-бы и жену и дѣшей. Чпѣ вѣдь, чай, у тебя ужъ дочка-шо на возрасшѣ? Не-бось, скоро и за-мужъ спашешь снаряжашь?

Тупъ монахъ, сидѣвшій облокотясь на споль обѣими руками и закрывъ лицо, началъ проширать глаза и расправлялъ мускулы.

Пимень Никипичъ, не измѣняя своего важнаго вида, отвѣчалъ:

— Да, отецъ Порфирій, ужъ ей около двухъ десяшковъ. Да человекъ-то я, видите, не богатый. Бога не гнѣвлю: насущный хлѣбъ естъ; да вѣдь нынче эшого мало. Вонъ моя Анюшка и сидитъ дома.

«Да, да!» подхвалилъ монахъ съ живоспью. «Анюша! да, Анюша! Чпò, вѣдь она, чай, въ машушку, такая-же красавица?»

— Гдѣ нашимъ дочерямъ бытъ красавицами — скромно промолвилъ Пимень Никипичъ.

«Полно, братъ, скромничашь-то! Я вѣдь самъ не вѣкъ былъ монахомъ. Глаза-то глядѣли съ малыхъ лѣтъ. Помню еще свою супругу дѣвушкой; нечего сказать: лебедь была! Вѣдь я и самъ былъ хватъ! Бывало, надѣнешь синій кафтанъ, да подпояшешься краснымъ кушакомъ, да и пойдешь по городу. . . . Ну, да теперь, братъ, все прошло.

— Жипіе ваше, отецъ Порфирій, испинно сказать, то есть по чиспой совѣсти, ей Богу не лгу. . . . то есть. . . .

«Нѣтъ, братъ, я ужъ привыкъ къ нему; успарѣлъ, одрахлѣлъ до поры до времени; а ны-бы

конечно убѣжалъ опсюда, какъ вопъ эпопъ малый изъ Холмогоръ.... однако, что эпо нашъ Семень не ведешъ его? Я ужъ давно послалъ.

—Я, шо еспъ, могу сказать, и не могу объяснить вамъ, опецъ Порфирій....

«Кшо шамъ?» громко сказалъ монахъ, услышавъ шорохъ около дверей.

—Я-спа!—опвѣчалъ грубый голосъ. Кшо-шо опворилъ немного дверь, и просунулъ голову. И чшѡ эпо была за голова! Нечесаная, со всклоченною бородою, съ свинными глазами.... она принадлежала монастырскому служкѣ, Семену.

«Чшѡ-же? привелъ ты его?» спросилъ монахъ.

—А привелъ-спа!—опвѣчалъ служка, не перемѣняя положенія.

«Такъ веди его сюда.»

—Да ужъ онъ здѣсь-спа. Куда-же еще вести?

«Экой безполковый!» сказалъ монахъ. «Введи его сюда, ко мнѣ.»

—Сюда-спа? къ тебѣ? Хорошо.

Дверь медленно заскрыпѣла, и Семень распворилъ ее пакъ, что она спукнула въ ближнюю спѣну. За нею опкрылся Михайло. «Войди сюда, голубчикъ,» сказалъ опецъ Порфирій, съ смиренно-ласковымъ видомъ обратившись къ Ломоносову. Тотъ вошелъ и поклонился ему.

«Ну, вошь видишь-ли,» примолвилъ монахъ: «я говорилъ о тебѣ Рекшору. Онъ такъ милосшивъ, что согласенъ принять тебя и помѣститъ въ училище.»

Слезы радости сверкнули въ глазахъ изумленнаго своимъ счастьемъ Михайлы. Въ недоумѣніи, въ восторгѣ, не зная что дѣлать, онъ бросился къ отцу Порфирію, спалъ передъ нимъ на колѣни, и хотѣлъ цѣловать его руку.

«Не надо, не надо!» сказалъ монахъ. «Благодари Бога, и молись за великую Государыню. Мы, грѣшные люди, только милостію Бога и Царицы можемъ помогать алчущимъ и жаждущимъ. Рекшоръ велѣлъ представитъ тебя къ себѣ сегодня вечеромъ, и пошому-то я послалъ за тобой. Нечего время терять: пойдемъ. Уже скоро къ вечерней прѣпезѣ будутъ звонить. Поблагодари Пимена Никишича, молодой человекъ: онъ былъ первымъ за тебя ходатаемъ и навелъ меня на доброе дѣло.»

Восхищенный юноша не могъ ничего выговорить. Онъ бормошалъ несвязныя слова, обращаясь къ Пимену Никишичу. Этого человека, при всей грубости чувствъ своихъ, при всемъ превращенномъ понятіи о сдѣланномъ имъ добрѣ, распрогался, можешь быть первый разъ въ жизнь свою, ибо чувство добра всегда возвышаетъ человека, равняя даже дикаго сына природы съ образованнымъ гражданиномъ новыхъ

обществѣ. Сказавъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ наставленій, которыя почишалъ онъ нужными для Ломоносова, Пименъ Никипичъ началъ подвигаться къ дверямъ, безпрестанно кланяясь ошцу Порфирію, и наконецъ вышелъ.

Монахъ повелъ Ломоносова черезъ монастырскій дворъ, въ комнаты Ректора. Вступивши въ нихъ, онъ оставилъ молодого человѣка въ передней комнатѣ, а самъ пошелъ доложить о немъ.

Михайло былъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, котораго даже не лзя назвать радостью: это было какое-то безопечное, превожное состояніе духа, когда человѣкъ не знаетъ, что именно ждетъ его, но чувствуетъ, что въ немного минутъ должна рѣшиться судьба его, и рѣшиться къ лучшему. Онъ не замѣчалъ окружающихъ его предметовъ, не имѣлъ никакого понятія объ училищѣ, о Ректорѣ, и радовался только мыслию, что наконецъ онъ близко желанной мѣны своихъ давнихъ, непрерывныхъ помышленій.

Скорыми шагами возвратился ошецъ Порфирій, и далъ ему знакъ слѣдовать за собой.

Прошедши еще одну комнату, они были передъ лицомъ Ректора. Почтенный видомъ, пожилой человѣкъ сидѣлъ на софѣ, передъ раскрытою книгою, которую, по видимому, чишалъ

онъ не за-долго. Поглядѣвъ съ минушу на Ломоносова, онъ началъ говоришь :

«Ты пришелъ сюда учишься, какъ мнѣ сказывалъ отецъ Порфирій. Намѣреніе доброе, и я гошовъ помочь тебѣ выполнишь его. Но, напередъ должно знашь, изъ какого ты званія?

— Я крестьянинъ. . . .

«Ну, вошь первое препяшспвіе!» сказалъ Рекшоръ, обратившись къ опцу Порфирію.

— Да, эшо правда. . . . опвѣчалъ попъ.

«Скажи-же, пожалуйста, какъ эшо пришла тебѣ мысль приняться за ученье? Кшо внушилъ тебѣ охопу къ книгамъ?

—Эшого я и сказать не умѣю—опвѣчалъ Михайло.—Съ малыхъ лѣшъ выучился я церковной грамошѣ; перечишалъ всѣ книги, какія были у нашихъ духовныхъ; искалъ и спарался добышь новыхъ, да нашель шолько Славянскую Грам-машику и Ариѣмешнику; выучилъ и шѣ наизуспъ; да мнѣ еще хошѣлось знашь. . . .

Тупъ онъ ошановился.

«Ну, чшѡ-же?» спросилъ Рекшоръ.

Юноша не могъ продолжашъ далѣе: глаза его наполнились слезами, онъ задыхался опъ удерживаемыхъ рыданій.

«Чшѡ съ тобой сдѣлалось?» спросилъ снова Рекшоръ.

Оправившись нѣсколько, Михайло продолжалъ: — Я рѣшился бѣжать опъ опца. . . . но, право, я ужь много разъ послѣ видѣлъ самъ, что сдѣлалъ не хорошо. . . . Можешъ бышь и Ваше Высокопреподобіе станете гнѣвашься на меня и пошому я рѣшился прежде всего сказаъ вамъ объ эпомъ. Накажете меня, но не опсылайте назадъ, и позволите учитьсѣ здѣсь.

Рекпоръ не измѣнялъ своего важнаго вида; но опышый мужъ эпомъ понялъ, изъ немногихъ словъ, и доброе сердце, добрыя правила бѣглеца, и жаркое спремленіе его къ наукѣ. Къ пому-же, опкрышый, пріятный видъ, и умные глаза молодаго человѣка понравились ему. Онъ рѣшился приняъ его непременно, и хопѣлъ шолько не даъ вида одобренія пому, чего въ самомъ дѣлѣ не лзя было похвалишь.

«Послушай, молодой человѣкъ: не было-ли другой какой нибудь причины, кошорая заспавила шебя уйдши изъ опеческаго дома? Не сдѣлалъ-ли ты какой нибудь шалости?»

—Ей Богу, нѣшъ, Ваше Высокопреподобіе! — опвѣчалъ просподушно Ломоносовъ, и спрахъ лишишьсѣ благорасположенія Рекпора развязалъ ему языкъ. — Если было что нибудь еще, шакъ эшо моя мачиха, кошорая била меня за то, что я чишалъ книги, наводила опца на разныя спрогосши, и хопѣла чтобы я женился; а я умеръ-бы опъ эшого. Мнѣ всегда хопѣлось

знашь и вѣдашь то, что вижу. Да у насъ-же такая спорона, что чудеса на всякомъ шагу: и море, и зимы, безъ солнца а свѣшлыя, и лѣса непроходимые; а въ лѣсахъ сколько дивнаго!... Человѣкъ не звѣрь, который живетъ только для того, чтобы пропитать себя. Ему надобно знашь, что для чего создано.... А гдѣ я могъ научиться всему этому и узнать многое другое? ... Судише меня сами. ...

«Ну, а если-бы я велѣлъ тебѣ ворошиться домой? ...»

— Ваше Высокопреподобіе! неужели вы сдѣлаете это? А если сдѣлаете, такъ я убѣгу въ другой разъ, и въ Холмогорахъ не останусь. Особливо теперь, мнѣ шамъ и жишья не будетъ.

«Но ты видишь, что мнѣ прудно принять тебя въ наше училище: во-первыхъ пошому, что ты бѣглець, а во-вторыхъ пошому, что у насъ не принимающъ въ ученье кресстьянскихъ дѣшей.

Ломоносовъ задумался. Не обращаясь ни къ кому, онъ произнесъ какъ будто невольно: — Такъ неужели пошому, что я родился кресстьянскимъ сыномъ, мнѣ уже не лзя и учиться?

«Да, почти такъ!» примолвилъ Рекшоръ. «Однакожь я возьму тебя на свою опшѣшшвен-

носшь, если ты будешь уменъ, добръ, послушливъ. Въ тебѣ видна излишняя горячка, молодой человѣкъ! А ты будешь подчиненъ людямъ, которые выше всего почищаютъ смиреніе.

— Я буду повиноваться всякому; только позвольте мнѣ учиться, Ваше Высокопреподобіе.

« Ну, скажи-же мнѣ: ты знаешь церковную грамоту? »

— Знаю и гражданскую.

« И гражданскую? А что еще знаешь ты? »

— Службу церковную, уставы церковные; знаю еще Ариѣмешнику Магницкаго.

« О, брашецъ, да ты преученый человѣкъ! » сказалъ Рекшоръ улынувшись. « Однакожь у насъ не вѣряшь сказанному; надо доказашь слова свои на дѣлѣ. Ты долженъ выдержашь экзаменъ. »

— Не знаю о чемъ вы говорише; но я готовъ на все.

« Ошецъ Порфирій! » сказалъ Рекшоръ обращаясь къ монаху: « ты можешь самъ сдѣлать это: проэкзаменуй его, и потомъ передай Медоспу Ипполиповичу. »

Смираннымъ поклономъ отвѣчалъ монахъ. А Ломоносовъ? Онъ не зналъ, къ Богу-ли обратишься съ первымъ благодареніемъ, или къ по-

кровишельному Рекшору. Онъ не умѣлъ выразишь восшорга своего ни словами, ни движеніями; но если Рекшоръ умѣлъ чишашъ языкъ души, выражаемый лицомъ, то конечно благодарносшь Ломоносова показалась ему красно-рѣчивѣе всѣхъ благодарспвенныхъ рѣчей, чишанныхъ имъ на Лашинскомъ языкѣ схоласпи-ковъ.

На другой день, ушромъ, ошець Порфирій явился къ Рекшору, Герману Копцевичу, и послѣ обычнаго привѣспивія сказалъ:

—Почишаю долгомъ извѣспишь Ваше Высокопреподобіе, что мальчикъ, мною представ-ленный, оказался оплично-хорошимъ чшецомъ, и во всѣхъ опвѣпахъ своихъ показалъ смѣш-ливосшь большую. Ариѳмепику Магницкаго знаешъ онъ наизусшь; Граммапику Смоприц-каго шо-же.

«Право?» съ довольнымъ видомъ произнесъ Копцевичъ. «Спало бышь видъ его не обмануль меня. Да опъ чего-же онъ знаешъ и Граммапику и Ариѳмепику наизусшь?»

—Онъ говоришь, что эшо были у него еди-ныя книги. Онъ все чишалъ ихъ, до шого что наконецъ знаешъ наизусшь.

«Чудное дѣло!... Надобно-же приспроишь его. Не знаю полько какъ? . . . Поговорю съ Пре-

фектомъ. А между тѣмъ пусть онъ ходишь въ Лапинскій классъ къ Медоспу Ипполитовичу.

— А куда-же прикажете помѣстишь его? по естъ въ какое отдѣленіе?

«Вошь, это опять вопросъ. Въ малолѣшныя, спранно, а съ большими, будетъ обидно тѣмъ: вѣдь онъ еще ничего не знаетъ. Пусть однако живешь съ малолѣшными.

— Онъ скоро догонишь большихъ!

«Видно, что ты заспунникъ за него, брашъ Порфирій.

— Не отъ того слова мои. Вижу, что это молодой орелъ, Богъ знаетъ какъ воскормленный между сѣверскими воронами; надобно только дашь ему расправишь крылья.

«У себя всегда охота къ фигурѣ сравненія! Дай-же и мнѣ сказашь, что орлу надобно высокое лѣпаніе, а Богъ вѣсть куда полетишь эшопъ орелъ, когда подрастущъ у него крылья. Намъ не орлы надобны, а домашнія пшцы. Онѣ полезнѣе. Надобенъ и присмотръ за нимъ.

— Я беру это на себя — сказалъ опецъ Порфирій. — Богъ не далъ мнѣ бытъ великимъ ученымъ, но за то далъ охоту къ добру. Я беру на себя присмотръ за Ломоносовымъ.

«Благословляю на доброе дѣло!» сказалъ Ректоръ.

И такъ пламенный сынъ рыбака уже въ училищѣ! Какое спеченіе обстоятельствъ благопріятныхъ было необходимо, чтобы онъ достигъ этого! И кто не согласится, что одна увѣренность и, можно сказать, легкомысленная надежда, будто люди поймутъ его, примутъ его, была путеводною звѣздою его въ этотъ трудный періодъ жизни? Онъ ошибся. Люди не понимали его, какъ обыкновенно не понимаютъ они не бывалаго; однакожь онъ воспоржесствовалъ надъ препяшствіями. Приписывайте это случаю! Но берегитесь, безъ сильной воли, безъ увѣренности генія, пускайтесь въ опасный путь. Вы замерзнете на дорогѣ изъ Холмогоръ, васъ не примутъ продавцы рыбы, вы не найдете заступниковъ въ Москвѣ, вы не заславише спрашей человѣческихъ поссориться и сдѣлать вамъ добро невольно. Всѣ эти успѣхи принадлежатъ генію: только онъ преодолеваетъ все. А мы дивимся, откуда успѣхъ этому человеку!

Ломоносовъ былъ радъ еще и тому, что избавился отъ окружавшихъ его *неугей*, попому что, какъ онъ полагалъ, въ спѣнахъ училища общаются одни ученые мудрецы. Посмотримъ, какъ они примутъ его. Между тѣмъ началось ученье.

Законоспасская Академія, куда поступилъ Ломоносовъ, доспомятна для насъ, какъ

первое мѣсто его образованія, какъ первый пріютъ, гдѣ началъ развиваться мощный его геній.

Только въ просторѣчїи называлась она *Законоспасскою*, опѣ мѣстоположенія Спасскаго монастыря, въ кошоромъ помѣщалась, *за иконными лавками*, сущесствующими и донынѣ. Ее называли даже, въ томъ числѣ самъ Ломоносовъ, *Спасскими школами*, пошому, можетъ бытъ, что иногда бывала тутъ не одна школа. Но когда онъ поступилъ въ нее, она уже именовалась *Московскою Славяно-Греко-Латинскою Академіею*. Вотъ какъ возникла она.

При Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, братѣ Великаго Петра, безсмертномъ уничтожителѣ мѣстничества и драгоцѣнномъ своею любовію къ просвѣщенію, пришелъ въ Москву изъ Іерусалима Іеромонахъ Тимоѣей. Онъ былъ природный Рускій, но живши много лѣтъ въ Палестинѣ, хорошо изучилъ Греческій языкъ. Царь пожелалъ видѣть пришельца, услышалъ ошъ него, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находился просвѣщеніе Греческихъ Хрисціанъ, и великодушно рѣшился помочь своимъ Хрисціанскимъ братьямъ, чтобы хоть нѣсколько вознаградишь для пошомковъ благодѣяніе предковъ, освѣтившихъ Россію ученіемъ истиннаго Бога. Тому-же Іеромонаху Тимоѣею повелѣлъ онъ учредитъ Греческую школу, и при содѣй-

снвїи Папріарха Іоакима школа учредилась около 1680 года, въ шипографскихъ зданїяхъ. Число учащихся въ ней просширалось до 40 мальчиковъ всякаго званїя. Тотъ-же Іеромонахъ былъ ихъ Рекпоромъ, а Греческому языку обучалъ Грекъ Мануиль и послѣ него Греческій монахъ Іоакимъ. Царь и Папріархъ обращали особенное вниманіе на свою небольшую школу, и почти каждую недѣлю сами осмашривали ее, входили во всѣ подробносши и награждали учащихъ и учащихся. Царь хотѣлъ распросшранить ее по обшпрному плану и заготовилъ для эшого великолѣпную грамашу, гдѣ видна вся благолюбивая душа его. Въ то-же время онъ писалъ къ Вселенскимъ Папріархамъ о своемъ намѣренїи, и просилъ ихъ прислать, для замышляемой имъ Академіи, искусныхъ въ Греческомъ и Лапинскомъ языкахъ мужей. Но вскорѣ онъ скончался; настали полишическіе переворопы, Спрѣлецкій бунтъ, разныя неуспройсшва, и намѣреніе Θεодора оспавалось безъ исполненїя. Между тѣмъ, Вселенскіе Папріархи прислали двухъ избранныхъ ими мужей, незабвенныхъ въ Испорїи образованїя Россїи: эшо были два браша, Греки, Іоанникій и Софроній Лихуды. Цари Іоаннъ и Пешръ Алексѣевичи приняли ихъ благосклонно, и повелѣли имъ взять изъ Греческой школы нѣсколько сшаршихъ учениковъ, кошорые и были помѣ-

щены въ особенной школѣ, при Богоявленскомъ монастырѣ. Черезъ два года опданы имъ въ обученіе и всѣ оспальные, для посшепеннаго преподаванія разныхъ наукъ на Лашинскомъ и Греческомъ языкахъ. Школа увеличилась пріемомъ 40 человекъ боярскихъ дѣшей, и кромѣ того нѣсколькихъ разночинцевъ. Лихуды пользовались уваженіемъ всѣхъ, понимавшихъ важность шруда. Въ 1685 году Іеродіаконъ Мелетій завѣщалъ имъ 2000 рублей, на поспроеніе Академіи. Она была поспроена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, куда и переселились Лихуды со всѣми своими учениками. Это было самое цвѣтущее состояніе Академіи при Лихудахъ. Около 1690 года, на нихъ возсшавили спрашное гоненіе Спроишель Заиконоспасскаго монастыря Сильвеспръ Медвѣдевъ и Бояринъ Шекловишій; зло и клевета просперлись до того, что несчастные брашья были сосланы въ Коспромской Ипашьевскій монастырь. Такимъ образомъ судьба ихъ опдѣлилась опъ судьбы знаменипаго ихъ училища, изъ котораго уже начинали выходить ученые молодые люди. Двое изъ эшихъ, Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ сдѣлались преемниками Лихудовъ въ учительствѣ, и пашь лѣшъ были почти единспвенными преподавателями всѣхъ наукъ въ Академіи. Ѳедоръ Поликарповъ, извѣсшій и въ Липшерашурѣ, еще извѣсшнѣе въ

типографскомъ искусствѣ: онъ былъ справщикомъ и наконецъ Директоромъ Типографіи Духовной, въ кошую перешелъ изъ Академіи. Премниками его и Семенова были опять ученики Лихудовъ: Іовъ, Чудовскій монахъ, и попомъ Палладій Роговской. Наконецъ Пётръ Великій повелѣлъ преподавать въ Законоспасской Академіи полный курсъ наукъ на Лашинскомъ языкѣ, и вслѣдствіе этого Стефанъ Яворскій, правившій тогда папріаршимъ пресшоломъ, вызвалъ новыхъ училелей изъ Кіевской Академіи. Они совершенно преобразовали ученіе и ввели преподаваніе схоластическое, внесенное въ Кіевъ во время Польскаго владычества.

Лихуды, послѣ многихъ испытаній судьбы, находились тогда опять въ Москвѣ, и обучали Греческому языку на Казанскомъ подворьѣ. Но въ 1717 году Іоанникій Лихудъ умеръ, а братъ его Софроній былъ произведенъ Архимандритомъ въ Рязанскій Солошчинъ монастырь. Новая Греческая школа ихъ существовала до 1724 года, когда повелѣно было соединить ее съ Академіею. Послѣднимъ училелемъ Греческаго языка въ ней былъ Грекъ Леонасій Скіада; въ Законоспасской Академіи должность эту занялъ ученикъ Лихудовъ, Алексѣй Барсовъ.

Вошъ изъ какихъ элементовъ составилось училище, въ кошоромъ помѣстился наконецъ

Ломоносовъ! Надобно сказать, что оно было тогда не совершенно церковное или духовное училище: въ него принимали и дворянъ. Поэтому-то, когда Ректоръ согласился принять къ себѣ Ломоносова, онъ записалъ его дворяниномъ, и только не велѣлъ ему говорить объ этомъ съ товарищами.

Глава IV.

Но чему и какъ учили тогда въ Законо-спасской Академіи? . . . И теперь любопытно заглянушь въ нѣ школы, гдѣ еще не оставлена привычка къ старому; любопытно, пошому что это противоположно съ нашими понятіями, какъ прошедшее съ настоящимъ, какъ жизнь и смерть.

Ломоносова учили весьма просто, или весьма мудрено, какъ будемъ глядѣть на это. Просто пошому, что такъ учили всѣхъ, мудрено пошому, что кто хочешь извлечь изъ такого ученія сколько нибудь пользы, тому надобно употреблять всѣ силы ума.

Ломоносову было около семнадцати лѣтъ, когда посадили его за Лашинскую азбуку. Тверди, будущій геній, дивные знаки и звуки! Учитель его былъ на первый случай добрый Іеромонахъ Медосъ Ипполиповичъ. Онъ никакъ не могъ понять, что черезъ нѣсколько дней полудикій Михайло зналъ азбуку и про-

чишывалъ слова не хуже его. » Тверди, мой другъ, шверди! » говорилъ добрый монахъ.

— Да ужъ я знаю все это — опвѣчалъ Михайло.

« Тверди. »

— Дайте мнѣ чпо нибудь новое швердишь.

« Тверди старое: Repetitio est mater studiorum. Понялъ-ли ты чшò сказалъ я? »

— Нѣшъ-съ.

« Повшореніе маперъ ученія (такъ перевелъ Лашинскую фразу Медосшъ Ипполишовичъ). »

И Ломоносовъ швердилъ, шò еспъ повшорялъ шò зналъ уже очень хорошо. Лѣнь другихъ радовалась такому повшоренію, а онъ досадовалъ, шò на учишеля, шò на себя, пошому чшò приписывалъ своей шупосши немилосердые школьные обычаи. Еще больше приводили его въ недоумѣніе поварищи своими насмѣшками. Правда, они были ему поварищи не по лѣпамъ, однакожъ онъ думалъ, чшò и въ мальчишкахъ найдешъ радушныхъ совѣшниковъ и сошрудниковъ. Онъ обращался иногда къ нимъ съ вопросами о зашрудненіяхъ своихъ въ азбукѣ, но вмѣсто опвѣша слышалъ одинъ язвительный смѣхъ. Опскакивая опъ него, они кричали съ хохомъ: « Экой болванъ! лѣшъ въ двадцашъ пришелъ учишся Лапиши! Мужикъ съ азбучкой возишся! »

Досада и грусть сжимали его сердце. Нѣсколько разъ случалось, что выведенный изъ перпѣнія шалунами-поварищами, онъ кидался бишь ихъ; но шолпа разлешалась дождемъ, и еще больше горькія насмѣшки осыпали его. «У, у! И, и!» кричали ему со всѣхъ споронъ и передразнивали его шѣлодвиженіями. Ломоносовъ увидѣлъ, какъ глупо было положеніе его, и далъ себѣ неизмѣнное слово не обращать вниманія на шолпу оборванныхъ, ошипанныхъ шалуновъ, вооруженныхъ шолько дерзосшью и шумною веселосшью. Наружное безспраспие къ нимъ сдѣлалось щипомъ его. Мальчики не унимались, но уже не шакъ охошно преслѣдовали его, пошому что и въ эпомъ возрасшѣ любяшъ опличашься шрудными подвигами, а легкое, досшупное для всѣхъ, дѣлаешь пошлымъ, скучнымъ, ничшожнымъ.

Хошше-ли видѣшъ живое изображеніе поварищей Ломоносова? Подише когда нибудь, часу въ первомъ по полудни, мимо скаго училища: въ эшо время высыпаешъ изъ него шолпа мальчиковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, шаловливыхъ. Они шумяшъ, прыгаюшъ, бѣснующься, увивающься около плуша-разнощика, браняшъ другъ съ другомъ.... вы подумаете, эшо цѣлый народъ маленькихъ сумасшешшихъ. Но шаковъ всегда и вездѣ *мальгишекъ радостный народъ*. Можешъ-ли занимашъ ихъ ученье, когда

не занимаешъ ни что въ мірѣ? Они веселы, какъ пшички, они не знаютъ для чего учатъ ихъ, и зная только, что это тяжкая необходимость, рады, рады когда избавляющся отъ нея хоть на время. Не разъ приходило мнѣ на мысль, глядя на эту оборванную толпу школьниковъ. . . . скаго училища, что шакъ-то нашъ Ломоносовъ началъ свое огромное поприще! Правда, онъ былъ головою выше ихъ, а эписъ шакъ ровны! Однако, кто знаетъ, что и въ этой запачканной толпѣ не кроется какойнибудь геній? Можетъ быть!

Ломоносовъ вооружался перпѣніемъ прошивъ насмѣшекъ не равныхъ ему товарищей. Онъ прилежно корпѣлъ надъ азбукою, надъ шешрадками, и черезъ полгода, на экзаменѣ, удивилъ самого Ипполиповича своимъ знаніемъ. Онъ объяснялъ ему шакіе предметы, кошорые, казалось, и не входили въ кругъ азбуки. Онъ касался даже вопросовъ граммашическиххъ, когда дѣло шло о складахъ; онъ объяснялъ смыслъ, когда дѣло шло о звукахъ; онъ зналъ наизусъ всѣ правила, и распроспранилъ ихъ далеко въ обласъ граммашическую. Такой необыкновенный успѣхъ обрадовалъ почтенныхъ учишелей его, и они единогласно рѣшили, что Ломоносовъ переводишся въ *Грамматическій* классъ. Самъ Рекшоръ изъявилъ ему свое удовольствіе и пору-

чилъ его особенному вниманію новаго учишеля, Іеромонаха Германа Канашевича.

Одною изъ главныхъ выгодъ этой побѣды для Ломоносова было усмиреніе его поваричей: большая часть ихъ, промучившись цѣлый годъ, оспались въ классѣ азбучномъ; переведенные вмѣстѣ съ нимъ не оказали такихъ большихъ успѣховъ, хоша пригопавлиались къ нимъ годами. Вниманіе Ректора и похвалы учителей были также великимъ дѣломъ для насмѣшниковъ, увидѣвшихъ слабостъ свою передъ пріѣзжимъ мужикомъ. Его перевели въ другое жильє, и хоша онъ все еще былъ саршій по лѣшамъ, но за то спалъ извѣстнѣе и какъ саршій по успѣхамъ.

Грамматическій классъ сдѣлался новымъ мученьемъ для неперпѣливаго Ломоносова. Онъ въ немного времени узналъ склоненія, спряженія и свойства другихъ частей рѣчи. Умъ его хотѣлъ перенестись дальше, но саргій Канашевичъ удерживалъ неперпѣливца. «Не глупѣе шебя были великіе наставники юношества,» сказалъ онъ ему однажды, когда Ломоносовъ упрашивалъ его изъяснить что нибудь дальше Эпимологіи. «Они опредѣлили, и опышностъ многихъ лѣтъ пріучила всѣхъ, занимающихся Эпимологією цѣлый годъ. Какъ-же хочешь ты перепрыгнуть за предѣлы вѣковой мудрости? Удержись, юноша!»

Что-жь сдѣлалъ Ломоносовъ? Не оставляя Этимологіи, онъ началъ самъ изучать Синтаксисъ. Канашевичъ и не догадывался объ этомъ, когда на экзаменѣ въ 1731 году, Ломоносовъ, превосходно отвѣчая на всѣ вопросы изъ Этимологіи, сказалъ, что онъ знаетъ также и Синтаксисъ.

« Синтаксисъ? » вскричали экзаменаторы въ одинъ голосъ. « Но ты не учился ему. »

— То есть меня не учили ему, хотя я и просилъ объ этомъ; но я учился самъ, и знаю уже. . . .

Ректоръ, Софроній Мегалевичъ, не долго поступившій на мѣсто Коцевича, остановилъ его мановеніемъ руки, и съ сердцемъ сказалъ Канашевичу, что онъ не сморитъ за своими учениками, что они учатъ не то чего пребудушъ ошъ нихъ, и слѣдовательно не знаютъ того, что нужно.

Канашевичъ осмѣлился замѣтить, что Ломоносовъ оказался первымъ и въ Этимологическомъ классѣ.

« Знаю, и за успѣхи переведутъ его въ Синтаксическій классъ, а за гордыню, за неперпѣливоспъ и непослушаніе, я, какъ правитель училища, приказываю посадить Михайлу Ломоносова въ темную, на двои сучки. Скромность и смиреніе первыя добродѣтели для юноши. »

Ломоносовъ дивился, почему-же его сажашъ въ темную за самое проспиштельное нарушеніе правилъ училища, за излишніе успѣхи, а многихъ товарищей его оставляющъ въ покоѣ, когда они не оказывающъ ни какихъ успѣховъ, и при томъ дѣлающъ порядочныя шалости? Юноша еще не зналъ различія между обыкновеннымъ, следовательно необходимымъ, или по крайней мѣрѣ проспиштельнымъ, и необыкновеннымъ, следовательно нарушающимъ правила, принятыя всѣми. Покровишеля, защитника его, отца Порфирія, уже не было въ монастырѣ, и онъ оставался безъ всякихъ дружескихъ совѣтовъ. Ломоносовъ сдѣлался осторожнѣе, и когда перевели его въ Синтаксическій классъ (это было въ 1734 году), спалъ умѣряющъ свою пылкость и ограничивающъ только шѣмъ, что заставляли его выучивашъ. Правда, Грамматика, со всѣми своими каверзами, крючками, шаяла передъ его умомъ какъ снѣгъ, какъ воскъ огнь пламени, однакожь онъ не показывалъ новому своему учителю, Тарасію Посникову, что этой умственной пищи мало ему, что онъ смошришъ дальше, глубже изъясняемыхъ ему шайншвъ. Онъ проникалъ въ тайны Просодіи, въ тайны языка вообще, а не одного Лашинскаго, и скрывалъ это огнь всѣхъ: товарищи не поняли-бы его, а учителя, можетъ бышъ, ошашъ вздумали-бы наказашъ.

Между шѣмъ, ученіе одной Лапины давно переспало удовлетворяшь его. Уже слишкомъ два года находился онъ въ школѣ, а его не пускали дальше Лапинской Грамматики, въ которой былъ онъ только что на половинѣ, по крайней мѣрѣ по наружности, а на самомъ дѣлѣ онъ уже сдѣлался довольно силенъ въ Лапинскомъ языкѣ и понималъ авторовъ. Еще за годъ началъ онъ сочинять Лапинскіе стихи, варварскіе, отъ которыхъ содрогался прахъ Горація и вянулъ мирръ надъ могилой Виргилія; однакожь это показываешь быспрые его успѣхи. Греческій языкъ обрадовалъ его своимъ богашствомъ, своими шрудностями; но для этого языка не было ни порядочныхъ учишелей, ни порядочныхъ книгъ. Ломоносовъ замѣнялъ недоспашки школы своею проницательностью, самъ соспавлялъ шаблицы, сисшемы и дѣлалъ выводы, которыхъ не было ни въ книгахъ его, ни на устахъ его учишелей. И за всѣмъ шѣмъ, у него еще оспавалось много свободного времени. Ешпешвенно: онъ не шалилъ вмѣспѣ съ мальчишками-шоварищами въ часы опдыха. Онъ выпросилъ себѣ позволеніе рышья въ библиотекѣ училища, и въ то время, когда шоварищи его бѣгали, прыгали, ходили колесомъ, играли въ свайку или вершѣли кубарь, онъ спѣшилъ въ уединенное книгохранилище, разсмашривалъ, пожиралъ шамъ все новое для

него, и въ опредѣленную минушу являлся опяшь въ классъ. Къ большому горю его, онъ мало находилъ въ библіотекѣ такихъ книгъ, копорыя удовлетворяли-бы его разнообразныя требованія. Тутъ было много сочиненій богословскихъ, мало историческихъ, и почти совсѣмъ не было математическихъ и философическихъ. А ему спрахъ какъ хотѣлось узнать таинства математики и философіи. За то нашелъ онъ въ библіотекѣ много книгъ церковныхъ, любимыхъ имъ съ малолѣтства. Языку церковному не учили тогда ни гдѣ; но достойная хвалы привычка, читая священныя книги, рано знакомила благочестивыхъ людей съ языкомъ ихъ. Ломоносовъ былъ превосходнымъ чтецомъ еще въ своей деревнѣ, любилъ пѣть духовныя пѣсни, и пошому зналъ языкъ церковный, чувствовалъ всѣ тонкости его. Оживая въ просвѣщеніи ума, онъ началъ понимать всю силу этого языка, столь благозвучнаго, выразительнаго, богатаго. Это невольнымъ образомъ привело его къ мысли о языкѣ собственно-Русскомъ. «Участь здѣсь Латинскому и Греческому, а о Русскомъ не думаюшъ,» размышлялъ онъ. «Неужели шощъ языкъ, копорымъ мы говоримъ, на копоромъ думаемъ и передаемъ всѣ ощущенія души, неужели эшощъ языкъ не заслуживаетъ изслѣдованія, изученія самаго тщательнаго?» Съ такимъ-то недоумѣніемъ обратился онъ къ ново-

му своему учителю, Тарасію Посникову. Эпошъ челоуѣкъ еще не былъ монахомъ : онъ только пригошовлялся къ монашескому чину , и пошому называли его бѣльцомъ ; впрочемъ , занимая не важное мѣсто въ Академіи , онъ не искалъ ни у кого , ничего , и не пользовался большою милоспью своихъ спаршихъ.

« Ты говоришь о Русскомъ языкѣ , » сказалъ онъ Ломоносову. « Да кто о немъ спанешъ думаешь здѣсь ? Ты видишь , что кромѣ меня шущъ все Малороссіане : они и говорятъ по-Русски не чисто , и не могутъ понимать нашего языка во всемъ совершенствѣ , да и не любящъ его. А чего не любящъ , о томъ не думаютъ. Эпо все пріѣзжіе въ Москву , большею часпію Кіевскіе Академисты и Профессоры. Они почидаютъ нашу Академію ниже своей , и пріѣзжаютъ сюда только похваспашъ ученоспью.

— Можешъ бышь , въ самомъ дѣлѣ у нихъ , въ Кіевѣ , больше учености нежели здѣсь ?

« Больше пособій , правда ; за шо у нихъ Лапинъ сѣла все ; она прилѣпилась къ нимъ опъ Поляковъ , копорые , долго владычешвуя въ Кіевѣ , не успѣли засѣяшь благодапного поля своею Лапинскою ересью , шакъ засѣяли его Лапинскою ученоспью.

— Однакожь эпо любопышно — сказалъ Ломоносовъ — и я желалъ-бы поучишься въ Кіевѣ.

« Чему ? » спросилъ съ досадою Посниковъ. « Аришпошелевой мудрости или Польской Лапины ? »

— И шому и другому, а больше всего хочешся мнѣ порышья въ шамошной библиотекѣ: вы сами подшвердили, что она богаче нашей Московской.

« Книгъ у нихъ много, да въ людяхъ мало шолку, » сказалъ Посниковъ. « Не совѣшую, брашъ, Михайло, забивашья въ Кіевъ: раскаешья. И у насъ, нечего грѣха шайшъ, много занимающья пусшяками; а у нихъ ужъ шолько пусшяками и занимающья: споры, диспушы, пусшое головоломшво ! . . . »

— Но вамъ извѣшно, что въ нашей библиотекѣ очень мало, слишкомъ мало книгъ философическихъ, физическихъ, математическихъ....

« Э, брашъ, Михайло ! да неужели ты ужъ хочешъ въ Философическій классъ ? »

— Если-бъ я былъ досшюинъ, то не опрекся-бы; но я хочу самъ учишья Философіи, Физикѣ. . . .

Посниковъ расхохошался.

« Ты хочешъ самъ сдѣлашья философомъ, Михайло ! Ну, шакъ поѣзжай, брашъ, въ Кіевъ: шамъ будешъ ты какъ рыба въ водѣ. »

Ломоносовъ опшвѣчалъ, нѣсколько оскорбленный смѣхомъ своего учишеля :

— Я не думалъ говоришъ неугоднаго вамъ,

и если въ моихъ словахъ естъ что нибудь необдуманное, то насшавъше, просвѣщите меня.

« Да какъ-же, брашець : хочешъ ѣхать въ Кіевъ, за шѣмъ, что шамъ много книгъ, Господь вѣдаешъ о какихъ предметахъ ; а нашу Русь развѣ не надобно тебѣ узнавать больше всего другаго ? Ты самъ заговорилъ о Русскомъ языкѣ : научишься-ли ему шамъ ? Ты Рускій : знаешь-ли каковы были наши предки ? знаешь-ли ты что нибудь про солнышко Владиміра Святославича ? про Мспислава Удалаго ? про Димитрія, побѣдителя Ташаръ ? знаешь-ли про Минина и Пожарскаго ?

Эта патриотическая выходка зажгла пылкую душу Ломоносова. Онъ сознался въ невѣдѣніи своемъ, и двѣ, при недѣли съ жаромъ чиналъ лѣтописи Русскія, кошорыхъ было довольно въ монастырской библіотекѣ; хошѣлъ опчешисѣ, обдуманнѣе изучать свой языкъ, но не находилъ ни какихъ пособій, кромѣ давно извѣстной ему Грамматики Смотрицкаго. Эшо охладило его, и онъ не замѣтно погрузился опять въ Лашинъ, въ Греческій языкъ. Таково было свойство нашего поэта : умъ его вдругъ хошѣлъ обнять цѣлый міръ; но волѣ и уму человека естъ предѣлы; пошому-то онъ естественнѣе не могъ долго углубляться въ одинъ предметъ. Разумѣется, говоря эшо о геніи, мы не разумѣемъ здѣсь поверхностности людей обык-

новенныхъ. Въ двѣ недѣли узнавалъ онъ то, на что другому попребны мѣсяцы; въ каждомъ предметѣ раскрывались ему новыя спороны; вся природа имѣла для него новый смыслъ, ускользающій отъ толпы. Но при этомъ свойствѣ, быспро схвапывашъ главный характеръ и рѣзкія черпы всего, онъ не имѣлъ терпѣнія, необходимаго для успѣховъ прочныхъ, вѣковыхъ. Главною, поспоянною спрасшою его была спрасшъ къ ученію, желаніе узнать и охвапипъ умомъ цѣлый міръ.

Между шѣмъ, схоласпическія формы уже начали овладѣвашъ липпературнымъ его образованіемъ; онъ привыкалъ вѣришь, что въ нихъ заключаешся вся задача ученоспи; однакожь умъ, свѣжій, ясновидящій, не хотѣлъ бышь побѣжденнымъ пакъ легко. Ломоносовъ любилъ Науку Природы, хотѣлъ бросишься въ глубину Мешафизики; но шущъ вспрѣпилъ онъ непреодолимое препяшспвіе: у него не было пособій для эшихъ наукъ. Ариомешика Магницкаго давно зажгла въ немъ спрасшъ къ Машемашикѣ, но спрасшъ эша гасла безъ пищи, и воскресала шолько по временамъ, при какихъ нибудь внезапныхъ задачахъ природы.

Тогда какъ умъ Ломоносова жаждалъ знаній положишельныхъ, почныхъ, его перевели въ высшій классъ, гдѣ Іеромонахъ Теофилакшъ Квѣшницкій наставлялъ съ Латинской и Россій-

ской Поэзіи. Не понимая ни смысла, ни объема многозначительнаго слова: *Поэзія*, добрый монахъ просто сказывалъ своимъ слушателямъ то, что слыхалъ отъ своего учителя. Поэзія его заключалась въ Аристотелевскомъ подраздѣленіи спрасшей, какъ будто со временъ Аристотеля человѣкъ не жилъ, не открылъ новыхъ міровъ поэзіи, не кипѣлъ новыми спрашями, не зналъ иныхъ вдохновеній, кромѣ Греческаго. Надобно прибавить, что и эпо преподаваніе относилось только къ Лапинскому языку и къ его стихотворству. Въ Россіи уже писали тогда Русскіе стихи Кантемиръ и Тредьяковскій, но публика, и шѣмъ болѣе Законодательная Академія не знали о нихъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ былъ окруженъ, спѣсненъ, давленъ Лапиною: она была для него языкомъ, поэзіею, ученостью, всѣмъ, потому что въ ней заключалось тогда все.

Въ такихъ обстоятельствахъ нашалъ для него экзаменъ 1732 года. Ломоносовъ замѣтилъ необыкновенное волненіе въ училищѣ: Префектъ, учителя и всѣ служащіе въ монастырѣ суежились, бѣгали, заботились о порядкѣ, и ласково обращаясь къ ученикамъ, просили ихъ быть скромными, вѣжливыми на торжественномъ экзаменѣ, а болѣе всего упрашивали приготовиться какъ можно лучше къ отвѣтамъ яснымъ, почнымъ, исправнымъ. «Высокопреосвя-

щеннѣйшій Теофанъ, Архіепископъ, обѣщаль посѣшпть нашъ экзаменъ,» сказали наконецъ имъ. « Не посрамише-же насъ предъ симъ многоученымъ и великимъ мужемъ.

Имя Теофана гремѣло тогда въ Россіи. Этошъ знаменишый мужъ былъ любимцемъ чешырехъ Монарховъ Россійскихъ. Кіевскій урожденецъ, сынъ просшаго мѣщанина, онъ въ самыхъ молодыхъ лѣсахъ ошправился въ Липву, учишья : Кіевская ученосшь не удовлетворяла его. Имя Рускаго, и еще Греческаго исповѣданія, не было рекомендаціей у Поляковъ, до шакой степени, что Теофанъ, называвшійся тогда еще *Елеазаромъ*, рѣшилсѣ выдасъ себя Уніащомъ, подружилсѣ съ Каполическими монахами, и даже всшупилъ въ брашсшво Базиліанскаго монасшыря. Онъ изумилъ Каполиковъ своими успѣхами въ наукахъ, въ языкахъ, и очаровалъ ихъ своимъ гибкимъ умомъ, своимъ краснорѣчіемъ, такъ что они рѣшились послашъ его въ Римскую Академію. Три года жилъ Теофанъ въ Римѣ; наконецъ, увидѣлъ великолѣпную пущошу чужеземцевъ и возврашисѣ въ Россію. Тутъ-ш началось его славное поприще. Орлиный взоръ Пешра ошкрылъ въ просшомъ монахѣ Кіевскомъ будущаго государсшвеннаго мужа. Посшепенно приближалъ его къ себѣ Пешръ, и посшепенно раскрывались въ Теофанѣ новыя способности, новыя средсшва къ великому подвигу преобра-

зованія, для котораго Пепру были нужны люди. Почти во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ участвовалъ Теофанъ, и по кончинѣ Пепра не переспавалъ имѣть большую силу при Дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые способствовали возведенію на Россійскій Престолъ Императрицы Анны Іоанновны. Послѣ ея коронованія, Дворъ долго оставался въ Москвѣ, а Теофанъ еще долѣе. Въ это-то время случился экзаменъ въ Заиконоспасской Академіи. Архіепископъ желалъ бытъ на немъ, и произвелъ страшное волненіе въ кругу преподавателей тамошнихъ, робкихъ передъ высокимъ саномъ и передъ славнымъ, проницательнымъ умомъ Теофана.

Въ назначенный день, съѣхались въ Академію многія знаменишыя духовныя особы; явился и Теофанъ.

Спранное впечатлѣніе потрясло душу Ломоносова, когда онъ увидѣлъ этого достопамятнаго сподвижника Пепра. Незнакомый съ почестями и власями, онъ не понималъ значительности Архіепископа какъ государспвеннаго мужа: онъ видѣлъ въ немъ шолько человека, глубокаго ученоспью и умомъ, испытаннаго трудами и пожерспваніями наукъ, долго жившаго въ спѣнахъ Рима, и уже славнаго своими собспвенными сочиненіями. Онъ еще никогда не видывалъ людей знаменишыхъ, историгескихъ,

и хопя былъ окруженъ нѣсколько лѣтъ *учеными*, но по какому-то невольному чувству соспавлялъ себѣ иной идеалъ ученаго мужа. Ему казалось, что онъ видитъ осуществленіе этого идеала въ Теофанѣ. Пылкая душа его и горячій умъ воспрянули: онъ, безъ всякаго честолюбія, изъ одной благородной ревности къ достоинству человека, рѣшился высказать всего себя. И надобно было удивляться этому богатому дарованіями юношѣ! Онъ свободно изъяснялъ на Лашинскомъ языкѣ самые отвлеченные предметы; ясно и краснорѣчиво говорилъ о языкѣ Славянскомъ (такъ называли тогда языкъ церковный); удивлялъ всѣхъ слушавшихъ знаніемъ безчисленнаго множества ученыхъ мѣлочей, кошорыя всегда придають такой блескъ школьнымъ экзаменамъ. Греческіе классики были извѣсны ему мало, однако языкъ ихъ онъ зналъ, и вообще явился первымъ по своимъ свѣдѣніямъ, и еще болѣе по изящному дару слова, кошорый блистательно помогъ ему показать пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія.

Теофанъ самъ дѣлалъ ему много вопросовъ, былъ, казалось, доволенъ имъ, но не хотѣлъ отплатить ему передъ другими учениками, для того чтобы не унижить ихъ. Онъ спросилъ только объ имени молодаго человека, споль отплатнаго своими дарованіями, и когда вошелъ въ комнату Архимандриша, гдѣ былъ приго-

повленъ завпракъ, шо, прежде всего, подробно освѣдомился о Михайлѣ Ломоносовѣ и велѣлъ позвать его.

Смиренно явился скромный ученикъ передъ славнымъ ученымъ. Пылкость, копорая одушевляла его на экзаменѣ, прошла: онъ робѣлъ. Но благосклонный взоръ архипасшыря ободрилъ его. Теофанъ сидѣлъ на канане, и велѣлъ Ломоносову подойди къ себѣ; множеспво сановниковъ стояли въ почтительномъ ошдаленіи. Поглядѣвъ нѣсколько секундъ на прекраснаго, полнаго жизни юношу, онъ сказалъ: «Эшопъ молодой человекъ обѣщаетъ много: надобно шолько чшобы онъ исполнилъ свои обѣщанія.» И прибавилъ, обративши рѣчь къ Ломоносову: «Для науки оспавилъ шы опеческій домъ, и наука приняла шебя какъ избраннаго сына. Богъ да благословишъ шебя на подвигъ шруда благаго!» Онъ осѣнилъ Ломоносова крешнымъ знаменіемъ.

Никакія награды въ мірѣ не были-бы для Ломоносова шакъ драгоцѣнны, какъ эшо благословеніе архипасшыря, къ копорому съ перваго взгляда зародилось въ душѣ его благоговѣйное чувспво. Онъ удерживалъ нѣсколько секундъ свое чувспво, но наконецъ бросился на колѣни и искалъ благословляющей его руки.

Теофанъ самъ былъ пронупъ. Онъ спросилъ, не можешъ-ли сдѣлашъ ему чего нибудъ полез-

наго; не имѣешь-ли онъ какого-либо желанія, для будущихъ своихъ успѣховъ.

Въ такія торжественныя минуты Ломоносовъ бывалъ удивительно смѣлъ.

«Ваше Высокопреосвященство!» сказалъ онъ. «Будьте прежде всего моимъ заступникомъ. Я учусь здѣсь незаконно....»

Всѣ учили его, бывшіе тутъ, Префектъ, Архимандритъ, поблѣднѣли и чуть не ахнули отъ страха.

— Да, Ваше Высокопреосвященство! Я мужикъ, и только по милости господъ наставниковъ моихъ принятъ въ здѣшнюю Академію, куда нѣтъ входа разночинцамъ. Я записанъ здѣсь дворяниномъ, и ежеминутно боюсь, что это когда нибудь можешь причинить неудовольствіе моимъ благодѣтелямъ, и выгнать меня изъ убѣжища наукъ.»

Лицо Теофана, сначала омрачившееся, прояснилось.

«Если это называешь ты незаконнымъ,» сказалъ онъ улыбаясь, «то будь спокоенъ. Я защитникъ твой съ сей минуты.

Ломоносовъ низко поклонился ему.

«Да,» примолвилъ Архіепископъ. «Не бойся ничего! хопя-бы со звономъ въ большой Московскій соборный колоколъ спали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ. Но,

юноша! Будь-же и ты достоинъ милоспешей, оказываемыхъ тебѣ старшими. Продолжай учиться, какъ ты началъ. Не ослѣпляйся первыми успѣхами своими.

— Я почишаю себя низайшимъ изъ низайшихъ — возразилъ Ломоносовъ. — Не только гордоспъ, но и самодовольспво еще не зараждалось въ душѣ моей. Признаюсь вамъ ошкрыто: я не доволенъ собой, и эспи успѣхи, какъ вы благоволили назвашъ усердные пруды мои, кажутся мнѣ дѣшскими. Чтò эспо за успѣхи, когда я выучиваю по книжкамъ то, чтò можешъ выучипъ всякій, сколько нибудь прилежный мальчикъ? Я желалъ-бы вдапъся въ Математику, въ познаніе природы, въ Философію: шамъ искушеніе для ума человѣческаго.»

« Не все вдругъ, мой добрый юноша! » сказалъ Теофанъ. « Сначала надобно узнать азбуку, чшобы послѣ чишашъ книги; сначала надобно усовершенспвовашъся въ наукахъ словесныхъ, чшобы попомъ перейдши къ другимъ.»

Ломоносовъ едва не сказалъ, чшо въ ихъ Академіи нѣшъ другихъ наукъ, и чшо все ограничиваешся словопреніями. Онъ удержался; однакъ Теофанъ проникъ тайную мысль его и сказалъ:

« Ты можешъ почерпнушъ много и другихъ свѣдѣній, изъ книгъ, хранящихся въ академической библіотекѣ.»

— Библіотека наша бѣдна книгами по шѣмъ наукамъ, о копорыхъ я упомянулъ, Ваше Высокопреосвященство. Говорять, Кіевская гораздо богаче.

« Да! Кіевская! правда. Кіевъ сшаринный разсадникъ наукъ. Я самъ возраспалъ тамъ; я возвращился шуда изъ великолѣпныхъ книгохранилищъ Рима и Венеціи, и наша Кіевская библіотека не показалаь мнѣ бѣдною. Чшо-же? ты можешь шакже съѣздишь въ Кіевъ, поучишься и тамъ годъ, два. Почтенные насшавники, вѣрно, дозволяють шибѣ эшо, » прибавиль онъ съ улыбкою, обращаясь къ власшямъ Законоспасской Академіи.

Какъ шонкій полишникъ во всѣхъ малѣйшихъ опношеніяхъ, Теофанъ не хопѣль поддерживашь долѣе разговоръ съ ученикомъ, въ продолженіе котораго безмолвспвовали его учипели. Онъ еще разъ благословиль Ломоносова, и, сдѣлавъ ему нѣсколько пасшырскихъ насшавленій, оппустиль юношу, восхищеннаго умомъ и благодушіемъ знаменишаго мужа.

Оспавшись въ своемъ кругу, гдѣ игралъ онъ первую роль, Теофанъ завель рѣчь о многихъ предмешахъ, былъ опмѣнно милосшивъ ко всѣмъ, и прощаясь съ брашією, будшо вспомнилъ опяшь о Ломоносовѣ и поручиль его особенному покровишельспву Архимандриша и Префекта.

Дни пошли опять своею чередой; только Ломоносовъ вскорѣ замѣшилъ, что начальники и учители сжали притворство къ нему, начали изъявлять нѣкоторую холодность къ своему прежнему любимцу, и, не рѣдко, язвительными намеками напоминали ему, что онъ въ *фаворѣ* у Высокопреосвященнаго. Это чувство такъ естественно въ сердцѣ человѣческомъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ осмѣлился выскочка разглашествовать прямо съ такою высокою особою, и заставилъ старшихъ своихъ быть только слушателями? Да и какъ не совѣстно Высокопреосвященному унижать себя разговоромъ съ простымъ школьникомъ, когда вокругъ него столько почтенныхъ особъ. О, надобно-же доказать ничтожному пришельцу, что онъ еще не вышелъ изъ подъ нашей ферылы! надобно доказать.

Начались эти доказательства. Первое состояло въ томъ, что съ него сжали строгаго взыскивать за малѣйшее недоразумѣнiе, за самую мѣлкую ошибку. Второе, отъ него сжали притворство не человѣческихъ успѣховъ; притворство, ему начали отказывать во всѣхъ, самыхъ справедливыхъ просьбахъ; четвертое.... но возможно-ли исчислишь все? Этого не лзя даже славить въ вину человѣку, если такое чувство маленькаго мщенiя, какъ будто доказательство его силы, кроется въ душѣ почти каждого, и

только спрогій присмотръ за нашимъ хранилищемъ всего прекраснаго, высокаго, благороднаго, только непрерывное наблюденіе за собою, дѣлають насъ чистыми, достойными высокаго нашего названія.

Однакожь, сколько мы ни опдаемъ справедливости сердцу человѣческому, а Ломоносову было опъ этого не легче. Онъ долго терпѣлъ нападенія непріязненныхъ (дологъ и одинъ день для того, кто терпишь); наконецъ рѣшился объясниться съ самимъ опцомъ Архимандришомъ, и повергнувъ передъ нимъ свою искреннюю, давнюю просьбу.

Явившись къ нему въ свободную минушу, онъ нашель его одного, что было очень ксшапи, и за смиреннымъ завпракомъ, что было еще больше ксшапи. Архимандришъ былъ испинно добродѣтельный, благочеспивый челоѣкъ; желалъ добра и дѣлалъ его всякому; но иногда увлекали его услужливые совѣшники. Онъ не разлюбилъ Ломоносова, и не смопря на черную шѣнь, кошорая легла между ними послѣ Теофанова посѣщенія, вспрѣшилъ его благосклонно.

«Что скажешь, добрый Архангелогородецъ?» спросилъ Архимандришъ ласково.

— Ваше Высокопреподобіе! Вы мой благодѣшель: смѣло являюсь къ вамъ съ новою просьбою.

« А я радъ выслушать тебя.

— Опустили меня въ Кіевъ, Ваше Высокопреподобіе.

« Въ Кіевъ? а затѣмъ?

— Одинъ годъ поучишься тамъ, посмотришь славнаго въ Исторіи нашей мѣста, и прочесть нѣкошорыя книги.

« Въ Кіевъ!... Не по приказу-ли Высокопреосвященнаго?

— По собственному желанію и по благословенію этого великаго архипасхыря. Остается только вамъ благословить меня.

« А если я не могу сдѣлать этого? »

— Милость Вашего Высокопреподобія неизреченна.

« Оно такъ, » сказалъ Архимандритъ смягчаясь, » но я не власненъ одинъ опустить тебя

Ломоносовъ обратилъ на него глаза съ вопрошающимъ видомъ.

« Да, не власненъ; для этого надобно согласіе всей Академіи, надобны особенныя причины; а между тѣмъ, того и жди, что ты опять станешь публично рассказывать о своемъ самозванствѣ.

— Ваше Высокопреподобіе! передъ архипасхыремъ и въ вашемъ присущствіи изливая свою душу, я не думалъ, что оскорблю кого ни-

будь. Но если я виноватъ , просише меня и приишише моей неопытности поступокъ , можешъ бышь , слишкомъ дерзкій. Вамъ извѣстно , что я не былъ никогда доноситикомъ и сплетникомъ. Клянусь Богомъ , что гдѣ-бы ни былъ я , мое глубокое почтеніе къ вамъ не изгладится въ моемъ сердцѣ. Вы можете вѣришь мнѣ , вами облагодѣтельствованному.

« Я и гошовъ вѣришь , но сказалъ уже , что одинъ не могу опустить себя. Для этого надобно согласіе Академіи и особенныя побудительныя причины.

— Причина : спросъ моя къ ученью.

« Да , я часно слышу объ эшой спроси ; но слышу и о другихъ спрашихъ своихъ : мы не уживчивъ съ поварищами , не уважилень къ старшимъ , дерзокъ съ высшими.

— Въ первый разъ на меня эшо обвиненіе ! и оно шѣмъ прискорбиѣ , что узнаю о немъ изъ устъ Вашего Высокопреподобія.

« Да , любезный Михайло , я долженъ сказать , что все эшо говорятъ о тебѣ люди , достойные вѣры.

— Но сверстники мои до сихъ поръ были по большей части мальчики ; у меня съ ними не могло бытъ согласія , когда я не игралъ съ ними въ свайку. Учили , благодареніе Богу ,

не вписывали меня въ число нерадивыхъ или негодяевъ. Вашему Высокопреподобію извѣстно лучше всѣхъ, соблюдалъ-ли я уваженіе къ старшимъ и къ высшимъ.

« Все это правда, и я вѣрю, что ты малый добрый; но съ нѣкошораго времени, я право не знаю.... себя что-то всѣ не любяшъ. У себя все такія зашѣи; ты все хочешь дѣлать самъ, мимо другихъ !

— На кого-же надѣяшся мнѣ, Ваше Высокопреподобіе ? Я сирѣ, хошя родишель мой здравствуетъ. — Онъ вздохнулъ. — Позвольте сказать вамъ откровенно: съѣздивъ въ Кіевъ было давнее мое желаніе; но теперь къ этому побуждаешъ меня еще и то общее неудовольствіе, которое возбудилъ я противъ себя, не знаю чѣмъ. Не будетъ меня здѣсь, и буря пройдетъ. Останется память только о томъ, что было во мнѣ добраго. А черезъ годъ, если допустишъ Богъ возвратишся мнѣ сюда, я предстану съ новымъ смиреніемъ и съ новою опытносшью къ умираннымъ временемъ сердцамъ.

« Вишіваето, вишіваето ! » сказалъ съ довольнымъ видомъ Архимандритъ, которому понравилось нѣсколько семинарское краснорѣчіе Ломоносова.

« Хорошо, » прибавилъ онъ, « я предложу объ отпускѣ себя въ Кіевскую Академію, и

надѣюсь, что желаніе швое исполнишся. Сшуй-
най съ Богомъ, Михайло. »

Архимандритъ началъ доканчивашъ свой зав-
шракъ, а Ломоносовъ опсправился къ шовари-
щамъ въ ихъ камеры, и уже съ какимъ-шо оп-
чужденіемъ глядѣлъ на закопшѣлыя, мрачныя спѣ-
ны, среди копорыхъ провелъ онъ нѣсколько
лѣшъ. Мысль, зараждавшаяся въ его умѣ, обык-
новенно шѣснила и гнала опъ него всѣ другія,
не споль живыя впечатлѣнія. Кіевъ былъ пе-
перь новою мѣшою его, и Москва, куда прежде
спремились всѣ его желанія, пошерыла пре-
лесшъ свою для эшого пылкаго ума, для эшой
ненасышимой новыми впечатлѣніями души.

Прошло нѣсколько дней. Однажды Ломоно-
совъ сидѣлъ съ книгою, передъ окномъ, когда
ему сказали, что какой-шо пріѣзжій изъ Холмо-
горъ спрашиваешъ его. Сердце вздрогнуло въ
немъ, и холодный потъ выпушилъ на челѣ,
когда онъ вообразилъ, что, можешъ бышъ, эшо
разгнѣванный отецъ шребуешъ его передъ свои
грозныя очи. Не радосшъ, нѣшъ, не радосшъ
ощушилъ онъ при быспрой мысли о свиданіи
съ родишелемъ: пренешъ проникъ въ его душу,
когда онъ вообразилъ справедливо раздражен-
наго бѣгшвомъ его опца, власшъ опцовскую,
разлуку съ убѣжищемъ наукъ, возвращеніе къ
прежнему бышу. . . Все эшо пролешѣло мол-
ніей въ умѣ его. Наконецъ онъ собрался съ ду-

хомъ, тайно сошворилъ молишву къ неизреченному благосшью Богу, и пошелъ къ прїѣз-
жему.

Онъ ошибся. То былъ не опецъ его, а спаричекъ, мужикъ изъ одной съ нимъ деревни. Увидѣвши Ломоносова, онъ всплеснулъ руками и просподушно молвилъ :

« О, бранъ Миша, да какой ты оборванный! »

Никогда въ мысль не приходило Ломоносову, что, въ самомъ дѣлѣ, среди небогашыхъ поварищей былъ онъ самый убогій. Всѣмъ казеннымъ воспитанникамъ выдавались опъ училища рубахи и шиковые халашы, для показа въ шоржесшвенныхъ случаяхъ, но въ другое время зашавляли ихъ носить что у кого было. Изъ особенной милосши, а можешъ спашься и пошому, что эшо было уже необходимо, Ломоносову позволили наконецъ носить выданный за два года халашъ, копорый сдѣлался очень вешхъ. Но почти у всѣхъ поварищей его были родишели или родсшвенники, копорые снабжали ихъ обувью и давали имъ иногда деньги на пищу, на бумагу и даже на лакомшво; а онъ долженъ былъ довольсшвовашься однимъ жалованьемъ, копорое сосшавляло всего *алтынъ въ день*; изъ эшого упошреблялъ онъ денежку на хлѣбъ и денежку на квасъ, осшальное на бумагу, на обувь и на всѣ другія нужды. Такая *несказанная бѣдность*, какъ послѣ выразился онъ

самъ , не была замѣтна для него. Онъ жилъ въ поэтическомъ мірѣ, и, неуклонно спремясь къ высокой цѣли, не обращалъ вниманія на свои не-поэтическіе лохмотья, на голодъ и нужду, кошорые часто принужденъ былъ шерѣшь. Восклищаніе земляка вдругъ сняло покровъ съ глазъ его. Онъ какъ будто въ первый разъ взглянулъ на свою жалкую одежду; однакожь, безъ всякаго смущенія, подкрѣпленный благородною гордостью, ошвѣчалъ ему:

« Это буднишное плаще: у насъ всѣ шакъ ходяшъ по буднямъ.

— Не ужь-то? худо-же, брашъ, жишь-то ваше. А я принесъ шебѣ поклонъ ошъ родишеля, Василья Дорооеича.

« Скажи мнѣ прежде всего: здоровъ-ли родишель мой?

— Родишель? слава ше Господи, бапюшко!

« Да какъ шы опыскалъ меня, Пешровичъ? » спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ? да вѣдь ужъ давно знаюшъ въ нашей споронѣ, куда улешѣлъ шы, кормилецъ.

« Зачѣмъ шы здѣсь?

— Зачѣмъ? какъ зачѣмъ? съ шоваромъ пріѣхалъ.

« Ну, скажи-же мнѣ, каково поживаешъ родишель мой?

— Каково? Да, слава ше Господи, бапюшко! Приказалъ мнѣ сказать шебѣ свое благословеніе, да помолишься, чѣобы ты не оставилъ его на старости. Наградилъ-де меня Богъ всякимъ добромъ; кровавымъ, дескать, попомъ нажилъ я всякое довольство, а онъ не хочетъ утѣшить меня, не хочетъ послушать родительскаго совѣта и приказанія.

«Теперь ужь поздно ворочаться мнѣ домой, Петровичъ. Другую часть избралъ я себѣ, и богатство отца не ворошитъ меня на родную сторону. Полюбилъ я книги, да ученіе, а кто къ нимъ привяжется, тотъ не кормилецъ и не наследникъ отцу.

Такъ говорилъ Ломоносовъ, сшараясь быть вразумительнымъ для закоренѣлаго невѣжды, своего земляка. Какъ могъ онъ объяснить ему иначе свое отчужденіе отъ родительскаго дома?

Тотъ слушалъ его разинувъ ротъ, и по сѣверному обычаю началъ опять чѣмъ-то въ родѣ вопроса безъ отвѣта:

— Не кормилецъ? А по что?

«Да по то, что мнѣ здѣсь лучше и въ бѣдѣности, чѣмъ въ довольствѣ у отца.

— Лучше? А сколько добра всякаго у своего родителя! Подумай ты, Миша, что умреть онъ, шакъ все чужіе люди расхищать.

«Дай Богъ многолѣтія моему почтенному родителю! О смерти, Петровичъ, говоришь

нечего , когда еще мы живы и здоровы. Надѣюсь , что молитву мою о здравіи отца услышитъ Богъ. А объ имѣніи его я и не думаю.

— Не думаешь? Да онъ велѣлъ сказать тебѣ , что для тебя-де наживалъ онъ и трудился ; а ты не хочешь милости его принять.

« Не могу, хотя-бы и хотѣлъ. Я какъ монахъ , который обрекъ себя иному образу жизни, для мірекихъ , для семейныхъ прельщеній не возвращусь домой. Скажи это моему родителю ; скажи , что я горячо люблю его , всегда поминую въ своихъ молитвахъ , земно кланяюсь ему.

— А домой не пойдешь ?

« Не пойду.

Спарикъ не зналъ какъ лучше упрашивать его земляка : все краснорѣчіе , всѣ доводы его истощились. И надобно сказать , они были такого рода, что могли еще больше укрѣпить Ломосова въ неизмѣнномъ его намѣреніи. Деньги! Довольство! Нажитое оцномъ имѣніе! Какъ все это смѣшно было для него , когда этимъ хотѣли уговорить его воротиться домой. Гораздо труднѣе было ему прошептать одному, драгоценному слову : *отецъ*. Но уже такъ много раздѣляло ихъ , что возвращеніе къ прежнему было невозможно. Онъ еще разъ приказалъ спарику Пепровичу изъяснить отцу все почтеніе , всю привязанность сына , и спѣшилъ расстаться съ нимъ.

Тяжело вздохнулъ Ломоносовъ , когда кончилъ объясненіе съ сшарикомъ. Любовь къ опцу и даже къ родинѣ воскресла въ немъ : надобно было задушить ее. Прошедши нѣсколько шаговъ къ своему жилищу (они разговаривали посреди широкаго двора Академіи) , Ломоносовъ невольно оглянулся , и запрепешалъ , смошря на безобразнаго земляка своего , кошорый шихо удалялся , опираясь на коспыль. « Не Асмодейли, въ видѣ эшого человѣка , являлся ко мнѣ со своими обольщеніями ? » подумалъ онъ. « Чего хошѣлъ онъ опъ меня ? Ошорвашъ опъ свѣша испины и снова повергнушь въ глубину шмы , невѣжесшва ? Для эшого , сначала указалъ онъ на мою нищешу. Да , я въ самомъ дѣлѣ нищъ. Пишаюсь однимъ хлѣбомъ , ношу почти рубище , принужденъ опказывать себѣ во всемъ. Говоряшъ , Москва веселый городъ ; въ немъ шакъ много людей богашыхъ , кошорые живутъ шолько для веселья и радосши ; а я ! . . . я даже не знаю чшѡ шакое значить радосшь. Живу сполько лѣшъ въ Москвѣ , и не видалъ въ ней ничего , кромѣ спѣнъ своей школы , кромѣ спѣнъ города . . . Михайло ! Михайло ! развѣ шы не видишь храмовъ Божіихъ ? Развѣ шы не бываешь у свяшыхъ угодниковъ Московскихъ ? Развѣ бѣдноспъ швоя не спорицею награждается знаніями , какія уже пріобрѣлъ шы , обрекши себя эшой бѣдноспи ? Прочъ , Асмодей , со своими

лукавыми обаяніями! Онъ говорилъ мнѣ еще объ ошцѣ моемъ . . . добрый, почтенный отецъ! Я-ли виноватъ, что безъ швоего благословенія бросился я на шопъ пупъ, куда съ малыхъ лѣтъ увлекало меня все? Мы не понимали другъ друга; шы не зналъ шого, что было шакъ ясно, шакъ убѣдишельно для меня; шы не зналъ сладости, не зналъ силы просвѣщенія.... Ну, послѣднее убѣжденіе было ужъ недоспойно и Асмодея,» подумалъ онъ и невольно улыбнулся.— «Онъ хошѣлъ обольспить меня деревенскимъ довольспвомъ! Какое счастье! Ёспъ жирные пироги, женишься на какой нибудь глупой дѣвкѣ, да безпрестанно ссоришься съ злою мачихой. Бѣдный отецъ мой все еще у нея подѣ наукой!»

Размышленія Ломоносова прояснились, покуда онъ дошелъ до своей камеры. Начало ихъ было шакое шоржеспвенное, шрагическое, а кончилисъ они почти комически. Инаго и не могло произвеспи въ немъ появленіе Архангелогородскаго земляка. Сила воли его побѣдила многія искушенія, копорыя шеперь были-бы для него уже спранны, если-бы къ нимъ не примѣшивалось священное имя ошца.

Онъ опяшъ забылъ о своей угнепающей бѣдноти, опяшъ обратился къ своимъ милымъ книгамъ, и совершенно упѣшилъ себя надеждою на лучшее въ будущемъ.

Съ неперпѣніемъ ожидалъ онъ рѣшенія Архимандриша. Наконецъ, въ одно утро, его позвали въ конференцію. Тамъ засѣдали Ректоръ-Архимандришъ, Префектъ и почти всѣ училищели его.

« Михайло Ломоносовъ! » сказалъ торжественно Ректоръ. « Академія, внявъ просьбѣ моей, изъявила согласіе на твое желаніе отправишься въ Кіевъ, для слушанія тамъ Философіи, Физики и Математики. Она остаеца въ надеждѣ, что извѣстное твое прилежаніе къ наукамъ оправдаеца милосливое снисхожденіе ея къ тебѣ, а я увѣренъ, что годъ, который ты проведешь въ Кіевской Академіи, не будеца для тебя тщетнымъ временемъ. Содержаніе, во время пути и пребыванія въ Кіевѣ, будеца ты получаеца такое-же, какое получаеца здѣсь, а случай къ управленію представляеца съ будущимъ запроше въ Кіевъ братомъ Антоніемъ.

Обрадованный Ломоносовъ кланялся и благодарилъ своихъ начальниковъ. Они велѣли ему приготавливаться къ отъѣзду.

Но велики-ли были приготовленія юноши, у котораго все имѣніе состояло нѣсколько книгъ, подаренныхъ ему отъ училища, и двѣ безцѣнныя книги, вынесенныя имъ изъ отеческаго дома!

На другой день ему вручили письменный видъ, родъ рекомендацельнаго письма къ Кіевскому начальству, да на издержки *три рубля пятьдесятъ копѣекъ*, и поручили его смолвѣнію опца Антонія, Кіевского монаха, Малороссіянина, копорый прїѣзжалъ по какимъ-шо дѣламъ въ Москву и теперь возвращался домой. Тѣлега, запряженная въ одну лошадь, съ сидѣвшимъ напередѣ усашимъ, сердшымъ Малороссіяниномъ, выѣхала на средину двора. Антоній прощался съ друзьями и прїятелями, копорые осыпали его добрыми напушсвованіями; наконецъ, послѣ многихъ лобызаній, смиренная шѣлежка пока- шилась.

Проѣзжая Московскими улицами, Ломоносовъ занималъ свое вниманіе разглядывая городъ, въ копоромъ онъ жилъ и не зналъ почти ни одной изъ его достопамятностей, пошому что спро- госъ школы и собсшвенное прилежаніе при- ковывали его къ спѣнамъ Законоспасской Ака- деміи. Кремль проблесплъ передъ нимъ своими вѣчно-ясными главами; наконецъ мелькнула за- спава; наконецъ скрылись и злашы верхи Моск- вы, на копорые часшо оглядывался онъ. Ему стало грушно.

Глава V.

Сопутникъ не могъ развеселить его. Это былъ, что называется, человекъ добрый, но простой и почти безграмотный. Испыпанной честности его довѣряли многія монастырскія дѣла; любили его за исправность въ порученіяхъ и за веселый характеръ. Но какая могла быть у него бесѣда съ Ломоносовымъ? Одинъ зналъ то, о чемъ другой не имѣлъ понятія. Нѣсколько разъ пытался юноша заводить рѣчь о достопамятностяхъ Кіева, о библіотекахъ тамошнихъ, объ ученыхъ людяхъ: сопутникъ его не вѣдалъ объ этомъ, и на оборотъ, когда тотъ начиналъ говорить о сѣнокосахъ, угодахъ монастырскихъ, о доходахъ и преимуществахъ разныхъ обителей, товарищъ не понималъ его. Однакожь они ѣхали мирно, весело, каждый думая о своемъ. Отецъ Антоній часно подшучивалъ надъ Малороссіяниномъ, который исправлялъ должность извозчика. Это въ самомъ дѣлѣ былъ прелюбопытный остатокъ

пѣхъ казаковъ, о копорыхъ и нынѣ вздыхають жишели прежней Гепманщины. Для него каждый Малороссеіянинъ былъ первое лицо въ мірѣ, а пошому и самъ онъ почишалъ себя, въ качествѣ Малороссіянина, чѣмъ-шо очень значишельнымъ. Угрюмоспъ, сродная всѣмъ кореннымъ Малороссіянамъ, изглаживалась въ немъ шолько доброю кваршою вина, и шогда-шо онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, рассказывалъ о баснословныхъ подвигахъ своихъ любимыхъ героевъ, пѣлъ казацкія пѣсни, вздыхалъ, и часшо даже плакалъ о спаринѣ.

Сначала все эшо занимало сѣвернаго урожденца, копорый видѣлъ себя среди новой природы и новыхъ людей; но вскорѣ, невѣжеспво, окружавшее шогда весь южный край Россіи, сдѣлалось для него несшерпимо, а пошомъ и природа, невинная няня шамошнихъ жишелей, не понравилась ему.

« Эшо ни зима, ни лѣшо! » думалъ онъ, глядя на песпрые дни весны. « То-ли дѣло въ нашемъ дальнемъ сѣверѣ: шрешъ года пламенѣешъ лѣшо, и пошомъ выразишельно насшаешъ зима, не меньше лѣша мужеспвенная. Переходы времени года у насъ рѣзки; весна кончипся въ при недѣли, и сама предсшавляешъ дивную борьбу силъ природы: снѣга превращаюпся въ рѣки, и водопадами хлещутъ съ горъ; рѣки и море раздвигаюпся съ громомъ, шакъ-же какъ

громко и торжественно запирають ихъ осенью льды. »

Онъ ждалъ отдыха чувству при взглядѣ на города, но не умѣлъ ошличить ихъ отъ деревень; ждалъ по крайней мѣрѣ пріятнаго впечатлѣнія подъѣзжая къ Кіеву, и взоромъ искалъ величественныхъ громадъ, подобныхъ сколько нибудь Москвѣ. Но, какъ нарочно, время было шуманное, лошади ихъ выбилась изъ силъ по пескамъ, и везла шакъ шихо, что ночь заспала путешественниковъ еще на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кіева: они въѣхали въ городъ поздно, въ шемношѣ, и не видали ничего, покуда шѣлега не остановилась передъ довольно огромнымъ зданіемъ.

Послѣ долгаго ожиданія, Ломоносова ввели въ какую-то обширную комнату, гдѣ храпѣло нѣсколько человѣкъ служителей. Ему указали скамью и посовѣщивали отдохнуть отъ дороги.

« Неужели здѣсь опять начну я жизнь, такую-же какъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ? » подумалъ онъ. Но дѣлать было нечего. « Не привыкаешь мнѣ спать на голой доскѣ, » прибавилъ онъ мысленно, свернулся, и заснулъ.

На утро его разбудилъ говоръ и шумъ служителей, которые безъ церемоній принялись за свои занятія: одинъ мелькомъ комнату, другой носилъ дрова, прешій посzukiвалъ, вколачивая

гвозди въ чоботы; оспальные выходили и приходили. Спашь было не лзя. Ломоносовъ вспалъ, помолился Богу, и вышелъ во дворъ. Тупъ увидѣлъ онъ почти шо-же, что можно видѣшь во всѣхъ монастыряхъ Русскихъ: подлѣ стѣнъ длинные ряды жилыхъ покоевъ, посреди церковь, и вѣчный служба въ своей шѣсной кануркѣ подлѣ ворошъ. Пріѣзжій спросилъ объ ошцѣ Аншоніи; ему ошвѣчали, что онъ у Архимандриша.

Тоска запала въ душу Ломоносова. Бродя по двору, онъ думалъ, какъ сходно эшо начало съ шѣмъ, что видѣлъ онъ въ Москвѣ. То-же сиропство, шо-же одиночество среди людей; холодность и невниманіе одинаковы. «Да гдѣ-же люди, съ копорыми была-бы у меня одна мысль, одно желаніе?» подумалъ онъ и ошановился.

— Михайло! Михайло! — кричалъ ему знакомый голосъ. Эшо былъ монахъ Аншоній. — Къ ошцу Архимандришу! — сказалъ онъ и движеніемъ руки велѣлъ ему слѣдовать за собой.

Дверь въ комнату Архимандриша расшворилась: посреди комнаты стоялъ невысокій, худощавый человекъ. Проницательные глаза, умная физіогномія, живость во всѣхъ движеніяхъ ошличали его. Онъ сказалъ опривисшо:

— Будь здоровъ! Ты изъ Москвы?

« Точно шакъ, Ваше Высокопреподобіе.

— Учипсья къ намъ? Покажи свидѣтельство.

Ломоносовъ подалъ ему бумагу. Архимандритъ прочишалъ ее.

— Ты желаешъ вступишь въ *Большую братію*?

« Я желаю учипсья здѣсь Философіи, Физикѣ, и Математикѣ.

— Ну, да! Философія и Богословіе принадлежатъ *Большому братству*. Развѣ ты не знаешъ, что учащіеся раздѣляются у насъ на *Братію большаго и малаго собранія*, *Sodales majoris et minoris congregationis*. Въ Большое братство вписываются только тѣ, которые обучаются Богословію и Философіи, а въ Меньшее учащіеся Риторикѣ, Поэзіи и разнымъ языкамъ. Искусенъ-ли ты въ этихъ послѣднихъ знаніяхъ?

« Япшь лѣтъ учился я, почти исключительно этими предметамъ.

— Слѣдовательно знаешъ ихъ?

« Знаю.

— Такъ испытанія не нужно: успѣхи могутъ оправдать свои слова. Черезъ недѣлю назначенъ диспутъ: явись туда. А между тѣмъ поди со своею бумагою къ Префекту Старшаго братства.

Ломоносовъ явился къ Префекту. Тотъ, вмѣстѣ съ *Ассистентами*, прочишалъ его бумагу,

передалъ ее *Секретарю*, и черезъ нѣсколько часовъ Ломоносовъ былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ *Большою братіею*.

Новые братья его были всѣ уже зрѣлые юноши; многіе даже болѣе нежели мужесшвенныхъ лѣтъ. Смѣсь ихъ удивила пріѣзжаго сѣверянина: онъ нашелъ шумъ немногихъ чисто-Русскихъ, и множесшво Малороссіянъ, которые говорили своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскими словами. Въ большомъ употребленіи у нихъ былъ языкъ Лашинскій. Ломоносовъ свободно изъяснялся на немъ, и потому говорилъ съ ними больше по-Лашини.

Вскорѣ общесшво эшихъ людей не понравилось ему. Вмѣстѣ съ немногими благонравными, умными людьми, онъ видѣлъ толпу лѣнивыхъ, безпечныхъ, буйныхъ юношей, и все что впослѣдсшвіи описалъ съ такою испиною Нарѣжный въ своемъ *Бурсакѣ*, было передъ глазами Ломоносова. Въ часы ошдыха, и еще болѣе по ночамъ, они выходили на разныя проказы: опускашали огороды, пускались за городъ, пѣли шамъ пѣсни, декламировали — дѣлали многое и хуже. Рѣдко проходило имъ эшо безъ наказанія, и розги были необходимою принадлежноспью ученья для проказливыхъ бурсаковъ.

Благонравный, чистый душою Ломоносовъ не шолько не вмѣшивался въ ихъ шалосши, но и получилъ еще новое опвращеніе опъ безпуш-

сшва, которое являлось шупъ въ самомъ некрасивомъ видѣ.

За нѣсколько дней до диспуша, всѣ, даже шалуны, прилежно занялись приготоовленіями къ нему. Надобно сказать, что въ Кіевской Академіи искони было введено ученіе самое классическое, чтобы не сказать схоластическое. Тамъ щашательно учились языкамъ Латинскому и Греческому, а въ Философіи ограничивались искаженнымъ Аристотелемъ, и разбирали способности души человѣческой какъ механическую игрушку.

Ломоносовъ съ любопытствомъ ждалъ соспззанія Кіевскихъ умовъ, и самъ думалъ вмѣшаться въ споры; впрочемъ, онъ помышлялъ объ этомъ съ робостью, потому что въ Москвѣ рѣдко бывали торжественные диспушы, да и не славились они такъ какъ Кіевскіе.

Собрано было все Большое братство; шупъ присушествовали также: Ректоръ, Архимандритъ Амвросій Дубневичъ, Префектъ, Іеронимъ Мишкевичъ, и всѣ учители, въ числѣ которыхъ были извѣстные впослѣдствіи Сильвестръ Кулябка и Михайлъ Козачинскій. Диспушъ долженъ былъ происходить о философическихъ матеріяхъ. На средину собранія вышелъ одинъ изъ опытныхъ диспутаншовъ, поклонился на всѣ стороны, и громко сказалъ:

« Я ушверждаю, что блаженства жизни человеческой ни какія мученія опнытъ не могутъ, и, какъ Перипапешики говорятъ: *блаженная жизнь можетъ войти съ теломъ въ Фаларидова быка.* »

Онъ поклонился еще разъ и ожидалъ оспори-
ваній: они не замедлили.

Выступилъ длиноволосый, длиннолицый человекъ изъ толпы, и началъ:

« Сей быкъ былъ сдѣланъ изъ мѣди, внупри-
шощъ; Фаларидъ закиралъ въ него людей, и
подложивъ огонь, безчеловѣчно ихъ мучилъ. Тѣ-
ло спрадало при семъ; но древняя мудросшь
говоришь: *Mens sana in corpore sano.* Блажен-
ство разумѣемъ конечно не одно тѣлесное,
плотское, а полико-же и душевное; но лишь въ
здравомъ тѣлѣ здравый бываетъ умъ, а въ Фала-
ридовомъ быкѣ было худо уму, поелику тяжко
было тѣлу; которое, спрадая, лишаешь и умъ
здравія, каковое для ума и души называется
блаженствомъ. »

— Это ясно! ясно! — сказали многіе.

Предложившій тому отвѣчалъ:

« *Tenue est mendacium; perlucet, si vel mini-
mum diligenter inspexeris* (*); говоришь Сенека.

(*) Ложь увертлива; но она видна насквозь, если
разсмотримъ ее внимательнѣе.

По моему мнѣнію, Перипашешики и древніе Академики пускай говорятъ свободно, не обвиняясь, что блаженство жизни въ Фаларидова быка войдши можешь. Подлинно, что болѣзнь кажется быль жестокая добродѣтели непріятельница. Сія на оную пламень возжигаетъ; сія мужество, великодушіе и терпѣніе ослабишь грозишься. И такъ или уже побѣждена будешь опъ ней добродѣтель? Никакъ, блаженная и постоянная жизнь премудраго мужа ей уступитъ? о Боже мой! Коль-бы скаречно сіе было.

— *Приступъ и парафразисъ хороши* — сказалъ Префектъ.

«*Парафразисъ съ пригиною,*» поправилъ его Ректоръ Дубневичъ.»

«Нужны-ли примѣры?» продолжалъ диспутантъ. «Спаршанскія малыя дѣши бичами жестоко терзаемы, болѣзнь сносятъ безъ спенанія. Взрослыхъ юношей множество видѣлъ въ Лакедемоніи самъ Цицеронъ, какъ между собою съ невѣрояшною перешужностью бьются кулаками, пяпами, ногшами, зубами, и лучше хотятъ быль до смерти убиты, нежели сказать, что ихъ одолѣли. Кое варварство есть грубѣе и дичае Индіи? Но во всемъ народѣ, которые премудрыми называющся, вѣкъ живутъ наги; Кавказскіе снѣги и зимніе пухи безъ бо-

лѣзши сносятъ, и прикоснувшись пламени, безъ сшенанія ожигаюшся. Женщины въ Индіи, когда ихъ мужъ умретъ, спорятъ между собою, копорую онъ любилъ больше, ибо одинъ мужъ много женъ имѣетъ; копорая въ спорѣ побѣдитъ, ша въ провожаніи своихъ сродниковъ съ веселіемъ на косперъ восходитъ, и съ мужемъ своимъ сожигается; побѣжденная опходитъ печальна. Нашуры никогда-бы обыкновеніе не преодолѣло, ибо она всегда есть непобѣдима; но мы пѣнью мнимаго добра, роскошми, покойнымъ жиціемъ, слабостью и лѣнивствомъ духъ свой заразили. Обыкновенія Египтянъ что не знаешь? копорые имѣя собственными заблужденіями наполненную голову, всякое мученіе прежде понести могутъ, нежели цапѣ, или змѣѣ, или кошкѣ, или собакѣ, или крокодилу учинятъ какое поврежденіе, и ежели что имъ не нарочно сдѣлаютъ, однако ни опъ какого за то наказанія не опрекушся. Но сіе говоримъ о людяхъ. Что-же несмысленныя животныя? Не претерпѣваютъ-ли спужи и голоду? не сносятъ-ли по лѣсамъ и по горамъ шруднаго спранспвованія? не защищаютъ-ли своихъ дѣшей, принимая раны, никакихъ спремленій, никакихъ ударовъ не ужасаясь? Не упоминаю колько сносятъ и колько шерпятъ кичливые для чесши, любящіе похвалу для славы, возженные любовію для сласти. »

Въ кругу учителей замѣтно было неодобрительное движеніе при послѣднихъ словахъ.

Диспутантъ продолжалъ :

« Жизнь человѣческая полна такихъ примѣровъ. Даспѣ, испинно даспѣ себя на мученіе блаженная жизнь, и послѣдую правосудію, воздержанію, а паче всѣхъ мужеству, великодушію и терпѣнію, не остановившись воззрѣвъ на лицо мучительное. И когда всѣ добродѣтели съ нею на мученіе пойдутъ, не испугаешься, и передъ темными дверями не останешься; ибо что сквернѣе быть можешь, и что безобразнѣе, ежели она одна оставлена, и опѣ сего толкаго сообществу оплучена? Но ни коимъ образомъ сіе спастись не можешь, ибо ни добродѣтели безъ блаженнаго житія, ни блаженной жизни безъ добродѣтелей быть невозможно.

« И такъ, оной опѣ себя не опускаясь, но повлекутъ съ собою, къ какой-бы онѣ болѣзни и мученію приведены ни были. Ибо свойственно есть премудрымъ ничего не дѣлать, о чемъ-бы они послѣ калялись; ничего въ неволю, но все прехвально, поспоянно, важно и честно; ничего такъ не ожидаешь, какъ необходимо быть имѣющаго, и все что случается, тому не удивляясь, какъ нечаянному и новому. »

— Убѣдительно и сильно! — воскликнулъ Префектъ.

« И какая полная хрія! — примолвилъ учитель Ришорики. — Замѣтили-ль, свяшой отецъ, какъ искусно расположены были: *Приступъ, парабразисъ съ пригиною, примѣры, противное и заключеніе?*

— Недоспаешъ, кажешся, только части *свидѣтельства*. Но похвально, похвально — сказалъ Префекшъ.

Новый прошивникъ выступилъ прошивъ диспушанша и началъ шакъ:

— Несомнѣнно естъ, какъ шому бышь надлежишъ, что блаженство не искореняешся ниже огнемъ, мученіями, ниже спраданіемъ каковымъ либо. Но Фаларидовъ быкъ, примѣръ и шема первые, не согласуюшся съ послѣдующими, или, яснѣе, шема и присшупъ не совмѣсны съ заключеніемъ, поелику ввергнушый въ мѣдянаго Фаларидова быка мгновенно выпускалъ духъ, исжаривался и превращался въ нѣчто шакое нашуральное, кошорое ни силъ душевныхъ, ниже добродѣтелей имѣшь не могло. А спраданіе единое не естъ еще добродѣтель. *Nemo de miserâ vitâ gloriari potest.*

« *Adsuesce et dicere verum et audire!* » (*) съ жаромъ воскликнулъ диспушаншъ. « Не объ умершвлѣмъ чловѣкѣ, но о живомъ предсшав-

(*) Научись и говоришь и выслушивашъ истину.

ляемъ себѣ. Таковъ сочувствуе блженству въ Фаларидовомъ быкѣ, примѣрѣ, издавна приводимомъ знаменитѣйшими писателями Древности.

— Въ историческихъ сказаніяхъ находимъ извѣстіе о семъ безчеловѣчномъ мучителѣ — сказалъ оспоривающий. — Но ораторы Древности не приводили въ примѣръ сего пагубнаго тиранства.

«Ораторы Древности приводили его не разъ въ примѣръ,» возразилъ диспутантъ.

— Сіе невозможно естъ — сказалъ оспоривающий. — Примѣръ историческій не всегда естъ доказательство философическое.

«Мы не встрѣчали сего примѣра,» прибавили двое другихъ.

— Можесть бытъ онъ и встрѣчается, но не въ великихъ наславникахъ Древности.

«Напрошивъ!» рѣзко сказалъ диспутантъ. «Нужно-ли доказательство вамъ?»

— Несомнѣнно необходимо, ибо какъ иначе оцѣнимъ примѣръ? — ошвѣчали нѣсколько головъ.

«Мы теперь въ области не Краснорѣчія, а Философіи,» сказалъ диспутантъ. «*Fac ut principiis consentiant exitus* (*).

(*) Началу пусть соответствуетъ конецъ.

— Подражаніе законъ всѣхъ наукъ и художествъ — возразилъ длиннолицый. — Подражаніе авторамъ, въ расположеніи и изобрѣшеніи мыслей, едва-ли не больше нужно, нежели самыя лучшія правила.

« Умолкните-же и не осуждайте сами себя! » возгласилъ диспутантъ, « Не хочу присвоивать себѣ чужаго. Homo justus nihil cuiquam, quod in se transferat, detrahit (*). Всѣхъ распространенныхъ мною въ видѣ хриіа доказательствъ, находящаяся буквально въ Тускуланскихъ Запросахъ Цицерона, въ книгѣ 5-й.

Общее одобреніе слѣдовало за эпимъ неожиданнымъ доказательствомъ. Споръ еще продолжился было о томъ, для чего защищавшій перевелъ свои доказательства изъ Цицерона; но такое подражаніе считалось истиннымъ совершенствомъ (самъ Ломоносовъ послѣ дѣлывалъ это), и противники диспута вскорѣ умолкли, внутренне приспѣшенные тѣмъ, что не знали автора, надъ которымъ корпѣли сколько лѣтъ. — Да, тогда изучали авторовъ Латинскихъ, какъ послѣ изучали у насъ Французскихъ стихотворцевъ, и совершенствомъ образованности почиталось знать наизусть всѣхъ

(*) Праводушный не похищаетъ, у кого-бы то ни было, ничего, для присвоенія себѣ.

ораторовъ , какъ послѣ у насъ знали Французскихъ спихотворцевъ великаго вѣка. Привычка къ заимствованіямъ господствовала тогда для Лапінцевъ, какъ послѣ для Французовъ.

Ломоносовъ не спорилъ на этомъ диспутѣ ; не спорилъ и на другихъ, пошому что здравый умъ его былъ не доволенъ такимъ философствованіемъ, гдѣ все дѣло заключалось въ словахъ. За то онъ прилежно посѣщаль лекціи преподавашихъ Философіи, и, къ удивленію своему, также не былъ доволенъ ими. И шамъ Философія походила на то, что слышалъ онъ во время диспута. Онъ хотѣлъ прилежнѣе заняться Математикой и Физикой, но ихъ не преподавали въ Кіевской Академіи. Послѣ этого, удостоверившись, что поѣздка его въ Кіевъ была неудачною попыткою, онъ ходилъ на лекціи только для вида, и большую часть времени посвящаль чтенію книгъ церковныхъ, Греческихъ и Лапінскихъ. Особенное вниманіе его обратило на себя Русскія лѣтописи, копорыхъ нашель онъ въ Кіевской библіотекѣ много списковъ. Пылкая голова его всегда искала познаній, истины, но по временамъ была занята однимъ какимъ нибудь предметомъ : теперь пришла очередь Русской Истории, копорая уже и въ Москвѣ приковала его къ себѣ на нѣсколько времени.

Эпо еспешвенно привело его къ изслѣдова-
нію мѣстностей Кіева, гдѣ совершались главныя
событія нашей старой Испоріи. Бродя по бе-
регу Днѣпра, онъ вспоминалъ, онъ воображалъ
по время, когда Великій Владиміръ торже-
свенно принялъ Хриспіанскую вѣру и въ бла-
годашнихъ спруяхъ Днѣпра омылъ Рускихъ
опъ язычества. Онъ предспавлялъ себѣ свирѣ-
паго Свяшополка, мужеспвеннаго Ярослава, и
долгую распрю Князей, раздѣлившую наконецъ
Русь. И вошъ, померкла жизнь старой Руси!
невѣдомые пришлецы овладѣли обширными зем-
лями ея, испребили жипелей; Русь оспавалась
въ немногихъ уцѣлѣвшихъ. Прошли сполѣтія,
и древнее величіе Кіева исчезло. Русь цвѣшешъ
новою жизнію, но уже не на берегахъ Днѣпра
сердце ея: оно подлѣ смиренныхъ водъ Москвы,
оно у величавыхъ береговъ Невскихъ. Сколько
событій совершилось для такого измѣненія
Россіи! И Ломоносовъ шщашельно старался
вникнушъ въ Испорію своего опечества. Но
бѣдноспъ испочниковъ ея и пылкость соб-
спвеннаго харакшера мѣшали ему. Кришика
Русской Испоріи еще не зараждалась шогда, а
его умъ не былъ предназначенъ создашъ ее.

Въ Кіевѣ былъ во время Ломоносова испин-
ный покровишель просвѣщенія, Архіепископъ
шамошній, Рафаиль Заборовскій. Труды его
шолько еще начинались: онъ переспраивалъ

Академическія зданія, учреждалъ новыя классы, распространялъ ученіе прежнихъ, ходатайствовалъ о поощреніи учащихся и учащихся. Сотрудникомъ его былъ Ректоръ Академіи, Амвросій Дубневичъ, который получилъ первый въ этомъ званіи санъ Архимандрита. Но могли Ломоносовъ, бѣдный пришлецъ, имѣть доступъ къ этимъ особамъ? Онъ былъ далекъ отъ нихъ. Ближе узналъ онъ Сильвестра Кулябку, одного изъ преподавателей, который почитался философомъ. Но этотъ достопамятный проповѣдникъ и ученый человѣкъ былъ всегда сколько занятъ, трудами въ настоящемъ и планами въ будущемъ, что не могъ обращать особеннаго вниманія на Ломоносова, хотя и опличалъ его за умъ и свѣдѣнія.

При такомъ отчужденіи людей, Ломоносовъ съ радостью замѣтилъ одного юношу, поже учившагося въ Академіи, но еще въ *Маломъ братствѣ*. Это былъ знаменитый впоследствии Георгій Конискій, а тогда молодой дворянинъ, Нѣжинскій уроженецъ, исполненный дарованій, высокихъ чувствъ и ума. Онъ съ особеннымъ прилежаніемъ занимался Пѣшикою и самъ писалъ стихи. Назначая себя къ духовному званію, онъ опличался нравственностью самою строгою, посвящалъ всѣ досуги чтенію въ библіотекѣ, и чуть-то сблизился съ Ломоносовымъ. Однажды завязался у нихъ разговоръ.

— Послушай, Конискій — сказалъ Ломоносовъ. — Неужели ты хочешь кончить здѣсь свое ученіе ?

« Надѣюсь, если поможетъ Богъ.

— Но эта преданность согласна-ли съ твоимъ желаніемъ ?

« А почему-же нѣтъ ?

— У насъ въ Москвѣ учать лучше.

« Зачѣмъ-же ты пріѣхалъ сюда ?

— Мнѣ много наговорили о здѣшней Академіи; да я и не раскаяваюсь : все-таки я увидѣлъ Кіевъ, узналъ здѣшнее ученье. Но я не останусь здѣсь долго.

« Почему-же ?

— Пошому что я опущенъ только на годъ; да сверхъ того, я пріѣхалъ сюда учиться Математики, Физики, Философіи, и не нашелъ здѣсь эшого. Философія у васъ — пустыя словопренія; Математикой и Физикой почти вовсе не занимаются.

« Вошъ, видишь-ли, какое у насъ разное направленіе ! Ты любишь точныя науки, а я люблю легкокрылую Поэзію, сладкогласное Краснорѣчіе; для эшого здѣсь пособій много.

— А развѣ ты думаешь, что я не люблю Поэзіи ? Но я желалъ-бы писать стихи по-Русски, говоришь рѣчи по-Русски. Возможно-ли эшо ? У насъ нѣтъ ни языка, ни правилъ для Стихотворства и Краснорѣчія.

«Говаривалъ-ли ты объ этомъ съ нашимъ Козачинскимъ?»

— Чтò мнѣ говоришь съ нимъ! Да и неужели ты почишаешь его великимъ человѣкомъ?

— Не великимъ, а умнымъ, краснорѣчивымъ. Я имѣлъ случай прочесть его *Теорію панегириковъ*: хорошо! Только не понимаю, какъ хочешь онъ, чтобы говоришь рѣчь по наукѣ? Я думаю, для этого надобно что нибудь другое.

«Нѣтъ, любезный Конискій! ты еще слишкомъ молодъ и поному говоришь такъ. Подражаніе, подражаніе древнимъ ораторамъ — вошъ единое средство Краснорѣчію. Если мнѣ случится говоришь когда нибудь рѣчь, я стану всячески подражать Цицерону.

— А я нѣтъ! я хочу самъ быть Цицерономъ! — пылко воскликнулъ Конискій.

Они оба засмѣялись и Ломоносовъ сказалъ:

«Какъ далеко залезѣли мы! Я хочу подражать Цицерону, а ты и самъ быть Цицерономъ.

— Шутки въ спору. Скажу тебѣ тайну души моей. Я стараюсь всевозможно изощрить свой умъ науками, изучишь правила Краснорѣчія и самому научишься произносишь ораторскія рѣчи, для того чтобы дѣйствовать на умы, ко благу Церкви и нашей православной Императрицы. Говоряшъ, что въ наше время Краснорѣчію шѣсно поприще. Но посмотри

что дѣлается съ нашими братьями въ Польшѣ: Уніяпы, Каполики припѣсняють, оскорбляютъ ихъ. Я хочу защищать ихъ словомъ, потому что не могу гремѣть оружіемъ противъ гонителей нашей Церкви. Въ устахъ орашора, истиннаго орашора, слово такъ-же сильно и спрашно, какъ мечъ въ десницѣ воина.

Ломоносовъ смѣялся надъ Конискимъ, считая его пылкимъ мечтателемъ. Онъ еще не зналъ, какіе громы будутъ лешать нѣкогда изъ устъ этого защитника православныхъ! Онъ не зналъ, что изъ пылкаго юноши образуется краснорѣчивѣйшій Русскій орашоръ, который будетъ прогашъ и услаждаетъ Царей.

Между тѣмъ, вскорѣ Ломоносовъ рѣшительно спалъ скучать въ Кіевѣ и проситься назадъ въ Москву. «Что мнѣ шуть дѣлать?» думалъ онъ. «За тѣмъ-ли я пріѣхалъ сюда, чтобы слушать ихъ словопренія? Нечему научишься мнѣ у нихъ, если и здѣсь не вижу я своей любимой науки о природѣ. Поѣду назадъ, въ Москву. Тамъ скоро долженъ кончиться курсъ моего ученія. А послѣ него увидимъ.»

Съ такими мыслями, онъ изъявилъ желаніе возвратиться въ Московскую Академію. Его не удерживали. Нашлись какіе-то сопутники и онъ отправился съ ними, по той-же дорогѣ, по которой ѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Такимъ образомъ, въ Кіевѣ Ломоносовъ не про-

былъ и году. Онъ совершенно разочаровался
 памъ опъ всѣхъ надеждъ, съ какими ѣхалъ
 впередъ, и оставилъ безъ сожалѣнія Кіевскій
 разсадникъ наукъ. Только добраго, пылкаго
 Конискаго жаль было ему оставишь, можетъ
 бытъ для того чшобы уже болѣе не свидѣться
 съ нимъ. Пуши эсихъ двухъ необыкновенныхъ
 человѣкъ были различны.

Глава VI.

Ломоносовъ возвратился въ Москву съ нѣкоторою робостью : онъ боялся встрѣпшъ прежнія недовольныя лица своихъ наставниковъ , не охотно опуспшвшихъ его въ Кіевъ. Друзей-товарищей у него не было ; а безъ нихъ кому встрѣпшъ и успокоить пріѣзжаго ? Однакожь онъ пошчасъ увидѣлъ , что опасенія его были напрасны. Въ это время , и Ректоръ и Префектъ были новые, очень хорошо расположенные къ нему, пошому что имя Ломоносова уже славилось въ Академіи , шакъ , что когда онъ явился къ новому Префекту, Антонію Кувичинскому, этотъ почтенный человекъ встрѣпилъ его съ радушнымъ видомъ , и началъ говорить какъ съ старымъ знакомымъ.

— А! Г. Ломоносовъ ! здравствуй, любезный другъ , здравствуй ! Скоро , брашъ , возвратился шь.

«И жалѣю, что не послушалъ шѣхъ, которые не совѣщовали мнѣ ѣздить въ Кіевъ.

— А что ? развѣ тебя дурно приняли тамъ ?

« Нѣтъ, я благодаренъ наставникамъ и властямъ Кіевской Академіи; но я имъ, а они мнѣ были чужды.

— Опъ чего-же такъ ?

« Философическій кругъ ихъ ученія не былъ для меня удовлетворителенъ, а наукамъ словеснымъ я не учился тамъ, потому что проходилъ ихъ здѣсь. Я ѣхалъ особенно для Математики и Физики, а именно этихъ наукъ нѣтъ въ Кіевской Академіи.

— Чѣмъ-же ты занимался тамъ ?

« Ходилъ на философическія лекціи, на диспуты; а больше всего читалъ книги въ Академической библіотекѣ.

Префектъ началъ спрашивать его; Ломосовъ отвѣчалъ, хваля многое, умалчивая о многомъ, и особенно превозносилъ попеченія Преосвященнаго Рафаила о наукахъ, просвѣщеніи, и благочиніи. Довольный его рассказами, Префектъ сказалъ наконецъ :

— И такъ, ты поступаешь теперь въ Ришорическій классъ, къ опцу Порфирію Крайскому. Надѣюсь, что будешь учиться по прежнему, по естѣ хорошо.

« Постараюсь удвоить силы, чтобы оправдать милосливое вниманіе ваше.

— А былъ-ли ты у Архимандриша ?

« Нѣтъ еще.

— Иди-же, съ Богомъ, къ нему.

Явившись къ Архимандрипу, Ректору Спешану Калиновскому, Ломоносовъ нашель у него приѣмъ сполько-же радушный какъ и у Префекша. Ректоръ далъ ему нѣсколько насавленій паспырскихъ, и благословиль на новые шруды.

И вошъ Ломоносовъ опяшъ въ Москвѣ, въ прежнемъ жилищѣ, какъ будшо не ѣздивши въ Кіевъ!

Въ эшо время онъ узналъ одного замѣчашельнаго челоѣка, Даніила Сѣченова, кошорый училь въ Академіи Лашинскому слогу, и еще не былъ посприженъ. Даніиль опличался опкрышымъ умомъ, ученосшью и рѣзкимъ краснорѣтіемъ. Для усовершенсшвованія себя въ Лашинскомъ слогѣ, Ломоносовъ спалъ учипсья у него, и шущъ-шо понялъ глубокую душу эшого челоѣка, кошораго онъ прежде зналъ поверхносно. Показывая наружное презрѣніе къ почесшямъ, Даніиль былъ гордъ собсшвеннымъ достоинсшвомъ. Въ разговорахъ съ Ломоносовымъ, онъ изъявлялъ высокія надежды на будущее.

«Трудъ и добро не оспанушся безъ награды!» говаривалъ онъ. «Я шружусь шеперь; награда будешъ послѣ. Можешъ бышь мы вспрѣшимся съ шобой, Михайло, на иномъ поприщѣ и въ

иныхъ обшояпельсвахъ. Между шѣмъ , прудись, другъ мой.»

Ломоносовъ усердно слѣдовалъ этому совѣту, прудился, и оказывалъ такіе успѣхи, которые не могли бытъ не опличены. Вскорѣ начали его спавишь въ примѣръ другимъ , и не только за одни знанія , но и за поведеніе , чистое, безупречное, смиренное и вмѣстѣ благородное.

Но шаково сердце челоѣка , рожденнаго съ пламенными спрасшиями : Ломоносовъ скучалъ однообразіемъ жизни и заняшій своихъ! Часшо, среди самыхъ пылкихъ изученій , онъ невольно покидалъ книгу и сѣшовалъ на неудовлешворишельность своего направленія. Дѣлишься думами было ему не съ кѣмъ ; онъ разсуждалъ самъ съ собой.

« Когда-же кончится эша монастырская , затворническая жизнь ? Скоро-ли найду я пищу всѣмъ способносшиямъ ума, и волю для своихъ заняшій ? Добры, благодѣшельны мои насшавники ; но я начинаю видѣшь односпоронность въ ихъ ученосши и въ ихъ направленіи. Они опреклись опъ міра , а я хочу дѣйспвовавъ въ немъ ; они идушь къ своей цѣли , а я (кто знаешъ ?), можешъ бышь удаляюсь опъ моей ! Пора, пора осшавишь мнѣ эшопъ монастырскій міръ и бышь въ кругу людей , ученыхъ не для кельи. Неужели нѣтъ ученосши свѣтской ?

Сшолько лѣпшѣ ищу я средствъ для занятій науками математическими, и не нахожу ихъ. Право, если-бъ у меня были крылья, полетѣлъ-бы куда нибудь за моря: можетъ бысть тамъ есть училища, о которыхъ вздыхаю шеперъ въ стѣнахъ монастыря.»

Но онъ вскорѣ одумывался, находилъ свои мысли дерзкими, раскаявался въ нихъ, и принимался за прежнее ученье.

Зимою 1734 года, неожиданно посѣпилъ его сшарый пріятель и невольный благодѣтель Пименъ Никишичъ. Ломоносовъ съ удовольствіемъ увидѣлъ человека, который зналъ отца его, и былъ для него самого хошя мгновеннымъ душеводцемъ на поприщѣ жизни; но непріятное чувство пробудилъ онъ въ душѣ Ломоносова, когда началъ слѣдующее нападеніе:

— Такъ-шо, брашъ, Михайло, шакъ-шо; живемъ, живемъ, да и свидимся; шолько жаль, чшо дѣлишки-шо швои все плохи. Не наскучила-ли шибѣ эша горькая жизнь?

«Почему-же, Пименъ Никишичъ, вы называете ее горькою?»

— Да какъ-же, брашецъ! посмотри шы на себя.

«Слава Богу, я здоровъ.»

— Здоровъ, да въ лохмотьяхъ, да питаешься хлѣбомъ съ водицей.

«Здѣсь не Курооспровская волось; моря нѣшь, а въ Москвѣ рѣкѣ рыбы мало,» сказалъ усмѣхаясь Ломоносовъ.

—То-шо, брашъ, шо-шо. Эхе, хе!... сберись-ка пы съ умомъ, да ворошись домой, къ ошцу.

«Зачѣмъ? Чтобы слышашъ брань злой ма-чихи?... Бишь-шо себя пеперь я ужь не позволю!»

—Да и она не спанешъ бишь, какъ у тебя будешъ молодая жена. А какую красавицу я высвапалъ-бы шебѣ!

«Благодарю васъ за дружбу, Пименъ Никишичъ! Но гдѣ мнѣ, бѣдняку, думаешь о женишьбѣ!»

—Бѣденъ пы, да ошецъ швой богашъ; онъ-шо и велѣлъ мнѣ, еще поговорить шебѣ объ эшомъ. Право, брашъ, чьихъ-же и совѣшовъ слушаешь какъ не ошцовскихъ.

«Я уже слышу эшо предложеніе не опъ пер-выхъ васъ, Пименъ Никишичъ, но сказалъ начисшо, что не ворочусь въ свою деревню и не хочу женишься.

— Не хочешь, шакъ Господь съ шобой! мое дѣло спорона. А богашую-бы дѣвку ошдали за шебя.

Чувство досады волновало юношу, уже высоко споявшаго надъ эшимъ міромъ, въ кошоромъ безвыходно жилъ Пименъ Никишичъ.

— Вы издѣваетесь надо мной, Пимень Никишичъ. Женишься, и на богашой, уговаривали меня, когда я былъ еще въ своей деревнѣ: я бѣжалъ отъ суда; а теперь, когда я сполько лѣтъ просидѣлъ надъ книгами, эшо ужъ вовсе мнѣ не подѣ спашь.

«Да вѣдь, право, брашъ, лучше жишь съ женой, чѣмъ съ сумой.

— Во-первыхъ, я не нищій, и съ сумой, благодаря Бога, еще не хаживалъ....

«Экой, брашець, да вѣдь эшо такъ говоришся шолько.

— Во-вторыхъ, всякой живетъ на свой ладъ. И безъ меня много охопниковъ женишься. А въ-прешьихъ и въ послѣднихъ, прошу васъ не говоришь мнѣ объ эшомъ.

«Да почему, брашець, не говоришь? дѣло ясное....

— Не для всѣхъ. Я понимаю, что вашъ совѣтъ не годишся мнѣ, а вы не поймете, когда я скажу вамъ, что ни за какія деньги не соглашусь оставить своей бѣдности: она мила мнѣ, пуще всѣхъ богашыхъ невѣспъ въ мѣрѣ.

«Трудненько и поняшь эшо, брашъ, Михайло! Не худо, какъ побольше денегъ: такъ я разумѣю своимъ глупымъ умишкомъ» — сказалъ съ увѣренностью Пимень Никишичъ.

— Эши деньги были-бы для меня угліе горящіе! . . .

«Да какіе уголья! Чшо-шы, чшо-шы!»

— Полноше, Пимень Никишичъ! мнѣ пора въ классъ. . . .

«Въ какой классъ? . . . Да шы, кажешся, ужъ начинаешъ сердишься.»

Онъ ушелъ, сказавши еще нѣсколько своихъ поговорокъ.

— Вошъ человекъ! — вскричалъ невольно Ломоносовъ, оставшись одинъ, и пошомъ съ горесью подумалъ: «И съ такими-шо людьми былъ я осужденъ прожить вѣкъ! И они-шо хотяшъ воропишъ меня къ себѣ! Нѣшъ, я докажу имъ, чшѣ можешъ сдѣлать смѣлая мысль, зародившаяся въ головѣ мальчика. . . . они увидяшъ наконецъ свое невѣжесшво. . . . Но когда будешъ эшо?»

Онъ задумался.

Наступилъ Январь 1735 года. Надобно было получаешъ жалованье. Сколько, думаете вы, получилъ Ломоносовъ, за всю шрешъ? *Три рубля пятьдесятъ копѣекъ!* Но и шо казалось ему богашесшвомъ, при наступленіи каждой новой шреши, пошому чшо къ концу прежней онъ часто забиралъ въ долгъ квасъ и хлѣбъ.

Около эшого-шо времени, шо ешъ въ началѣ 1735 года, изъ Пешербургской Академіи

Наукъ, не за-долго основанной по мысли Пешра, получено было въ Московской Заиконоспасской Академіи пребываніе, самое благопріятное для Ломоносова. Требовали нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, копорые уже разумѣли-бы по-Латински, для обученія ихъ Физикѣ и Машемашикѣ у Пешербургскихъ Профессоровъ.

Извѣстіе объ эшомъ пошчасъ разнеслось по Московской Академіи, и общій голосъ товарищей обрекалъ Ломоносова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, на опшравленіе въ Пешербургъ. Многіе, боясь *Нѣмцевъ*, радовались, что ихъ не пошлютъ изъ родимой Москвы. А онъ?

Онъ съ восторгомъ услышалъ радостную для него вѣсть, и, боясь какого нибудь неожиданнаго препяшствія, даже не хотѣлъ вѣришь, чшобы судьба шакъ благосклонно выполнила давнее его желаніе. Просишь своихъ начальниковъ онъ не смѣлъ; но они сами вспомнили о немъ.

Призывъ къ Рекшору засшавилъ его содрогнувшись опъ нешерпѣнія и неизвѣшности. Съ безпокойствомъ явился онъ; но веселый видъ Архимандриша оживилъ его.

—Вошъ, брашець — сказалъ Рекшоръ — какъ чудны пупи Провидѣнія! Ты давно желалъ учишься Машемашикѣ и Физикѣ?

«Эшо извѣшно Вашему Высокопреподобію.

— Желаніе швое можешъ шеперь исполнишься. Академія Наукъ пребуешъ ошъ насъ хорошихъ семинарисшовъ, именно для обученія Физикъ и Машемашикъ. Надѣнешься-ли ты на себя и желашь-ли ѣхашъ въ Пешербургъ?

«Молю Ваше Высокопреподобіе объ эшомъ! Способности мои вамъ извѣсны, и вы лучше можете судить, достоинъ-ли я вашей великой милости.

— Да дѣло, брашець, въ шомъ, что я едва-ли могу шебя ошправить. . . .

Ломоносовъ перемѣнился въ лицѣ ошъ внутренняго движенія.

— И все пошому, что ты собственно не принадлежишь къ нашей Академіи! Ты не семинаристъ, а ошъ насъ пребуюшь именно семинарисшовъ. Ты здѣсь Богъ знаешъ какъ: *по милости!* А дѣло новое, щекошливое. Право, я опасуюсь. . . .

Ломоносовъ не имѣлъ силъ говорить.

— Я зналъ, что эшо огорчишь шебя, и призывалъ къ себѣ распросить еще кое о чемъ. Хочешь-ли, я ошправлю шебя какъ семинариста?

«Госшовъ исполнишь все, что прикажете.

— Но вѣдь разъ записавшись въ семинаристы, ты будешь долженъ исполнять всѣ ихъ обязанности. Какъ воспитаннаго на иждивеніи Духовнаго Начальства, шебя могутъ опредѣлить въ духовное званіе.

« Признаюсь , Ваше Высокопреподобіе , я не чувствую никакой склонности къ этому званію.

— Ну, вошъ видишь-ли! А одно есть слѣдствіе другаго.

« Я не умѣю ничего совѣшоваць вамъ, и только молю о заспупленіи.

— Да я, бращецъ, радъ, но какъ поступишь, ума не приложу! Твои успѣхи въ наукахъ и доброе поведеніе столь похвальны, что я желалъ-бы оказаць тебѣ всякое пособіе, но не знаю подъ какимъ *титломъ* ошправишь себя въ Петербургъ.

« Ошправьше меня, Ваше Высокопреподобіе, просто какъ Михайлу Ломоносова, и повѣрьше, что я не попыжу Академіи нашей, гдѣ сполько лѣтъ просвѣщаль свой разумъ.

Архимандритъ усмѣхнулся. — Да эшого нельзя сдѣлашь: съ именемъ надобно еще званіе. Чшѡ я значу какъ Стефанъ Калиновскій? но Ректоръ и Архимандритъ имѣютъ нѣкоторое значеніе.

Одушевленный Ломоносовъ воскликнулъ:

« Кшо знаешь, Ваше Высокопреподобіе, что я, можешь бышь, и просто какъ Михайло Ломоносовъ, буду значить чшѡ нибудь!

— Если не гордосшь говоришь эшо въ тебѣ, то сознаніе собшвенныхъ силъ похвально. Я желаю тебѣ прославишь свое имя, но шеперь надобно думаешь не о шомъ.

«Неужели-жъ для меня погибнетъ случай, можешь быть единственный?»

—Нѣтъ, я постараюсь чтобы этого не было. Но такъ какъ ты не хочешь вступить въ званіе семинариста, то я долженъ придумать что нибудь другое. Спуй съ Богомъ.

Съ горестію вышелъ отъ него Ломоносовъ. Лестная надежда его, близкая къ исполненію, улетала, вырывалась изъ рукъ. Онъ почти плакалъ, думая объ этомъ, и обратился къ единому защитнику сирыхъ, Богу. Теплая молитва его вскорѣ была услышана.

Черезъ три дни послѣ разговора съ Ректоромъ, Ломоносова опять позвали къ нему. Онъ пошелъ, ожидая почти вѣрнаго неуспѣха, но Архимандритъ лишь только увидѣлъ его, какъ воскликнулъ:

—Ты ѣдешь въ Петербургъ! препятствія всѣ устранины.

Ломоносовъ кинулся цѣловать его руку, но Архимандритъ поцѣловалъ его самъ, и спѣшилъ сказать:

—Не меня, не меня благодарить долженъ ты, а милосердную благосклонность Высокопреосвященнаго Теофана.

«Какъ?» воскликнулъ изумленный Ломоносовъ.

— Онъ самъ удостоилъ писать въ Академію нашу, и просилъ отправить извѣстнаго ему

своими успѣхами въ наукахъ , студента Михайлу Ломоносова. Его слово могущественно , нѣмъ болѣе, что онъ беретъ тебя подъ свое высокое покровительство и общается непременно помѣстивъ въ число студентовъ Петербургской Академіи.

« Неужели Высокопреосвященный вспомнилъ обо мнѣ? » радостно спросилъ Ломоносовъ.

— Какъ видишь самъ ! И не только вспомнилъ , но особенно ходатайствовалъ о тебѣ, общая и впредь свое покровительство.

« Какъ возблагодарю я Высокопреосвященнаго? ..

— Новымъ прилежаніемъ , новыми успѣхами. Богъ одарилъ тебя способностями : не угашай ихъ , Михайло, но постарайся употребить все во благо.

« Это голосъ души моей ! Ваше Высокопреподобіе говорите то , что давно есть мой первый обѣтъ.

— Безъ предсавѣтельства Высокопреосвященнаго, мы не могли-бы оправдать тебя, не смотря на все желаніе тебѣ добра. Я и отецъ Префектъ хотѣли даже испрашивать на это особеннаго разрѣшенія. Но письмо Архіепископа окончило все ; при такомъ заступникѣ , ты можешь вѣшать смѣло.

Воспоргъ Ломоносова былъ невыразимъ. Онъ съ поржесствомъ возвратился въ свою камеру,

и съ гордоспью глядѣлъ на все окружающее его, понимая, что только личныя достоинства положили ему путь къ новымъ успѣхамъ. Посупокъ Теофана также запечатлѣлъ въ душѣ его глубокую признательность къ этому великому архипаспырю. Можеть бытъ, онъ прежде всѣхъ опдалъ истинную справедливость дарованіямъ Холмогорскаго бѣглеца, тогда замѣчательнаго только одною спраспью къ ученію, и успѣхами въ наукахъ, необходимымъ слѣдствіемъ эшой благородной спраспи.

Ломоносову нечего было долго сбираться къ опѣзду; но другіе выбранные изъ Академіи спудены сбирались не такъ скоро. Почти у каждаго изъ нихъ были родспвенники, а у нѣкоторыхъ и родиспели; они оппускали ихъ въ Пешербургъ какъ на край свѣша, приходили плакать вмѣспѣ съ ними, шили для нихъ новое плашье, снаряжали ихъ какъ на свадебный пиръ. Многіе избранные даже опказались опъ поѣздки, и умѣли опдѣлаться разными пуспыми предлогами: у одного было слабо здоровье, у другаго нашлась преспарѣлая бабушка, и такъ далѣе.

Бодрѣ всѣхъ, радоспнѣе всѣхъ былъ Михайло Ломоносовъ, который не зналъ крова, не имѣлъ приспанища, ни родныхъ, и подвигался ближе къ своей цѣли опправляясь въ Пешербургъ. Какія каршины рисовало передъ нимъ

воображеніе ! Тѣсный міръ , въ которомъ жилъ онъ до сихъ поръ , давно сдѣлался скучнымъ , тяжкимъ для него ; самые окружающіе , почти исключительно духовные , наскучили ему. Онъ хотѣлъ новаго , желалъ бытъ въ свѣтѣ , а не въ монастырѣ ; онъ надѣялся , что свѣтскіе ученые , какъ истинные его братья , примутъ молодого ученаго въ свое общество , и раскроютъ передъ нимъ всѣ тайны науки. Какія тайны ? это предсказывалось ему чѣмъ-то не яснымъ , однако чрезвычайно обольстительнымъ. Даже имя *Академіи Наукъ* такъ хорошо звучало въ ушахъ его ! А самый *Петербургъ* , этотъ городъ , возникшій по мановенію генія , еще не такъ блестящій тогда какъ теперь , но уже славный , какъ средоточіе Правительсва , какъ сборище ученыхъ , вызванныхъ попечительными Царями Русскими изъ западной Европы , какъ мѣсто многихъ , до полнѣ невѣдомыхъ заведеній ? *Петербургъ* увлекалъ теперь Ломоносова , гдѣ надѣялся онъ вступитъ на истинное поприще для дѣятельнаго ума.

Въ назначенный для отъѣзда день , приказано было всѣмъ отправлявшимся явиться къ Архимандриту и къ Префекту , для благословенія. Они совершили молитву и сначала пришли къ Архимандриту. Этотъ человекъ , благодѣтель и попечитель ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ , расстался съ ними съ чувствомъ , осо-

бенно обрашилъ рѣчь къ Ломоносову, къ нѣкоторымъ другимъ, и наконецъ пожелалъ всѣмъ успѣховъ и счастій. Префектъ сдѣлалъ имъ кромѣ того нѣсколько наставленій, и также напутствовалъ добрыми желаніями.

Во дворѣ монастырскомъ ожидала ихъ иная сцена. Тутъ собралось множество спарухъ, мальчишекъ, и всякаго народа. Начались обниманья, цѣлованья, слезы, почти крикъ и вопли. Монахъ, ошправлявшійся въ видѣ дядьки съ молодыми людьми, уговаривалъ всѣхъ шше изъяслять свою горестъ, но эшо не помогало. Между шѣмъ въ шѣлеги погрузили множество мѣшечковъ, сверпочковъ со всякой всячиной; кульки съ пирогами и калачами слѣдовали шудаже; наконецъ посадили и господъ спуденшвъ. Не извѣстно кто были они; извѣстенъ одинъ изъ нихъ: Михайло Ломоносовъ. Онъ бодро вскочилъ на шѣлегу, и шолько пожалѣлъ, что много мѣспа ошняли всякими запасами, шакъ что и сидѣть спало нѣгдѣ.

Проѣхавши заспаву, куда провожали родственники своихъ милыхъ ребяшъ, поѣздъ ошновился. Сошли съ шѣлегъ, начали молишья на Московскія церкви, и ошашъ рыдашъ, плакашъ, цѣловашья. Одна изъ спарушекъ, по видимому сохранявшая болѣе другихъ шерпѣнія, сказала своему сыну:

— Смошри-же шы, Гаврюша, будь уменъ.

Нескладный парень отвѣчалъ ей комически-печально:

«Буду, мапушка.

— Учись хорошенько, а пуще всего, помнишь, берегись прехъ искушеній: чарки, шабаку, да зерни.

«Буду, мапушка.

— Не забывай своихъ родишелей.

«Не забуду, мапушка.

— Ходи въ церковь Божію, уважай священство. . . .

Тутъ раздался громкій голосъ провожааго монаха:

— Пора! пора! что за слезы, друзья мои. Садись, съ Богомъ.

Всхлипыванія, жалобы, плачь удвоились, а мужественная спарушка продолжала:

— Смопри-же, Гаврюша, помни родишельскія наставленія.

«Буду помнишь, мапушка.

— Боюсь я, дидяшко мой, чпобы ты къ чаркѣ-то не прилѣпился. Въ ней-то и кроется Сашана!

«Не бось, мапушка, не шану пишь.

— Будешь ты шамъ съ Нѣмцами, не учись у нихъ шабачище-то куришь. Эпо вѣдь смершнй грѣхъ. . . .

«Буду помнишь, мапушка.

— А пуще того, спануть себя Нѣмцы соблазнятъ пить кофей: не пей; знай, что онъ изъ Іудина чрева выросъ.

Невольно улыбнулся Ломоносовъ, слыша эпи родишельскія наставленія. Онъ думалъ: «Въ при минуты хочешь она выучишь своего сына всему, что почищаетъ добрымъ! Возможно-ли это, и къ чему это, если въ сердцѣ его прежде не посѣяны сѣмена добродѣтелей?»

Но какъ ни спранны казались ему слова спарухи, а невольная грусть запала въ его сердце, когда онъ сообразилъ, что въ эсихъ просподушныхъ наставленіяхъ кроется любовь материнская; что не умѣя выразишь чувствъ своихъ, спарушка превосходно выражаетъ одно: неизмѣримую любовь свою къ сыну; она спрашился всего: гнусныхъ пороковъ и мѣлкихъ предразсудковъ, и спрашился пошому именно, что горячо забоишся о своемъ сынѣ. Да и вся эта, можетъ быть безобразная сцена разсаванья, что выражала она какъ не горяч- ность родныхъ, пугающихся неизвѣснаго будущаго? Зачѣмъ сморѣшь только на обманчи- вое наружное? Подъ эшими бѣдными одеждами, подъ эшими несносными слезами и смѣшными наставленіями, вы видише людей, которые еще не вовсе ушрапили нѣжность чувствованій. А ты, пришлецъ, самовольный изгнанникъ изъ родишельскаго дома, что позабоишся о себѣ?

Ты самъ разорвалъ всѣ узы родства, бросился въ міръ, тебѣ неизвѣстный; ты вымаливаешь у людей состраданія, участія, и они холодны къ тебѣ, они безъ великодушія даютъ тебѣ кусокъ хлѣба и уголь, но не могутъ дать того, чего нѣтъ у нихъ для тебя—любви родственной! Для другихъ, она неисребима въ сердцѣ, связанномъ съ ними священными узами; она всегда готова на пожертвованія, на услуги, на вольныя изъявленія дружбы и невольныя слезы; а для тебя?... Спрашисъ утратишь чувство къ этой святой любви, и не смѣйся надъ тѣмъ, чего нѣтъ для тебя въ мірѣ. Ты одинокъ посреди людей, и долженъ все покупать у нихъ услугою, прудомъ, превосходствомъ силы.

Такъ думалъ Ломоносовъ, и грустно было сердцу его. Онъ одиноко помолился, въ послѣдній разъ, святымъ Московскимъ угодникамъ, и сѣлъ опять въ плѣгу, уже вмѣстѣ съ провожаемымъ монахомъ, который избралъ его себѣ спутникомъ, собесѣдникомъ, и помощникомъ. Монахъ слышалъ о хорошей славѣ, объ опличныхъ дарованіяхъ пришлеца Холмогорскаго, и хотѣлъ на него свалить половину своихъ заботъ, потому что, можетъ быть, не надѣялся одинъ управиться съ толпою подчиненныхъ ему юношей. Онъ велѣлъ Ломоносову крѣпко смотрѣть за ними, не позволять имъ оплучаться, не позволять ссориться другъ съ

другомъ. «Бѣда мнѣ, коли въ дорогѣ случится что нибудь, не доброе для славы нашей Академіи!» воскликнулъ онъ. «Тамъ воспитывающіяся не ученые, а забіяки, скажутъ въ Петербургѣ.»

Но опасенія добраго монаха были напрасны. Ошправленные съ нимъ семинаристы были смиренныя ребяща, и во всю дорогу они очень скромно пили, ѣли, спали, и забавлялись только пѣніемъ псалмовъ. Монахъ былъ очень доволенъ эшимъ и приписывалъ успѣхъ своего путешествія Ломоносову, копорый однакожь мало занимался своими товарищами, пошому что весь занятъ былъ собственною своею судьбою.

«Наконецъ буду я подъ руководствомъ истинныхъ ученых!» думалъ онъ. «Я изучалъ до сихъ поръ только словесныя науки; но теперь-то начнешя истинная, основная наука. Природа, со всѣми своими тайнствами, раскроется передъ моими глазами; земля и небо краснорѣчивѣе заговорають уму; сердце не будетъ сжиматься отъ неудовлетворяемаго любопытства.»

Увидимъ, сбудутся-ли надежды и предположенія юноши; не разочаруетъ-ли его и прешій городъ, какъ разочаровали два первые. Сначала Москва была единственной цѣлю его, для которой оставилъ онъ родину, и бѣжалъ черезъ снѣга всей сѣверной Руси; но Москва уже дав-

но перестала удовлетворять его жажду къ познаніямъ, его нестерпѣливый, испышательный духъ; онъ искалъ высшаго просвѣщенія въ Кіевѣ, и слишкомъ скоро увидѣлъ свою ошибку. Теперь, какъ будто сама судьба увлекала его на берега Невы, въ юный городъ, основанный волею Петра. Все это: Петръ, осѣняющій свое созданіе; новая ученость людей свѣшскихъ, и сами они, эти люди, новые для Ломоносова; Теофанъ, уже два раза двигавшій его впередъ, на шрудномъ пути жизни; переменна жребія, даже близость къ милому сѣверу, все являлось въ его воображеніи, все занимало его почти непрерывно. Онъ едва замѣчалъ какъ проходили дни, какъ исчезало распояніе подъ лѣнивыми ногами коней, копорые по видимому не шоропились въ Пешербургъ. Наконецъ Великій Новгородъ мелькнулъ передъ глазами путешественниковъ, и Ломоносовъ успѣлъ зайдши шолько помолишся Свяшой Софіи, въ знаменишомъ Новгородскомъ соборѣ.

Глава VII.

« Не воображайте первобытнаго Рима такимъ, каковъ былъ онъ во время своего величія,» сказалъ Моншескьё. Не будемъ воображать, что и Пешербургъ, черезъ тридцать два года послѣ своего основанія, былъ уже городъ великолѣпный. Напрошивъ, эго были кой-гдѣ разбросанные дома и лачуги, посреди которыхъ возвышались немногія обширныя зданія. Даже расположеніе его было совсѣмъ не похоже на нынѣшнее. Адмиралшейская сторона, гдѣ красуются теперь лучшія зданія, гдѣ видимъ истинное средоточіе города, тогда была самою ненаселенною частью Пешербурга. Дикіе лѣса, пундры и болоша почти примыкали къ Невѣ на мѣстахъ, гдѣ нынѣ красивая Лишешная, великолѣпные каналы и единствѣнный Невскій проспектъ. Только напрошивъ крѣпости, внизъ по лѣвому берегу рѣки, простирались зданія довольно видныя, между прочимъ домъ бывшій Меншикова, и Адмиралшейство; но во-

общее эта часть города была населена флотскими офицерами, мажорсами и разными рабочими людьми. Следы Петра еще были живы через десять лет после его кончины, когда приехал швед Ломоносовъ.

На берегу Невы, с жаждою глядя онъ на эти исполинские следы: они были видимы въ начатыхъ и часую окончанныхъ строеніяхъ, въ швердынь, кошорая возвышалась на противоположномъ берегу, и всего болѣе въ огромной мысли, вознесши столицу *Русской части свѣта* на болотахъ Ингерманландіи. Жизнь и дѣятельность кипѣли по обоимъ берегамъ Невы, и показывали, что мысль Петра благословляетъ Небо, что она довершилась его наследниками, и сдѣлается долговѣчнымъ его памятникомъ, передъ кошорымъ ничтожны кажутся всѣ памятники міра. Въ самомъ дѣлѣ, Пешербургъ, живая мысль Петра, увѣковѣченная въ гранитѣ, и безпрерывно одушевляемая новыми поколѣніями, составляетъ такой оригинальный, чудный, единственный памятникъ этого генія, что передъ нимъ жалки мершвыя громады Египетскихъ пирамидъ. Вся Россія была поприщемъ его бессмертныхъ подвиговъ; она вся носитъ печать его трудовъ, его заботливости о нашемъ благѣ; но только Пешербургъ выражаетъ вполне этого генія, Пешербургъ, любимое дитя его, кошорое началъ онъ лелѣять своими руками.

Тутъ, на пространствѣ немногихъ верстъ, вы можете изучить Петра, лучше нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ обширнаго его владѣнія; тутъ Петръ во всемъ своемъ величїи, со всею смѣлостью, упорствомъ, и даже съ нѣкоторыми слабостями генія, благодѣштельнаго для Россїи.

Путешественники переправились черезъ Неву въ лодкахъ и вышли на Васильевскій островъ, къ зданію Академіи. Ломоносовъ искалъ глазами тѣхъ необыкновенныхъ людей, съ которыми гошвился теперь жить. Это всегда естественно въ молодомъ человѣкѣ, робко вступающемъ въ этотъ городъ, гдѣ живетъ много людей, извѣстныхъ ему своими дарованіями, ученостью, славою. Въ каждомъ встрѣчающемся думаетъ онъ видѣть ихъ, или по крайней мѣрѣ достойныхъ жить близко нихъ. Его не столько занимаетъ новостъ самыхъ блестящихъ предметовъ, сколько мысль о близости, о присутствїи этихъ важныхъ для него лицъ. Тутъ все кажется значительнымъ, потому что все это близко къ нимъ. Мысль о такихъ людяхъ переживаетъ ихъ, и приводитъ въ благоговѣйный трепетъ вступающаго въ замокъ Валленштейна, въ келью Люпера, въ кабинетъ Ньютона.

Ломоносовъ не зналъ даже именъ тѣхъ великихъ мужей, къ которымъ прїѣхалъ учиться; однако онъ воображалъ ихъ чѣмъ-то удиви-

тельнымъ, не похожимъ на то, что видѣлъ до сихъ поръ. Съ неперпѣливымъ ожиданіемъ основанiлся онъ, вмѣстѣ съ другими, подлѣ дома Академіи, и между тѣмъ какъ провожающій ихъ пошелъ узнавать, куда и какъ помѣстятся пріѣхавшихъ съ нимъ студеновъ, онъ ждалъ необыкновенной встрѣчи, привѣтливыхъ вопросовъ, и перебиралъ въ умѣ всю свою ученость, приготавливаясь отвѣчать.

Прошло съ полчаса.

Монахъ возвратился и сказалъ, что имъ велѣно идти въ Гимназію, состоящую подлѣ въ-домства Академіи.

— А не въ Академію?—спросилъ Ломоносовъ.
«Нѣтъ, въ Гимназію.

Голова поникла у неперпѣливаго Ломоносова. Онъ не зналъ, что въ Академіи не было классовъ, и что это высшее ученое мѣсто предоставлено для занятій не ученическихъ.

Ни одного знаменишаго человека не видалъ онъ: его и товарищей его приняли безъ всякой встрѣчи, размѣстили по классамъ Гимназіи, и велѣли имъ являться вмѣстѣ съ другими учениками къ слушанію лекцій.

Такъ разрушились мечты Ломоносова; однакожь существенность успѣшила его: онъ началъ учиться Физикѣ, Математикѣ, и забывалъ все обманы своего воображенія, быстро шагая отъ

успѣха къ успѣху въ наукахъ. Онъ имѣлъ рѣшительную склонность къ Естествознанію, къ наукамъ шочнымъ; онъ давно жаждалъ извѣдать въ нихъ свой умъ, и принялся за исчисленія, за неясную въ его время науку о силахъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, Физика тогда незаконно присвоивала себѣ цѣлыя обласши другихъ наукъ; но этого не могъ замѣшпть самый проицашельный умъ, пошому что не его вѣку было предосшавлено опредѣленіе границъ Физики: надобны были труды и успѣхи болѣе нежели полусполѣпія, чтобы науки вошли каждая въ свои границы. Сверхъ того, опличительною черпою Ломоносова была собшвенно неушолпмая жажда ко всѣмъ познаніямъ, а при этомъ ему недосугъ было дѣлать ошкрытія, особенно при началѣ своего ученаго поприща. Онъ необходимо впадалъ въ *рутину* обыкновенныхъ ученыхъ, и шолько по временамъ блещѣлъ геній его, освѣщавшій иногда шемныя сшороны наукъ и искусствъ.

Ровно спо лѣтъ прошло шеперь, послѣ вшупленія его въ Академическую Гимназію. Можно вообразить, какова тогда была методъа ученія, если и шеперь, послѣ столькихъ опышовъ, не удовлетворяешь она ума человѣческаго, безпрерывно спремящагося къ совершенству. Однакожь и при этой методѣ, Ломоносовъ не шелъ на ряду со своими сверспниками, а опе-

режалъ ихъ во всемъ. Это обращало на него вниманіе учишелей, начальниковъ, и еще болѣе соучениковъ, большею часпію избранныхъ молодыхъ людей, опличавшихся хорошимъ поведеніемъ, познаніями и любовью къ ученью. Изъ числа ихъ одинъ, Виноградовъ, особенно полюбилъ Ломоносова, и скоро сдѣлался другомъ его.

Однажды Виноградовъ замѣпилъ своего любимаго поварища не за учебными пешрадами, а за лиспкомъ бумаги, на кошоромъ писалъ онъ *стихи*—*Русскіе стихи*.

«Чпò эпо, Михайло? пы пишешъ... боюсь ошибишься!...

—Спиhi!—опвѣчалъ съ веселымъ видомъ Ломоносовъ.

«Русскіе спиhi?»

—Да, брапецъ; эпо уже не новоспъ на нашемъ языкѣ. Спиhi пишушъ у насъ шеперь многіе, Піишика Русская образуешся.

Виноградовъ засмѣялся.

—О чемъ-же смѣеешь ты?—съ нѣкошорымъ огорченіемъ спросилъ Ломоносовъ.

«Помилуй!» сказалъ Виноградовъ. «Писапъ спиhi можно на Лашинскомъ, на Греческомъ, на Французскомъ, но, воля швоя, Русскіе спиhi едва-ли не всегда будушъ чѣмъ-шо дикимъ для слуха.

— Я самъ испытываю , что нашъ языкъ упрямыиъ и не поддается никакому размѣру стихотворному; однакожь искусные люди, напримѣръ Тредьяковскій , Кантемиръ , и прежде ихъ нѣкоторые духовные ошцы, сочиняли стихи презрядно. Я уже давно упражняюсь въ стихотворствѣ , но еще недавно увидѣлъ образцы названныхъ мною авторовъ , и теперь хочу подражать имъ.

«Во-первыхъ , брашець , надобно имѣть и дарованія стихъ людей, а во-вторыхъ , признашься тебѣ, я исподпишка смѣюсь надъ всѣми стихами въ мѣрѣ.

— Смѣешься ?

«Да, потому что считаю ихъ пустымъ препровожденіемъ времени; какая польза отъ нихъ?

— Образованіе языка.

«Пустое! въ стихахъ только ломають языкъ. Посмотри что дѣлаетъ съ языкомъ самъ Тредьяковскій, и даже Кантемиръ.

— Правда , языкъ и у нихъ тяжеловатъ , но пишическія прикрасы есть всѣ , какъ и у великихъ образцовъ. Пострудимся , постараемся улучшить языкъ.

«Не спишь труда эта головоломная работа. Особенно дивлюсь что ты , который больше меня привязанъ къ ученію Физики и Математики, ты занимаешься этими пустяками.

— Неужели-жь ты въ самомъ дѣлѣ почишаешь стихошворство пусшымъ заняшіемъ ?

« Безъ сомнѣнія.

Ломоносовъ взялъ свой лиспъ бумаги и разорвалъ его на нѣсколько часпей.

« Чшо ты эшо, чшо ты ? » вскричалъ Виноградовъ.

— Да, брашець: ты правъ ! спихи мои не споили шруда, кошорый я приложилъ на нихъ.

« Не далъ и прочишаешь ! » прибавилъ съ сожалѣніемъ Виноградовъ.

— И слава Богу ! ты присшылъ-бы меня еще больше. Но чшо-же дѣлашь, когда спрахъ какъ хочешся мнѣ образовашь Русское стихошворство !

« Послушай, Михайло ! Ты будешь первый во всемъ, чѣмъ ни спанешь занимаешься : полгода ученья вмѣспѣ доказали эшо не мнѣ одному. Чего-же хочешь ты, когда передъ шобою необозримое поприще Машемашики, Физики, Химіи ?

— Эхъ, брашець, Виноградовъ ! Тяжко мнѣ, а долженъ признашья : не шого ждалъ я опъ эшихъ наукъ. Ты знаешь какъ я люблю ихъ ? Повѣрь-же, иногда меня грусь берешъ, когда занимаюсь ими, и вопъ въ эши-шо часы опдаюсь я бѣсу стихошворшва.

« Но чѣмъ-же ты не доволенъ въ эшихъ наукахъ ?

—Мнѣ кажется, что насъ не такъ и не тому учаешь.

«Съ чего ты взялъ это?»

— Самъ не знаю, а чувствую, что это не-удовлетворительно.

«Намъ показываешь всѣ возможные экспери-менты.

— Да, эксперименты, а больше ничего.

«А чего-жь бы тебѣ хотѣлось.

— По чѣмъ я знаю! Если-бъ зналъ, такъ и дѣлалъ-бы иначе.

«Ну, право, мнѣ кажется, ты хочешь проказничать.

— Говорю искренно: мнѣ мало этого ученья.

Виноградовъ задумался, и черезъ нѣсколько секундъ сказалъ:

« Можешь быть ты и правъ; но, я думаю, наше ученье и не кончится этимъ; только въ наукахъ не лзя прыгать черезъ сгупеньку.

Ломоносовъ началъ дальше развивать ему свои идеи, свои сомнѣнія; говорилъ, что онъ недоволенъ и своимъ ученьемъ *Словесныхъ Наукъ*; изъяснялъ догадки, предположенія, мечты свои. Увлеченный краснорѣчьемъ и умомъ его, Виноградовъ вскричалъ наконецъ:

« Михайло! Я горько ошибаюсь, или ты рожденъ быть великимъ человекомъ. Скажи мнѣ: какъ Богъ вселилъ тебѣ эти быспрыя понятія,

эши глубокія догадки о тайнствахъ природы? Откуда взялся ты со своимъ умомъ?

Ломоносовъ отвѣчалъ, улынувшись:

— Развѣ ты не знаешь, что я мужикъ, бѣглець Холмогорскій!

«Знаю, слышалъ, и почти не вѣрю.

— Да, Виноградовъ. Я точно мужикъ, поешь сынъ мужика; родился и провелъ первые годы свои среди самаго глубокаго невѣжества; наконецъ бѣжалъ изъ своей родины въ Москву.... да это долгая исторія!

«Но ты никогда не рассказывалъ мнѣ ея подробно.

— И не хочу рассказывать.

«Почему-же?

— Потому что грустно.... да, грустно вспомнишь мнѣ о первыхъ годахъ юности! Сколько могъ-бы я уже сдѣлать до сихъ поръ, если-бы началъ учиться во время!...

«Боюсь докучать тебѣ своей просьбою, а желалъ-бы узнать подробности, какъ провелъ ты эти грустные годы? Примѣръ твой былъ-бы полезенъ и мнѣ. Я не вѣдалъ никакихъ великихъ предвѣдѣній въ жизни, и самымъ обыкновеннымъ образомъ перешелъ изъ родительскаго дома въ училище.

— А я долженъ былъ для этого подвергнуть опасности свою жизнь. Слушай.

«Я родился на острове, не далеко отъ Холмогоръ, въ деревнѣ, кошорая называется Денисовскою: эшо въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Куро-островской волости. Теперь мнѣ двадцать четыре года, слѣдовашельно 1744-й годъ былъ годомъ моего рожденія.

«Надобно сказать шебѣ о моемъ отцѣ, что эшо человекъ въ своемъ родѣ необыкновенный. Не знаю для чего спряшалъ онъ свой умъ отъ людей, кошорые видяшъ въ немъ просшаго рыбака: я вижу въ немъ что-то гораздо больше. Правда, онъ рыбакъ промысломъ, но умъ его глядишъ не на однихъ рыбъ. Предсшавъ себѣ шолько, что онъ первый изъ жителей нашего края вздумалъ поспроишъ и поспроилъ галионъ: эшо родъ небольшого корабля, оснащенный по корабельному, съ парусами, и съ удобствами для рыбнаго промысла и для груза. Кой-какъ сбился онъ деньгами для эшого суденышка, но поспроивши его наживалъ порядочные доходы. Онъ перевозилъ на немъ запасы, казенные и частные, отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, въ Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, плавалъ около береговъ Лапландіи, въ рѣку Мезень, къ Самоѣдамъ. Но главнымъ занятіемъ его была рыбная ловля, для кошорой плавалъ онъ каждое лѣто и каждую осень въ Бѣлое и Сѣверное моря.

«Мнѣ было десять лѣтъ, когда онъ въ первый

разъ взялъ меня съ собой. Я какъ ребенокъ ра-
 довался этому, и пособлялъ ошцу въ чемъ могъ;
 онъ спалъ брашь меня съ собою каждое лѣшо.
 Мы плавали далеко на сѣверъ, въ Океанъ, и
 доспигали иногда 70-ши градусовъ широты.
 Тупъ-шо наглядѣлся я на чудеса природы, ка-
 кихъ вѣрно не увижу больше. Одно море, не
 здѣшняя Финская лужа, а необозримое Сѣверное
 море, представляешъ уже шакое дивное зрѣ-
 лище, на копорое не лзя нарадовашься. Пре-
 красна шихая гладь его; но я всего больше
 любилъ глядѣшь на него въ бурю, когда волны
 перелешающъ черезъ корабль, и кидающъ его
 по хребтамъ своимъ какъ щепку. Мнѣ казалось
 шогда, что въ морѣ ешъ спраси, что оно
 сердишя, что оно хочешъ наказашъ дерзосшъ
 людей, копорые осмѣлились ходишь по свѣшло-
 му зеркалу его. Кипѣніе волнъ, свисшъ вѣпра,
 всплески вспрѣчающихся валовъ, говорили, ка-
 залось мнѣ, что-шо спранное, непосшижимое
 для ума, но поняшное душѣ. Я прислушивался
 къ этому говору, и радъ бывалъ, когда посше-
 пенно спихало море: мнѣ думалось, что оно
 миришя съ нами, что оно шепчешъ что-шо
 намъ своимъ непоняшнымъ языкомъ. Оно спих-
 ло; оно опашъ гладко, свѣшло какъ сшекло.
 Новое, чудное, величешвенное зрѣлище! Не
 валы ходяшъ по морю, не вѣшеръ подымаешъ
 цѣлыя рѣки воды, но что-шо живое, что-шо

близкое, сродное морю колеблется громадой по немъ. Подплываемъ ближе: эшо исполинъ-рыба, эшо кишъ роскошесшвуешъ, опдыхаешъ, нѣжишся на влажной его поверхности. Мы въ мирѣ съ моремъ; но покуда оно спишъ пихимъ сномъ, начинаешся смертельный бой съ исполиномъ, обипашелемъ его. Ловкая, привычная рука вонзаешъ въ него оспрое желѣзо: кишъ взмахнулъ шяжкимъ хвостомъ своимъ, и легкое суденышко наше едва не хлебнуло воды, едва не опрокинулось; онъ пуспилъ фоншанъ воды и едва не зашопилъ насъ эшимъ спрашнымъ ливнемъ; кинулся въ бездонную глубь моря, и веревка, привязанная къ оспрогѣ, задымилась опъ скоросши движенія; въ нѣсколько секундъ онъ вывершѣлъ ее всю, и боченокъ, къ которому была она привязана другимъ концемъ, полешѣлъ въ море. Скрылось все; но кишъ не ушелъ опъ своихъ непріятелей; они сперегушъ его; а ему шяжко подъ водой; ѣдкая соленая вода разѣдаешъ его шѣло, и вошъ боченокъ явился на поверхности; за нимъ выплылъ и кишъ. Новый ударъ, новая опасность для насъ, и, по прешъ-ему удару, гибель мощному сопернику. Я часшо бывалъ свидѣшелемъ ловли кишовъ, и никогда не могъ привыкнушъ къ эшому зрѣлищу: мнѣ бывало спрашно за своихъ, и жаль благороднаго непріяшеля.

«Иногда мы оспавались въ морѣ до поздней

осени, и погда-шо видѣли всю игру спраспей его. Оно какъ будшо гнало насъ съ лона своего ужасными, свирѣпыми бурями, и наконецъ высылало прошивъ непослушныхъ громады льдовъ. Эпи непріятели поопаснѣе киша. Они грозили разбить наше упкое поспроеніе, требовали всего искуства мореходнаго, и будшо изъ милоспи позволяли намъ убѣгашъ къ берегамъ.

«И какъ пріятно бывало спушишь на берегъ послѣ такихъ опасностей! Опець мой вводилъ въ заливъ свою *Чайку* (такъ называлъ онъ свой галіюшъ) и начиналъ шорговлю наловленной рыбой, или счишалъ деньги, заработанныя перевозкой чужихъ тяжеспей. У насъ была щеплая изба, и въ ней оспавались мы почпи все зимнее время. Извѣсно какая у насъ зима: она продолжается восемь мѣсяцевъ, изъ кошорыхъ шесць царспвуешъ ночь. Во все эшо время почпи нѣтъ солнца, и мы бродили-бы полгода въ пошемкахъ, ежели-бы предусмошрительная природа не зажигаала въ небѣ пожара, кошорый называется сѣвернымъ сіяніемъ. Ты видалъ его и въ Пешербургѣ, но чшо здѣшнее сѣверное сіяніе передъ нашимъ! Предспавъ себѣ, чшо полгоризонша обѣяшо пламенемъ, и шакимъ яркимъ, шакимъ блиспашельнымъ, шакихъ чудныхъ цвѣшовъ, чшо, право, развѣ дуракъ не придетъ ошъ него въ восхищеніе.

«Я не былъ равнодушенъ къ этому чудному явленію, такъ-же какъ не былъ равнодушенъ къ чудесамъ моря, льдовъ, полугодовой ночи, и къ нашимъ лѣсамъ, въ копорыхъ ешь такіа мѣста, гдѣ не бывала еще споа человѣка. Я спарался обьяснить себѣ, молодымъ умишкомъ своимъ, ошъ чего происходитъ шо, ошъ чего другое? Для чего наконецъ все эшо? И вошъ еще шога-шо запала мнѣ въ умъ спрасъ къ изученію природы, копорое называемъ мы теперь и Физикой и Натуральной Исторіей, и Богъ знаетъ какъ еще!

«Въ шо-же время, не одна природа привлекала меня изучашъ себя. Я спалъ учитьсѣ Русской грамошѣ, и учитель мой, приходскій дьячекъ, удивлялся, что вскорѣ я спалъ чишашъ и писашъ порядочно. Черезъ два года я былъ уже шочно лучшимъ чтецомъ въ церкви, и живши по зимамъ всегда дома, не пропускалъ ни одной службы безъ шого, чтобы не чишашъ на клиросѣ или за амвономъ. Другіе ученики нашего дьячка вскорѣ спали бранишъ меня, и даже бишъ за шо, что я чишалъ лучше ихъ. Многіе были гораздо спарше меня, учились гораздо больше, а не умѣли чишашъ внятно; дьячекъ хвалилъ меня за *ломкость и пріятность голоса*, какъ называлъ онъ эшо, и навязалъ мнѣ шѣмъ цѣлую кучу гонимелей.

«Я былъ принужденъ чишашъ больше дома;

но пусть ожидала меня еще страшнѣйшая гроза. Надобно сказать тебѣ, что мать моя умерла прежде нежели я могъ помнить себя; я остался единственнымъ дитя у отца моего, пошому что хотя онъ и женился въ другой разъ, но дѣшей у него больше не было. Вторая жена его, моя мачиха, самое злое швореніе, какое только можно вообразить. Она была самою ужасною моею гонимельницею, ненавидѣла меня и увѣряла моего отца, что я никуда негодный мальчишка, лѣншій, кошорый вѣчно сидитъ по пусшому за книгами. Спарикъ иногда опмалчивался, пошому что любилъ меня, но иногда и самъ приходилъ въ гнѣвъ. Наконецъ она успѣла довести его до того, что онъ спалъ запрещаешь мнѣ читать книги. . . . Можешь повѣрить, какъ это было мнѣ горько; но я уходилъ въ уединенныя мѣста, въ дремучій лѣсъ, и тамъ читалъ и учился чему было можно; перпѣлъ холодъ и голодъ, но опспашъ опъ ученья не имѣлъ силъ.

Разсказывая тебѣ всю жизнь свою, не могу умолчать объ одномъ обшпояшельствѣ, кошорое до сихъ поръ шягошитъ мою душу. Мнѣ было шринадцать лѣтъ, когда я подружился съ нѣсколькими раскольниками изъ ближней деревни. Они держались секшы, называемой *Безпоповщина*. Я льспилъ имъ, и не безъ корыспныхъ видовъ: я зналъ, что у нихъ есть доволь-

но книгъ, а мнѣ совсѣмъ нечего было читать. Я попросилъ у нихъ книгъ; они дали мнѣ ихъ, начали поговаривать догматы религіи по своему, и наконецъ привлекли меня въ свою секшу. Между ними были говоруны, которые изъяснялись такъ красно, съ такимъ убѣжденіемъ! . . . Два года держался я нелѣпыхъ мнѣній раскола, но наконецъ самъ увидѣлъ свое заблужденіе. Удаляясь поспешенно отъ враговъ души моей, я наконецъ совсѣмъ отсталъ отъ нихъ. . . . Благодарю всемогущаго Бога, что онъ освѣтилъ младую душу мою свѣтомъ истиннымъ! Но самъ себѣ не могу простишь этого грѣха. Раскольники не преслѣдовали меня, потому что надъ ними носились громы Пепровы; о заблужденіи моемъ не зналъ никто; но этотъ случай былъ важенъ своими послѣдствіями.

«Разсѣвшись съ раскольниками, я спалъ съ омерзѣніемъ смотрѣвъ на ихъ книги. Между шѣмъ умственная жажда помила меня. Всѣ духовныя книги, которыя были въ нашей приходской церкви, прочиталъ я давно. Я спалъ просить у моего учителя какихъ нибудь другихъ, свѣтскихъ книгъ; но онъ отвѣчалъ, что нѣтъ ихъ у него, да нѣтъ вовсе и на Русскомъ языкѣ; что если я хочу учиться и читать книги всякія, то для этого необходимо знать Лапинскій языкъ. Что такое Лапинскій языкъ?— Да языкъ, на которомъ есть вся-

кія книги; а научиться ему можно въ Москвѣ, Кіевѣ, и Пешербургѣ, гдѣ учреждены для эшого особенныя школы.

«Тогда-по въ первый разъ вспало мнѣ на умъ идши въ Москву. Но какъ сдѣлашь эшо? Я про- ронилъ нѣсколько словъ о своемъ намѣреніи, желая вывѣдашь, согласишся-ли ошець опшус- шишь меня. Когда онъ понялъ о чемъ идешъ дѣло, шо поднялъ такую грозу, что я не зналъ чѣмъ успокоишь его. Мачиха моя присоеди- лась къ нему, начала жалѣшь, что у мужа ея такой безпушый сынъ, начала плакашь, выпъ.... Спарикъ разсердился еще больше и хошѣлъ вы- гнашь меня изъ дому. Окончилось шѣмъ, что меня хорошо поколошили и велѣли гнашь изъ головы дурь.

«Но судьба какъ будшо нарочно поджигала спрасъ мою къ ученью. Случайно, въ домѣ од- ного зажишочнаго челошѣка, Христофора Дуди- на, увидѣлъ я наконецъ не духовныя книги. Помню, что я пришелъ въ совершенный вос- шоргъ, и перевершывая лисшы, пожиралъ ихъ глазами. Ты спросишь: какія были эшо книги? Спаринная Славянская Граммашика, и Ариѣме- шика, напечатанная въ Пешербургѣ, въ царш- вованіе Петра Великаго, для навигацкихъ учениковъ. И предметы эшихъ книгъ, и языкъ ихъ, и изложеніе были для меня совершенною новосшью. Я спалъ неотспушно просишь спа-

рика Дудина, чтобы онъ позволилъ мнѣ прочишашъ драгоцѣнныя его книги; онъ не соглашался. Не разъ возобновлялъ я эшу просьбу, и всегда понапрасну: Дудинъ не хошѣлъ дашь мнѣ своихъ книгъ даже на нѣсколько дней. Я рѣшился упошребить хипросшъ: началъ угождашь сыновьямъ его, дѣлалъ и дарилъ имъ игрушки, выдумывалъ игры, рассказывалъ сказки, и довелъ ихъ до того, что они полюбили меня и были гошовы сдѣлашь все для пріятеля. Я спалъ просишь у нихъ почишашъ книгъ опцовскихъ; сначала не соглашались, но по усиленной просьбѣ выдали ихъ мнѣ. Эшого было довольно: книгъ уже я не опдалъ назадъ, не разспавался съ ними, чишалъ ихъ всякой день, во всякой свободный часъ, и наконецъ выучилъ наизуспъ. Такимъ образомъ узналъ я Ариомешику, хоша въ книгѣ Магницкаго, авшора моей Ариомешики, она изложена очень дурно, многоглаголиво и безполково; узналъ опчаспи и Граммапику. Эпи двѣ книги были *вратами учености* моей!

«Между шѣмъ, въ умѣ моемъ созрѣвала мысль о побѣгѣ въ одинъ изъ названныхъ учишелемъ моимъ городовъ. Бѣжашъ изъ родишельскаго дома! Спрашно и выговоришь эпи слова. Но посуди о моемъ положеніи: неугасимая спрасшъ къ ученью жгла мою душу, превожила меня днемъ и ночью, лишала покоя; а надѣяпсья,

чтобы отецъ согласился оппустить меня и благословилъ на просвѣщеніе ума наукою, было невозможно; сверхъ того жить, при безпрестанныхъ нападкахъ и перзаніяхъ отъ мачихи, стало мнѣ совершенно несносно. Я рѣшился убѣжать.

« Но какъ исполнить эту дерзкую мысль? Я придумывалъ разные планы, искалъ случая, спрашивалъ ѣдущихъ въ дальніе города; но средства не представлялось никакого. Наспупилъ 47-й годъ моей жизни. Изъ нашей деревни отправлялись иногда обозы съ рыбою; я узналъ, что и въ этотъ годъ отправляется одинъ въ Москву. Сердце мое задрожало. Я рѣшился непременно уйти съ обозомъ.

« Никому не открывалъ я своего намѣренія; не говорилъ ничего съ мужиками, которые нагружали рыбу на возы, и боялся даже какъ-бы по глазамъ моимъ не узнали, что таится въ душѣ моей. Рѣшимость придавала мнѣ твердости. Наконецъ, утромъ одного дня, зашевелилось, заскрипѣло на улицѣ: обозъ отправлялся въ дальній путь. Я выскочилъ на улицу вмѣстѣ съ другими, и будто изъ пущаго любопытства смотрѣлъ какъ скользили возы, какъ снимали шапки и крестились извозчики. Я сдѣлалъ это для того, чтобы лучше скрыть свое намѣреніе, а уйти хотѣлъ ночью и догнать

обозъ на дорогѣ. Неопытность моя не предвидѣла никакихъ препяшшвій.

« День случился праздничный. Опець мой, не заняшой ни какою рабошой, осшавался дома, и былъ необыкновенно веселъ и ласковъ ко мнѣ. За ужиномъ, какъ нарочно, онъ разговорился о своихъ надеждахъ, въ прошопѣ сердца высказывалъ смиренные свои планы, и оканчивалъ все шѣмъ, что я вѣрная подпора у него, что я на старосши буду его кормильцемъ. «Руки приложишь, слава Богу, ешъ къ чему; только ты будь добръ и послушливъ.» Это были, я думаю, послѣднія слова его ко мнѣ. Признаюсь, я гошовъ былъ бросишься къ ногамъ опца, испросишь прощеніе въ спрашномъ непослушаніи, кошорое скоро хошѣлъ сдѣлать, и осшашься навѣкъ добрымъ мужикомъ, на упѣшеніе сшарику. Но матиха моя вдругъ взбѣсилась за что-то, и шопчасъ выгнала изъ сердца моего всю чувствительность. Такимъ образомъ, она невольно шолкнула меня къ развязкѣ. Я легъ спать. Не помню, спалъ-ли я; но знаю, что кровь волновалась во мнѣ, что я былъ какъ въ лихорадкѣ, и когда наступила давно желанная минуша, я долженъ былъ призвашь на помощь всю бодрость свою.

« Послушай, Виноградовъ! Не доказываешь-ли чистоты намѣренія моего даже то, что я не думалъ о средсшвахъ дороги, не запасся ни

одною копѣйкою, ничѣмъ? Пускаясь въ далекій, безвѣстный путь, одинъ, пѣшкомъ, я не воображалъ, что могу умереть съ голоду или замерзнуть на дорогѣ. Я хотѣлъ бѣжать, только бѣжать, къ неясной, единственной для меня цѣли.

«Боязливо поднялся я съ постели своей; но въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Я ошмыскалъ ощупью свое чистое бѣлье, надѣлъ двѣ рубашки, и на нихъ овчинный шулупъ свой, который носилъ каждый день; завязалъ въ узелъ вѣрные свои книги, Арифметику и Грамматику; взялъ еще кусокъ чернаго хлѣба, оставшійся на столѣ послѣ ужина, и началъ поспихоньку выходить. У порога я остановился невольно и прислушивался къ дыханію спящихъ (ты знаешь, что въ деревенскихъ избахъ всѣ спятъ въ одной комнатѣ). Какъ мнѣ хотѣлось взглянуть еще разъ на отца! Я представлялъ себѣ его то грознымъ, то умоляющимъ; темнота придавала особенную игру воображенію.... Наконецъ, боясь измѣнить себѣ и разбудить кого нибудь, я поспѣшно отперъ дверь, вышелъ во дворъ... надобно было еще отпираться ворота. Мнѣ уже казалось, что въ избѣ сдѣлался шумъ... Торопливо выскочилъ я на улицу и пустился бѣжать.

«Ночь была темная, но къ счастью не очень холодная. Я бѣжалъ не оглядываясь; напоследъ-

докъ выбился изъ силъ и принужденъ былъ присѣсть на сугробъ снѣгу. Тупъ-по пришло мнѣ въ голову, какъ опчаянно было предпріятіе, которое зашѣялъ я. Покуда я былъ среди людей, въ теплой комнашѣ, мнѣ казалось, что пройди до Москвы — игрушка: вспалъ да пошелъ! Но опбѣжавши нѣсколько верспъ опъ родительскаго дома, ночью, въ пуспынѣ снѣговъ, я почувспвовалъ совсѣмъ иное. Взошла луна и освѣшила передо мною неизмѣримое проспранство, одѣшое въ бѣлый саванъ: я, человекъ, уничпожался на эшомъ спрашномъ лонѣ природы. Слезы брызнули изъ глазъ моихъ, когда я не только вообразилъ, но и увидѣлъ свое оди-ночеспво. Оглядываясь къ родной споронѣ, я плакалъ пуще. «Ты одинъ, безпомощенъ теперь!» сказалъ я самъ себѣ. «Ты самъ вырвался изъ родныхъ объятій!... Но ворочаешься поздно!» подумалъ я. «Дома ждушъ меня теперь побои, долгій гнѣвъ опца, и—мачиха, со всею злоспью своею. А впереди мое счаспие, цѣль давнихъ желаній моихъ. Пойдемъ-же въ міръ, боропься съ нимъ! . . . »

«Бодро спалъ я на ноги и скорымъ шагомъ пуспился по дорогѣ. Всю оспальную ночь и весь слѣдующій день, я по шелъ, по бѣжалъ, не оспанавливаясь почти нигдѣ. Наконецъ успалось принудила меня оспановишъся въ какой-то деревнѣ, уже поздно вечеромъ. Я спалъ

распрашиваешь, давно-ли проходилъ путь обозъ съ рыбою; мнѣ сказали, что передъ самымъ вечеромъ, и что онъ вѣрно остановился въ ближней деревнѣ. Я бросился на лавку и спалъ часа два мертвымъ сномъ; пробудившись, тотчасъ отправился впередъ, и на разсвѣтъ, часу въ десятомъ дня, догналъ обозъ, уже въ семидесяти верстахъ отъ нашего селенія.... Остальнаго досказываешь нечего.»

Виноградовъ слушалъ своего поварища съ такимъ вниманіемъ, что даже не прервалъ его ни разу. Когда Ломоносовъ переспалъ говорить, онъ все еще напрягалъ слухъ, и наконецъ сказалъ :

— Знаешь-ли, Михайло, что я уважаю себя еще больше, когда знаю исторію своей жизни.

« Мнѣ кажется, въ этой жизни всего больше горестнаго.

— И высокаго, превосходнаго ! Обыкновенный человекъ, на своемъ мѣстѣ, не рѣшился-бы уйдти въ одномъ шулупѣ, безъ копейки денегъ; нѣтъ, онъ все собиралъ-бы средства, жаловался-бы во всю жизнь на судьбу, и остался-бы грамотнымъ мужикомъ, не болѣе.

« Правда, рѣшимости надобно было много ! Но много и счастья, потому что я зависѣлъ отъ перваго встрѣчнаго.

— Богъ всегда награждаетъ такую благородную смѣлость, какова была швоя.

« Но онъ-же испытываетъ такихъ бурныхъ людей, какъ я, и спрасками паяжками. Неужели, ты думаешь, мнѣ легко пробивать грудью препяшствія судьбы, и что мнѣ даромъ досажается мои ничтожные успѣхи? Нѣтъ, мнѣ труднѣе нежели кому нибудь! Голова моя горитъ и сердце какъ будто хочетъ выпрыгнуть отъ этихъ сильныхъ ощущеній, которыя увлекаютъ меня, не знаю куда. А я такъ-же человекъ, какъ и другіе! Не умѣю назвать спраски моей къ ученью, но уже много перепѣлъ я для нея. Ты видѣлъ, какихъ препяшствій спойло мнѣ добраться до Москвы. Но тутъ ожидали меня испытанія новыя. Я выперпѣлъ все униженіе отъ людей, пока добился въ Спасскую школу. Всякій дуракъ величался передо мной, душилъ мое самолюбіе, напоминалъ о нищетѣ моей. . . . А эта ужасная фурія, которую называю нищепои! Она не перестаетъ терзать меня до сей поры, и кажется не перестанетъ еще долго. Грудь ломится, когда вспомнишь о прошедшемъ и будущемъ! . . .

— Но главное теперь уже сдѣлано; въ будущемъ осажается для тебя одни успѣхи.

« Успѣхи? Да знаешь-ли ты, что значатъ для меня успѣхи?

— Эпо слово имѣеть общій смыслъ для всѣхъ.

« Для всѣхъ , но не для меня. Успѣхъ-ли, что я въ пять лѣтъ выучилъ Лашинъ, съ прибавкою кой-чего, и шакъ-же начинаю теперь учисься Естествознанію? Пожалуй, меня и теперь можно сдѣлать Профессоромъ въ этихъ предметахъ; эпо и называють обыкновенно успѣхами. Нѣтъ, надобно узнать науку, и попомъ самому сдѣлать въ ней шагъ, распространить ея предѣлы. Мнѣ извѣсны теперь двадцать предметовъ, въ копорыхъ я обязанъ совершить такіе успѣхи. Иначе, что я такое? Школьникъ!

— Ну, мнѣ кажется, ты понимаешь эпо ужъ слишкомъ свысока. Довольно и того, что мы поравняемся съ другими. Да и можно-ли браться за все?

« А какъ-же иначе? Пожалуй, довольствуйся тѣмъ, что скажешь или покажешь тебѣ училищели, шакъ ты и будешь ученый невѣжда. Вѣкъ и наука не ждуть насъ, и своимъ чередомъ идутъ впередъ. Мнѣ хочется не только догнать, но и перегнать ихъ. Иначе я не спалъ-бы и учисься. Что-же говоришь ты, будто не лзя браться за все, то для насъ Рускихъ эпо правило покуда еще не умѣстно. У насъ шакъ мало дѣлашелей, что они обязаны браться за все. Иначе, осуди нашего Великаго Пешра,

который не хотѣлъ бытъ только хорошимъ Генераломъ или хорошимъ кораблестроителемъ: онъ былъ все. Русскій ученый долженъ обрабатывать свой языкъ, изобрѣтать правила для Спихошворства и Краснорѣчія, переводить образцы. . . . А Науки Математическія? . . . Да что и говоришь! . . . Не возражай, что я забавляюсь мечной: когда прекрашится жизнь моя, тогда только буду я не доступенъ всему окружающему. А теперь, когда сердце бьется во мнѣ съ такою силой, я хочу захватить себѣ цѣлый міръ.

Виноградовъ улыбнулся.

« Не мучь меня этою равнодушною усмѣшкой! » вскричалъ Ломоносовъ. « Вы, благоразумные люди, не сдѣлаете ничего безъ насъ, полу-сумасшедшихъ. Наши-же пруды спанеши вы приводить въ порядокъ.

— Но, скажи мнѣ, откуда взялъ ты всѣ эти мысли? Я ничего подобнаго не слыхивалъ, и хоть не совсѣмъ согласенъ съ тобою, но не могу сказать, чтобы не нравились мнѣ твои слова.

« Да опъ кого-же могъ-бы ты слышать ихъ, когда я самъ придумалъ все это, » отвѣчалъ развеселясь Ломоносовъ. « Глупаго празднаго времени остается много; я спараюсь наполнишь его своими размышленіями. И ты можешь дѣлать то же.

— Да у меня недоспаетъ времени на ученье!

« Чтò шупъ учишь? Снова признаюсь тебѣ: я не совсѣмъ доволенъ здѣшнимъ ученьемъ. Все это мало, поверхностно, неудовлетворительно.

— Какъ неудовлетворительно? Мы слушаемъ лучшихъ Профессоровъ.

« Тѣмъ досаднѣе, что они какъ будто скрываютъ отъ насъ что-то. Право, Виноградовъ, я недоволенъ ихъ ученостью.

Глава VIII.

Въ послѣднихъ словахъ Ломоносова заключа-
лась истина, непонятная для него самого.
Онъ точно былъ *недоволенъ* своими Профессо-
рами, и пошому именно, что удовольствовашъ
пламенную спрасъ его къ ученью не могло ни-
что. Ознакомлясь съ предметомъ какой либо
науки или искусства, онъ хотѣлъ объять его
во всей обширности, изслѣдовавъ всею изы-
скашельностью своего ума, и, еще болѣе, сво-
его поэпического чувства. Робкая ученость не
любила этого, пошому что ей надобны успѣхи
извѣснаго размѣра, постоянные и посшепен-
ные. Раздвигаятъ науку не въ школахъ. Но Ло-
моносовъ не подозрѣвалъ этого, и съ жаромъ
принявшись за Ещеспвознаніе, вскорѣ пришелъ
въ шакое-же недоумѣніе, какое мучило его
при изученіи Словесности: онъ думалъ, что
это не вся наука, что это лишь начала ея, и
пошому-то въ часы досады восклицалъ, что

учили скрывающъ онь него истинную глубину знанія.

А между тѣмъ, учили не нарадовались его успѣхами. И кто-же были это? Знаменитые въ ученомъ мѣрѣ Бильфингеръ, Байеръ, Эйлеръ! Они удивлялись рѣдкимъ дарованіямъ молодаго Рускаго и оказывали ему большія поощренія. Онъ прилежнѣ всего занимался Физикою, Химіею, Металлургіею, и сдѣлалъ быстрые успѣхи въ Матемастикѣ. Эйлеръ, этовъ родоначальникъ всѣхъ математиковъ въ Россіи, тогда еще юный, полный силъ, предсказывалъ, что изъ Ломоносова образуется отличный математикъ и натуралистъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пронцапельность ума, соединенная съ любовью къ Матемастикѣ и Естествознанію, обѣщала многое; но природная неперѣливістьъ, и стремленіе къ всеобъемлемости, признакъ всѣхъ преобразователей и великихъ двигателей въ наукахъ, мѣшали многому. Иногда какой нибудь предметъ обращалъ на себя особенное вниманіе Ломоносова, и онъ посвящалъ ему дни и ночи, оставляя всѣ другія занятія. Иногда, неудовлетворимый ничѣмъ, онъ покидалъ все, для того чтобы снова принявшись за все съ новымъ жаромъ.

Участь въ Академической Гимназіи, онъ имѣлъ болѣе свободы нежели въ Заиконоспасской Ака-

деміи , гдѣ его держали почти взаперти. Онъ знакомился съ самимъ Пешербургомъ, наблюдалъ огромные начашки Пешра, и безпрерывно больше влюблялся въ эшого великаго челоѣка, безсмершнаго на всѣхъ пушяхъ челоѣческаго общесива. Давно хощѣлъ Ломоносовъ посѣпишь и славнаго сподвижника его, а своего благодѣтеля Теофана. Это было однакожь довольно шрудно. Теофанъ , опягченнѣй болѣзненными припадками, не могъ принимашъ многихъ. Бѣднѣй спуденшъ не посшигалъ, что были и другія причины шруднаго досшупа къ знаменишому сановнику. Теофанъ охотно оказывалъ ему покровишельсшво , но обремененнѣй дѣлами и ошношеніями инаго рода, не могъ или не хощѣлъ приняшъ его. Онъ видѣлъ въ Ломоносовѣ умнаго , любящаго науки бѣдняка, съ кошорымъ не было у нихъ ничего общаго.

Однажды , въ свободнѣй часъ , онъ пришелъ въ переднюю Теофана : опяшъ не лѣзя было видѣшъ Архіепископа.

« Доложише Его Высокопреосвященсшву, что извѣсшнѣй ему спуденшъ Михайло Ломоносовъ приходилъ засвидѣшельсшвовашъ свое почшеніе.

— Не премину — ошвѣчалъ служишель.

« Не лѣзя-ли доложишъ и о томъ, что я прихожу не въ первый уже разъ, но до сихъ поръ не имѣлъ счасшія лично изъявишъ Его Высоко-

преосвященству мою душевную благодарность за всё его ко мнѣ благодѣяніе.

— Докладываешь Его Высокопреосвященству о всѣхъ приходящихъ, и входишь въ объясненія о нихъ, не мое дѣло. Мало-ли сколько народу приходишь сюда!

Эпо задѣло самолюбіе молодого человѣка. Можешь быть еще въ первый разъ философствуя въ передней, онъ сдѣлалъ непереносимое движеніе. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но появившійся вблизи, какой-то шаричекъ въ свѣтскомъ плащѣ, предупредилъ его словами:

— Не по пути-ли идши намъ? Пойдемте. — И сдѣлавъ привѣпливый знакъ рукою, онъ пошелъ.

Удивленный Ломоносовъ невольно последовалъ за нимъ.

Вышедши на улицу, незнакомецъ сказалъ пріятнымъ голосомъ:

— Вы конечно недавно въ Петербургъ?

«Съ годъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ. «И въ годъ не могу добиться увидѣть моего благодѣтеля!

— Не удивительно: Архіепископъ всегда занятъ; а теперь еще онъ и боленъ, очень опасно.

«Опасно боленъ?»

— Да, медики опасаются за жизнь его. Впрочемъ, хотя у него застарѣлая и неизлечимая

болѣзнь, но не шакая, ошъ кошорой умирають мгновенно. Архіепископъ располагаешся ѣхать въ Новгородъ.

«Боже мой! И такъ можешъ случишься, что я не увижу Высокопреосвященнаго! . . .

— Пріятно вспрѣшишь такую признашельность къ человѣку, кошораго называеете вы своимъ благодѣтелемъ.

«Онъ испинный мой благодѣтель. Болѣе всѣхъ ему обязанъ я шѣмъ, что продолжаю ученіе въ здѣшней Академической Гимназіи.

— А вы учишесь здѣсь, въ Академической Гимназіи! Радуюсь за васъ: Профессоры ваши люди Европейской учености.

«Да, и все Нѣмцы.

— Но развѣ Нѣмецъ, каковъ Эйлеръ, не украшеніе своего новаго опечества? Рекомендація Бернулли и ученые пракшашы, имъ сочиненные, ручающся за него. Всѣ другіе Академики также люди опличныхъ дарованій.

Эшопъ разговоръ начиналъ занимашь Ломоносова. Онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Конечно вы знаете ихъ всѣхъ?

«Какъ-же и не знашь такихъ людей! Эшопъ цвѣтъ учености въ Европѣ.

— Но позволите спросишь: съ кѣмъ имѣю честь разговаривашъ?

« Я Адамъ Бурхардъ Селлій , учишель Александро-Невской Семинаріи.

— Селлій ? Но вы такъ хорошо говорише по-Русски, что я не подозрѣвалъ-бы въ васъ иностранца.

« Много чеспи ! Впрочемъ, я давно въ Россіи, люблю новое отечество мое, обожаю религію вашу, и почелъ первымъ долгомъ выучишься сколько можно Русскому языку.

— Вы сказали : *нашу* религію ; слѣдовашельно вы не принадлежише къ нашему исповѣданію ?

« Я Люперанинъ.

— Но какъ-же обучаете вы юношество въ Семинаріи, будучи иновѣрцемъ ?

« Предметъ мой не касается религіи : я учу Лашинскому языку, и еще прежде занималъ эту должность въ школѣ, заведенной Высокопреосвященнымъ Теофаномъ на Карповскомъ Новгородскомъ подворьѣ.

— Такъ вы близки и къ Высокопреосвященному ?

« Три года занимался я въ школѣ подъ его покровительствомъ. Извинише, что я такъ много сказываю вамъ о себѣ ; но я хочу чтобы вы знали меня, пошому что давно знаю васъ. Архіепископъ описывалъ мнѣ вашу необыкновенную жизнь, вашу любовь къ наукамъ, и успѣхи

въ нихъ. Когда вы назвали себя, я порадовался случаю познакомиться съ вами. Жалѣю, что не зналъ васъ въ Москвѣ.

— А вы были и въ Москвѣ.

« Какъ-же! я былъ и шамъ училелемъ въ Гимназіи.

Ломоносовъ еще въ первый разъ встрѣшилъ такого привѣтливаго ученаго. Онъ жалѣлъ, что должно было прекратить разговоръ съ Селліемъ (имъ приходилось идти въ разные споры), и обрадовался, когда умный Дашчанинъ пригласилъ его къ себѣ.

Въ его ученой кельѣ Ломоносовъ пришелъ въ восторгъ, когда увидѣлъ себя среди множества книгъ, рукописей, и всѣхъ пособій учености. Показывая ему свои разные труды, Селлій сказалъ между прочимъ:

— Вотъ это выписки для Академика Байера.

« Для нашего Байера?

— Да. Онъ приглашаетъ меня иногда раздѣлять труды свои, пошому что вовсе не знаетъ Русскаго языка. Вотъ рукопись, которую приговляю къ печати: это *Schediasma litterarium de scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt.*

« Я вижу у васъ удивительное богатство матеріаловъ для Церковной Россійской Истории.

— Эшо любимый предметъ мой, и я надѣюсь сдѣлать кой-что для будущихъ историковъ Россійской Церкви.

« Но какъ можешь занимать эшотъ предметъ васъ. . . . Люперанина ? »

— Молодой человѣкъ! Я Рускій душою, которая благоговѣнно прилѣплена къ Православной Церкви. Только обстоятельство мѣшающъ мнѣ до сихъ поръ принять святое муропомазаніе. Надѣюсь однакожь, что хошь при концѣ жизни Господь удостоитъ меня эшого счастья.

Съ изумленіемъ глядѣлъ Ломоносовъ на почтеннаго спарика Селлія. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка, посвятившаго всю жизнь изысканію истины, и скромно спросилъ: какія-же причины удерживающъ его отъ вступленія въ Православную Церковь ?

— Міръ! — отвѣчалъ Селлій выразительно. — Міръ приковалъ меня къ себѣ за богами мясежной жизни, и я не могу оторваться отъ него. Мое желаніе: совершенно оставить житейское море и скрыться отъ людей подъ чернымъ клобомъ монаха.

« Не понимаю, » возразилъ Ломоносовъ, « какъ съ такими правами на жизнь, при такой обширной умственной дѣятельности, вы хотите обречь себя смерти ? »

— Да, и трудно понять эшо человѣку, который лишь хочетъ вступать въ міръ! Но я

уже испытанный боецъ : я уснулъ, и душа моя требуетъ успокоенія. Впрочемъ, кто знаетъ, скоро-ли я найду его? Можешь быть, порывъ обстоятельствъ опять увлечетъ меня въ бурю свѣта!...

Разговоръ перешелъ къ путешествіямъ, которыя Селлій совершилъ по Европѣ. Эпошъ замѣчательный человекъ родился въ Тондернѣ, въ Шлезвигскомъ Герцогствѣ, учился въ разныхъ иностранныхъ Университетахъ, и особенно занимался Медициною. Въ Іенѣ, слушая лекціи славнаго Доктора Богословія Буддея, онъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на богословскія истины, и вскорѣ это сдѣлалось любимымъ его занятіемъ. Съ сомнѣніемъ въ душѣ и съ обширными познаніями въ Философіи, Словесности, Медицинѣ и особенно Богословіи, онъ пріѣхалъ въ Россію около 1722 года.

Ломоносовъ спрашивалъ его объ ученіи въ Европейскихъ Университетахъ, и выразилъ сильное желаніе побывать и поучиться тамъ.

— Конечно, — сказалъ Селлій — это не можешь быть бесполезно; только надобно прежде всего надѣяться на себя. Никакіе Профессоры не внушатъ намъ любви къ наукѣ, если нѣтъ ея въ насъ самихъ; а кто любитъ науку, тошъ можетъ многое узнать и въ своемъ обществѣ.

« Но у насъ такъ мало пособій ученыхъ.

— Не спорю, и думаю даже, что для усовершенствованія себя надобно извѣдать разные способы и методы ученія, а для этого необходимо путешествовать; но, не воображай, молодой человѣкъ, что на Западѣ увидишь пы истинный свѣтъ учености. Всякій человѣкъ ложь, или, просто скажешь: человѣкъ.

« Однакожь въ Россію призывали ученыхъ опшуда. . . .

— Почему что у насъ совсѣмъ не было этого рода учености, которую можно назвать свѣтскою. Вы, первые воспитанники Академіи, должны образовавъ поколѣніе Русскихъ ученыхъ.

Это замѣчаніе воспламенило Русскую душу Ломоносова. Онъ съ жаромъ началъ высказывать свои надежды, свои планы, свое неудовлетворяемое ничѣмъ любопытство. Селлій ободрялъ его, поправлялъ, старался пояснить его недоразумѣнія. Такъ продолжался разговоръ ихъ нѣсколько часовъ. Они разошлись; но Ломоносовъ испросилъ напередъ у новаго знакомаго своего позволеніе приходишь къ нему.

Вскорѣ Ломоносовъ услышалъ, что Теофанъ скончался въ Новгородѣ, куда уѣхалъ онъ уже больной. Эта вѣсть поразила его. Онъ никакъ не воображалъ, чтобы только разъ въ жизни

случилось ему видѣть и слышать человѣка, бывшаго украшеніемъ Россійскаго Духовенства. «Просвѣщенный, ученый благодѣтель мой не сущесвуешь болѣе!» вскричалъ онъ. «Но и при концѣ жизни своей, онъ какъ будто завѣщалъ мнѣ благосклонность человѣка, сшоль-же достойнаго уваженія въ своемъ родѣ. Я приходилъ къ нему въ послѣдній разъ только для того, чтобы узнать Адама Селлія.»

Знакомство его съ этимъ ученымъ мужемъ поддерживалось, и Ломоносовъ часто посвящалъ досуги свои бесѣдамъ съ нимъ. Вскорѣ однакожь общошпельсшва развели новыхъ знакомцевъ.

Академія рѣшилась посласть въ Германію двухъ студеновъ Академической Гимназіи, для усовершенсшвованія ихъ въ Химіи и Горномъ дѣлѣ. Ломоносовъ началъ прилагать особенное шпаніе объ изученіи эшихъ наукъ. Съ его рѣдкою способностью узнать многое въ немногo времени, трудно-ли было ему опличиться передъ всѣми своими шоварищами? Дѣйствительнo, когда надобно было наконецъ сдѣлать назначеніе объ опправкѣ именно какихъ лицъ, назначили Ломоносова, и — къ радости и удивленію его — Виноградова.

— Любезный другъ и шоварищъ! — вскричалъ онъ. — Не нужно увѣрять себя, что я радъ опличію, кошорое оказала мнѣ Академія. Но

повѣришь-ли? Меня еще больше радуешь то, что мы поѣдемъ вмѣстѣ.

« Спасибо, Михайло! А мнѣ съ тобой будешь шакъ легко и весело.

— Но скажи, ради Бога! какъ эшо сдѣлалось? Ты, правда, всегда былъ опличный ученикъ, шолько не въ шѣхъ предметахъ, копорые пре-
буюшя ошъ назначенныхъ въ Германію. Какимъ чудомъ назначили тебя?

« На все, брашець, ешь средствъ, ешь ма-
нера, какъ взяшься за что.

— Какая-же эшо манера, какія средствъ?

« Ты взялъ грудью, по своему обычаю, *выси-
дѣль* награду, какъ говоришя у насъ въ учи-
лищѣ; а для меня сыскались добрые люди, ко-
порыхъ опличіе постараюсь я оправдать.

— Какъ? .. Я не понимаю эшого.

« Эшо очень поняшно. Мои родные знакомы съ Академиками; они просили ихъ обратишь вниманіе на мои успѣхи—шо ешь, если успѣхи ешь — и вошъ Академики назначили меня.

Ломоносовъ поморщился, когда понялъ эшо по своему.

— Зачѣмъ-же не просто хошѣлъ шы заслу-
жишь опличіе?

« Какъ просто?

— Трудомъ.

« Это хорошо , да не всегда вѣрно .

— А по вѣрно , да не хорошо .

« Чшо-же пушъ худаго ?

— То , что я не хопѣлъ-бы видѣшъ Виноградова , сгибающаго спину .

« Ломоносовъ ! ты обижаешь меня . Я не сгибался ни передъ кѣмъ , не былъ ни у кого въ передней ; за меня шолько сказали нѣсколько словъ . Повѣрь , мой другъ , безъ эшихъ маленькихъ хипросшей не лзя жишъ на свѣшѣ .

— Не лзя , пакъ и не живи .

« Ну , вопъ , видишь-ли куда приводишъ швоя логика : *ad absurdum* .

Ломоносовъ могъ-бы доказать справедливосшъ свою , въ кошорой былъ онъ убѣжденъ . Но онъ искренно любилъ Виноградова за умъ и доброе сердце , и пошому охотно осшановился въ дальнѣйшихъ убѣжденіяхъ . Такъ любимъ мы всегда прощашъ маленькія слабосш въ человѣкѣ , близкомъ сердцу , извиняя посшупки его необходимосшю , неопышносшю , невѣдѣніемъ .

Сборы къ опѣзду нѣсколько времени занимали друзей . Имъ дали обширную инспрукцію , въ кошорой было сказано , что Академія , опличая необыкновенныя способносш и прилежаніе студеншовъ Ломоносова и Виноградова , опправляетъ ихъ , для дальнѣйшаго усовершенсшвованія въ наукахъ Машемашическихъ , въ

Физикъ , Химіи и Металлургіи , къ славному въ ученѣмъ мірѣ Философу и Математику Христіану Вольфу ; что они опсправляюпся на ижди-веніи Академіи, на первый случай въ Марбургъ, мѣспопребываніе упомянушаго ученаго ; что послѣ *изряднаго* обученія у Христіана Вольфа, имѣють они ѣхашъ , по его совѣшу , въ другія мѣста Германіи.

За эшимъ слѣдовали наспавленія нравспвен-ныя и эконоиическія : веспи себя порядочно ; въ проѣздѣ черезъ Россію и чужеспранныя Го-сударсшва оказывашъ повиновеніе власшямъ ; соблюдашъ усшавы религіи и благоиравія ; все-мѣрно забоишсья и пеиись о наукѣ ; наконецъ, не издерживашъ болѣе назначенной имъ на рас-ходы суммы, и шакъ далѣе.

Въ шоржеспвенномъ засѣданіи Академіи вручили имъ инспрукцію , деньги , письмо къ Хри-стіану Вольфу , и въ заключеніе всего сказали еще маленькое увѣщаніе , о исполненіи обязан-носшей. Молодымъ ученымъ назначено было опсправишсья въ пушъ на другой день.

Ломоносовъ уллучилъ минушу забѣжашъ къ Селлію. Сшарикъ обрадовался , что юный другъ его ѣдешъ въ средопочіе просвѣщенія , что шеперь опъ него самого зависишъ довершишъ начашое шакъ шчасшливо.

« А я увѣренъ , что какъ скоро зависишъ эшо опъ Ломоносова, онъ не обманешъ на-

деждѣ Академіи. Какъ знаешь, мой другъ, что, можешь быть, тебѣ предназначено быть первымъ Русскимъ ученымъ; можешь быть, ты призванъ судьбою показаться, къ чему способенъ въ наукахъ знаменитый Русскій народъ.»

Такое торжественное, лестное поощрение изъ устъ опытнаго ученаго, было утѣшительно душѣ Ломоносова. Онъ съ жаромъ поцѣловалъ его руку, благодарилъ за участіе къ судьбѣ своей, и почти со слезами на глазахъ вышелъ отъ Селлія.

Чѣмъ ближе становилась минута отъѣзда, тѣмъ болѣе превозмужалась душа Ломоносова. Мысль, что онъ долженъ расстаться съ опечесствомъ, въ первый разъ сдѣлалась для него чувствительна. Все родное заключалось у него въ словѣ: *Россія*, потому что онъ уже давно разлучился съ отцомъ, который одинъ составлялъ для него семейство. Онъ привыкъ жить одинокимъ, безроднымъ среди людей; но еще у него оставалось опечесство. Теперь, надобно было покинуть и его, покинуть родной воздухъ, родной языкъ, родную землю.

«О, есть многое, чего не цѣнимъ мы по достоинству, и что узнаемъ только тогда, когда лишаемся его!» сказалъ онъ самъ себѣ, кидаясь на постель вечеромъ, накануне отъѣзда. Можно представить себѣ, спокойно-ли

провелъ Ломоносовъ ночь. Онъ вспалъ рано ушромъ , и поропилъ Виноградова ѣхашъ.

Но Виноградовъ , окруженный своими родными , не могъ бытъ шакъ бодръ какъ шоварищъ его. Наконецъ и онъ кинулся въ повозку, провожаемый слезами и благословеніями. Ломоносовъ спарался ободрить друга , описывалъ ему счасшливую Германію , чудеса Европы , и собственное ихъ будущее , кошорое улыбалось очень привѣшливо.

— Вообрази прежде всего — сказалъ онъ — что мы наконецъ свободны въ своихъ поступкахъ , можемъ дѣйствовать какъ граждане міра, а не какъ школьники.

« Поздравляю тебя ; но, я думаю, эшо поспуднѣе нежели сидѣшь спокойно за книгою. Не знаю почему , шолько я не радуюсь своей волѣ. Мнѣ почти жаль , что ѣду изъ Россіи.

— Жаль и мнѣ оставишь ее, можешъ бытъ на долго. Но за шо, какъ весело будешъ ворошишься намъ , обогащеннымъ новыми познаніями , опытношью , и можешъ бытъ какими нибудъ заслугами !

« Дай Богъ, чтобы сбылись швои слова.

Подумавъ немного , Ломоносовъ сказалъ :

— Во всякомъ случаѣ , школьническая жизнь наша кончилась ; пора дѣйствовать на поприщѣ свѣша.

ГЛАВА IX.

Какое чувство шѣснилось въ груди Ломоносова , когда онъ оставилъ за собою границу Россіи?... Радость, что онъ вступилъ въ Государства , славныя своею образованностью, свобода разлуки съ отечествомъ , и неизвѣстность будущаго , которое всегда грозѣе представляется намъ въ подобныхъ случаяхъ: вотъ что испытывалъ путешественникъ, пылкій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Вѣроятно , не разъ подумалъ онъ и о томъ : съ какими чувствами встрѣчу я опять себя, моя родина? Какъ представляешься тогда мнѣ ты, и каковъ буду я самъ, возвращаясь на твою священную землю? Достойнаго-ли сына увидишь ты во мнѣ , или человека , утратившаго счастье, миръ души и средства быть полезнымъ отечеству?

Но задумчивость обоихъ путешественниковъ прошла , когда они вѣхали на равнины Саксоніи.

« Наконецъ мы въ Германіи, » сказалъ съ нѣкошорою торжественностью Ломоносовъ своему сопушнику. » Посмотри какія богатые, обработанные поля, какіе красивые перелѣски, какія пучныя пажити! Послѣ песчаной Бранденбургіи они кажутся еще прелеснѣе. И что за милостивые домики! что за хорошенькія личики выглядываютъ изъ этихъ домиковъ!

— Все это хорошо—отвѣчалъ Виноградовъ—но мнѣ, право, жаль, что мы уже проѣхали пески Бранденбургіи.

« Жаль? не шого-ли, что мы не будемъ шашиться на ряду съ обозными шѣлегами, по одной милѣ въ пять часовъ? »

— Ну, везуть-шо и насъ не слишкомъ бойко: не какъ въ Россіи! А жаль, что мы все дальше и дальше отъ родимой стороны.

« Что-жъ дѣлать, Виноградовъ! Надобно и шуть пожертвованіе. »

— Грустно!

« Нѣтъ, я не хочу грустить. Я хочу наслаждаться мыслью, что мы теперь среди образованнаго народа. Не грустишь, а учишься у него пріѣхали мы. »

— Ужъ вѣрно у этихъ мужиковъ научишься нечему. Иное дѣло Нѣмецкіе Профессоры. . . .

« Мнѣ нравятся и мужики здѣшніе. Какъ они опрятны, заняты своимъ дѣломъ, веселы! »

— Все не то, что у насъ.

«Теперь намъ еще рано судить объ этомъ: поживемъ у Нѣмцевъ, тогда увидимъ. На взглядъ у нихъ славно!

— Скутно.

«Да полно-же, Виноградовъ, посковашь! Эшакъ не лѣзя ничѣмъ бышь довольнымъ. Углубляйся въ науки, а не въ шоску. И какъ не радовашься, глядя на эши веселыя мѣста!

— Мы не дѣши.

«Нѣшъ, я всегда останусь дѣши, когда мнѣ весело. Философствуй какъ хочешь; теперь я не шоварищъ шебѣ.

И онъ вдыхалъ въ себя воздухъ Саксоніи, давалъ полную волю глазамъ, и шочно радовался всѣмъ, что видѣлъ и чувствовалъ.

Поняшно это чувство въ молодомъ, двадцати-шести лѣтнемъ человѣкѣ, воспитанномъ среди снѣговъ Сѣвера и долго прожившемъ въ снѣгахъ школы. Какъ вольная пшичка, выпущенная изъ клѣшки, онъ радуется природой, и каждый предметъ имѣетъ для него несравненную цѣну, удвоиваемую свѣжесшью чувствъ.

Но Ломоносовъ не долго могъ наслаждаться природою Германіи: онъ и шоварищъ его скоро доспигли мѣста своего назначенія, Марбурга.

Эшопъ городъ не имѣлъ тогда славы, какою пользовался онъ нѣкогда. Послѣ Цвингли и Лю-

пера, копорые совѣщались въ немъ объ испи-
нахъ и догмашахъ новой своей религіи, Мар-
бургъ процвѣшалъ много лѣтъ, и Универси-
тешъ его сдѣлался славенъ своими учеными и
необыкновеннымъ спеченіемъ учащихся. Но раз-
новѣріе, учрежденіе Протестантскаго Универ-
ситета въ Гиссенѣ, многія народныя бѣдствія,
язва, Тридцати-лѣтняя война и другія слѣдо-
вавшія за нею войны, скоро заспавили мирныхъ
Музъ удалишся изъ эшого убѣжища. Только
переселеніе Христіана Вольфа въ Марбургъ на-
чало опяшь привлекать шуда молодыхъ ученыхъ,
и напомнило прежнюю славу Марбургскаго Уни-
верситета.

Христіанъ Вольфъ не былъ тогда еще ни
Барономъ, ни богачѣйшимъ изъ ученыхъ людей,
но уже обращалъ на себя вниманіе Европы. Во
время профессорства своего въ Галле, онъ про-
славился Философическими лекціями. И дѣйстви-
тельно, Философія его дала новое движеніе
умамъ. Онъ былъ пояснитель, исправитель си-
стемы Лейбница, и оказалъ великую услугу
наукѣ своею спрогою, математическою мето-
дою изслѣдованій. Онъ привлекъ къ себѣ жар-
кихъ послѣдователей, не защищая ошъ пе-
даншовъ, копорые принимая методу его поль-
ко вредили ей, и наконецъ былъ гонимъ за
свою Философію. Однимъ изъ самыхъ опчаян-
ныхъ враговъ его былъ сочленъ по Универси-

пешу , Галльскій Профессоръ Ланге , энпузі-
аспъ и піеписнъ , кошорый находилъ въ Воль-
фовой Философіи гибель для умовъ и даже для
религіи. Онъ привлекъ на свою спорону нѣко-
торыхъ другихъ ученыхъ , и соединенными си-
лами они доспигли того , что повелѣніемъ Ко-
роля Фридриха Вильгельма 4-го , Вольфъ былъ
изгнанъ изъ Прусскихъ владѣній. Ему приказали
подъ смерсною казнію оспавишь Галле въ 24
часа. Оскорбленный философъ удалился въ Мар-
бургъ , гдѣ былъ принятъ съ опличіемъ и за-
нялъ мѣсто при шамошнемъ Универсишешѣ.
Между шѣмъ слава его распроспранялась болѣе
и болѣе ; многіе Универсишешы предлагали ему
самыя выгодныя мѣста ; но онъ опклонялъ всѣ
предложенія , и уже не хотѣлъ возврапишься
въ Галле , когда особо учрежденное собраніе
ученыхъ въ Берлинѣ оправдало его опъ всѣхъ
нарѣканій , и Король снова призывалъ его въ
свои владѣнія.

Ломоносовъ зналъ славу своего будущаго
учишеля , и по пріѣздѣ въ Марбургъ хотѣлъ
какъ можно скорѣй явишься къ нему. Онъ съ
поварищемъ своимъ занялъ маленькую кварширу,
въ опдаленной часпи города , и на другой-же
день пошли они къ Вольфу.

Все казалось Ломоносову преображеннымъ ,
когда наконецъ онъ былъ въ зданіяхъ Универ-

сипеша, и робко постучался въ дверь знаменитого ученаго.

Въ самомъ дѣлѣ, какое странное сближеніе событій! Человѣкъ, рожденный по видимому провести свою жизнь на берегахъ Бѣлаго моря, съ неводомъ, вырывается изъ непоспѣжимой глубины невѣжества, и шрудомъ, ученіемъ пролагаетъ себѣ путь къ кабинету перваго изъ современныхъ ученыхъ и философовъ. Онъ былъ какъ будто представителемъ Сѣвера, пребывающаго просвѣщенія у Запада. Въ видѣ Ломоносова, Россія спускалась въ двери Вольфа, съ жаждою науки и знанія.

Слуга отворилъ дверь, и на вопросъ путешественниковъ, можно-ли видѣть Профессора, отвѣчалъ :

« Пожалуйте. »

Они вошли въ прекрасныя, хорошо убранныя комнаты. Имъ велѣли безъ доклада отворить дверь кабинета Вольфа. Нѣсколько секундъ Ломоносовъ собиралъ силы сдѣлать это, и наконецъ отворилъ дверь.

Вольфъ сидѣлъ посреди кабинета, за большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами. Онъ поднялъ упомянутые работою глаза свои, и видя незнакомыхъ, вспалъ.

Ломоносовъ подалъ ему письмо Академіи и прибавилъ по-Лапшински :

« Петербургская Академія, въ лицѣ нашемъ, свидѣтельствуетъ глубокое уваженіе свое Христіану Вольфу. Она прислала сюда насъ, подателей этого письма, учисья истинамъ, которыми просвѣщаете вы людей.

Вольфу пріятно было это неожиданное привѣтствіе, и онъ отвѣчалъ съ самою радушною улыбкою:

« Благодарю васъ, благодарю Петербургскую Академію за вниманіе къ трудамъ моимъ, конечно не важнымъ, по крайней мѣрѣ усерднымъ. Прошу васъ, господа, садитесь. Вы рѣдкіе гости у меня, и, кажется, даже я не имѣлъ удовольствія видѣть у себя Рускихъ.

— Нашъ Императоръ, Пётръ Великій, былъ первый Рускій, который пріѣзжалъ на западъ Европы учисья просвѣщенію. Мы идемъ только по направленію, какое далъ онъ своему народу.

« Да, Пётръ былъ не только Великій, но и величайшій изъ Государей. Жалю, что я не могъ пріѣхать, по приглашенію его, въ вашу Академію. Мы не поняли другъ друга; сверхъ того, и Академія тогда еще не была открыта. Впрочемъ, другъ мой Бильфингеръ тамъ, и я спокоенъ объ участи Философіи въ Россіи.

— Академикъ Бильфингеръ всегда называетъ себя ученикомъ вашимъ, и по его-то особенному желанію отправлены мы къ вамъ.

« Онъ раздѣляетъ мои философическія идеи , эшо правда , но такой ученикъ можетъ быть доспойнѣе своего учителя. Лейбницъ : вошъ общій нашъ пушеводитель. Не называю его своимъ учителемъ , пошому что не вполне раздѣляю идеи его. . . . Но , позволше мнѣ прочешъ письмо. »

Вольфъ распечаталъ письмо Академіи , началъ чипашъ его , и далъ время посѣпшителямъ обгладѣшъ все , окружавшее ихъ. Съ какою жадноспію смопрѣлъ Ломоносовъ на все эшо : каждая книга на сполѣ Вольфа казалась ему чѣмъ-шо избраннымъ , доспойнымъ вниманія мудреца ; каждый исписанный листъ предспавлялъ онъ себѣ символомъ богашыхъ мыслей , и , можетъ бышъ , какой нибудь счетъ хлѣбника воображалъ глубокимъ математическимъ исчисленіемъ. Кабинешъ Вольфа , впрочемъ , не предспавлялъ никакихъ ученыхъ принадлежноспей , кромѣ книгъ , и больше опличался богашствомъ вещей обыкновенныхъ.

Прочишавъ письмо , Вольфъ сказалъ :

« Академія Пешербургская поручаетъ васъ , молодые люди , моему руководспву. Съ радоспью принимаю на себя эшу обязанность и почшу за особенную честь содѣйспвовать благородному ея намѣренію. Вы имѣли шакихъ опличныхъ наспавниковъ , послѣ кошорыхъ мнѣ остаешся не много пруда. Мысль Пешра , освѣ-

щенная глубокомысленнымъ Лейбницемъ , должна принести обильные плоды. Сколько лѣтъ учились вы въ Академической Гимназіи ?

— Два года — отвѣчалъ Ломоносовъ.

« Послѣ приготовительнаго ученія , это достаточно. Теперь , какъ я вижу изъ письма , васъ предназначаютъ къ особенному изученію Философіи , Химіи и Металлургіи. »

Онъ вспалъ, началъ ходить по комнаѣ , и какъ-бы размышлялъ вслухъ :

« Два, три года надобно посвящать ученію въ Университетѣ ; для Химіи и Металлургіи необходимо сдѣлать нѣсколько путешествій , побывать въ рудникахъ , практически заниматься тамъ , и наконецъ сдѣлать репетицію всѣхъ пріобрѣтенныхъ познаній. Дай Богъ , чтобы все это исполнилось ! . . . Какую часть Философіи преподавалъ вамъ Бильфингеръ ? » сказалъ онъ , обращаясь къ молодымъ людямъ.

— Послѣ общаго введенія — отвѣчалъ Ломоносовъ — онъ изъяснялъ Картезіеву и Лейбницеvu системы , опровергалъ ученіе о монадахъ и предсавленной гармоніи ; наконецъ обратился къ вашей системѣ.

« Слѣдственно занимался новѣйшею Философіею. Не говорилъ-ли онъ чего либо о моихъ противникахъ ?

— Онъ упоминалъ о нихъ, прибавляя что они не споятъ опроверженія.

« Напрасно. Въ Философіи терпимось дороже нежели во всѣхъ другихъ наукахъ. Умъ человѣческій способенъ заблуждаться; но каждое заблужденіе есть опытъ, копорымъ должно воспользоваться. Прошивники мои смѣшиваютъ Философію съ Религіею, и называютъ ученіе мое безбожнымъ. Но истина не боится ни какихъ нарѣканій. Время оправдаетъ меня.

— Оно уже и оправдало васъ, ученый мужъ! — сказалъ съ жаромъ Ломоносовъ. — Въѣценосцы удостоиваютъ васъ своею довѣренностью.

« А ученые гонятъ меня со свѣта! Да, я много прешерпѣлъ за Философію, и примѣръ мой послужишь новымъ урокомъ для будущихъ философовъ. Никогда и ни что не прешерпѣвало такихъ гоненій, какъ Философія. Сократъ выпилъ за нее цикушу; Джіордано Бруно, эшопъ добрый мечшатель, былъ сожженъ на костре; Карпезій бѣжалъ изъ своего опечесшва. За что? за нѣсколько идей, копорыя не нравились другимъ людямъ.

— Общее уваженіе было всегда наградой великихъ прудовъ.

« Но въ самомъ прудѣ, въ самомъ подвигѣ лучшая награда его. Не себялюбіе говоришь

это: нѣтъ, я вполне чувствую, напимѣръ, лесное опличіе, которое сдѣлала мнѣ Пешбургская Академія, пославши сюда васъ, молодые люди. Но никакая награда, никакое опличіе не могли быть цѣлю моей жизни. Вступая на шрудное поприще учености, и особенно Философіи, вы должны знать, что васъ ожидаетъ, прежде всего, борьба съ самими собою и съ жизнію. Чувствуете-ли вы довольно мужества для такой борьбы?

— Да! — отвѣчали въ одинъ голосъ молодые люди.

« Это необходимо. Если какія нибудь постороннія причины увлекаютъ человека на ученое поприще, онъ лучше сдѣлаетъ, если обратится къ чему нибудь другому. Только душевная твердость и спросъ къ самой наукѣ подкрѣпляютъ ученаго. Больше нѣтъ для него никакихъ обольщеній.

Ломоносовъ думалъ слышать въ этихъ словахъ свою собственную исповѣдь. Онъ не смѣлъ проронить ни одного слова изъ сужденій Вольфа.

— Впрочемъ, не пугайтесь строгихъ предвѣщаній моихъ. Я хочу только, чтобы вы съ самаго начала знали, къ какому великому шруду предназначило васъ опечесство. Увѣренъ также, что Академія избрала достойныхъ изъ учениковъ своихъ. Небольшой разговоръ нашъ дока-

зываетъ , что я разсуждаю съ вами какъ старый вашъ другъ. Прошу и мнѣ плашиться такою же искренностью.

Молодые путешественники не знали какъ благодарить Вольфа за его привѣтливостъ. Они сказали нѣсколько вѣжливыхъ фразъ , и спросили , когда позволишь онъ имъ посѣщать Университетъ.

— Чѣмъ скорѣе , тѣмъ лучше. Завтра , если можно , приходишь въ мою аудиторию. Послѣ лекціи я представлю васъ другимъ Профессорамъ.

Такъ окончился этотъ разговоръ , доспомятый для Ломоносова Онъ былъ совершенно очарованъ Вольфомъ , хотя еще не слышалъ отъ него ничего необыкновеннаго. Но уже одна мысль , что онъ бесѣдовалъ съ такимъ знаменитымъ мужемъ , приводила его въ восторгъ.

— Ну ? что скажешь ты о Вольфѣ ? — спрашивалъ онъ у Виноградова , и сердился что тотъ не раздѣлялъ сильныхъ его впечатлѣній. Виноградовъ хотѣлъ сначала *осмотрѣться* , *подумать* , *посудить*. Обыкновенныя изрѣченія мудрости для домашняго обихода !

На лекціи Вольфа нашли они многочисленное собраніе слушателей. Тутъ были молодые люди изъ всѣхъ странъ Германіи , изъ Нидерландовъ , даже изъ Англіи и Франціи. Съ благоговѣйнымъ

вниманіємъ слушали они своего Профессора ; самые опытные требовали у него иногда поясненій , доказательствъ , и онъ съ удивительнымъ присущіемъ ума удовлетворялъ каждого. Ломоносовъ почелъ себя перенесеннымъ въ Академію Платона, или, еще больше, въ какой-то очарованный міръ. Онъ съ невыразимымъ счастьемъ слушалъ слова Профессора и глядѣлъ на все окружающее его. Это собраніе цвѣтущихъ юношей , пришедшихъ изъ разныхъ странъ учиться мудрости , казалось ему такимъ величественнымъ зрѣлищемъ, которое находилъ онъ выше всего , что когда нибудь видѣлъ и воображалъ.

Вольфъ не забылъ своего слова. Послѣ лекціи, онъ опыскалъ пріѣзжихъ изъ Россіи , повелъ ихъ въ Университетскіе Кабинеты , представилъ многимъ изъ своихъ товарищей-Профессоровъ, и просилъ почитать Ломоносова и Виноградова людьми, особенно ему порученными. Рекомендація такого значительнаго человека открыла имъ входъ всюду. Они спали свободно посѣщаютъ Университетъ , Профессоровъ, и скоро сблизились съ многими изъ своихъ соучениковъ.

Ломоносовъ увидѣлъ необходимость выучиться Нѣмецкому языку. Лашинскій былъ доспапочень для слушанія лекцій и даже для разговоровъ съ Профессорами и соучениками. Но и

эши не всѣ говорили свободно на языкѣ Римлянъ; да, сверхъ того, при одномъ Лапинскомъ, часто надобно было оспавашься нѣмымъ съ пуземцами; а эшо скучно и неудобно.

Съ обыкновенною силою рѣшимости своей, Ломоносовъ началъ учишья Нѣмецкому языку, изъ книгъ и изъ обращенія. Знакомые спуденшы изъясняли ему Грамматику, исправляли произношеніе его, и говорили съ нимъ, часно для того только, чѣобы говоришь. Виноградовъ участвоваль въ эшомъ ученѣ, можешъ бышь не съ такимъ усердіемъ какъ поварищъ его, однакожь съ успѣхомъ. Прошло при, чешыре мѣсяца и Ломоносовъ уже довольно свободно говорилъ по-Нѣмецки. Эшо еще больше придало ему охоты; онъ спаль чаще видашья съ своими соучениками, иногда проводилъ съ ними цѣлые дни, и незамѣшно привыкаль къ Нѣмецкой жизни.

Славная была эша жизнь! мирная, опрятная, безъ запѣйливыхъ спрасшей, и со всѣми прикрасами спокойствія и пишины. Ломоносовъ опдыхаль опъ умспвенныхъ шрудовъ своихъ въ кругу добрыхъ горожанъ, судилъ съ ними о хозяйствѣ, рассказываль имъ чудеса о своемъ опечествѣ, и часно удивляль своими рассказами. Его полюбили спарики и спарушки за веселый характеръ, за оспрый умъ, копорымъ оживляль онъ ихъ разговоры, а всего больше

за желаніе узнать ихъ нравы и примѣнишься къ нимъ. Но если Ломоносова полюбили спешенные люди, то еще больше привязались къ нему люди молодые, у кошорыхъ шакъ-же кипѣла кровь какъ и у новаго шоварища ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Нѣмцѣ надобно различать двухъ человѣкъ: молодаго и спараго. Первый, почти всегда, проводитъ свои годы въ самомъ живомъ весельѣ, поддается пылкимъ спраснямъ, и не знаетъ границъ юношеской дѣяпельности своей. Онъ влюбляется, сумасбродствуетъ отъ любви, и для одного слова добраго шоварища готовъ сгрѣлаться, идти въ огонь и въ воду. Дружба, любовь, наслажденія — вотъ для чего живешь молодой Нѣмецъ. Но проходятъ годы юности, наступаетъ возрастъ мужества, спешенства, и лобъ огненнаго Нѣмца покрывается морщинами, взглядъ, посмунъ его принимающъ какую-то важность, и черезъ десятъ лѣтъ вы не узнаете прежняго человѣка. Онъ безспрасненъ: онъ хладнокровно глядитъ на свѣтъ, на лешащія мимо его событія, и думаетъ только о мирномъ уголкѣ своемъ, не думая болѣе о спрасняхъ. Изъ Донъ-Кихота молодости, онъ дѣлается Санчо-Пансою пожилыхъ лѣтъ. Бываетъ по-же во всѣхъ народахъ; но ни у одного, кромѣ Нѣмцевъ, нѣтъ такого единообразія въ переходахъ жизни, такой рѣзкой переменны въ направленіи ума. Нѣмецъ бѣсится

до двадцати пяти лишь, и благоразумно проводить всю оспальную жизнь. Исключений мало, да и в них всегда есть след общего направления.

Однажды, двое добрых приятелей студентов пригласили Ломоносова к себе на вечер. Он еще никогда не бывал на студенческих пирушках и охотно пришел к ним, вместе с Виноградовым.

Время было под осень, однако же солнце еще хорошо согревало благодатную землю Германии, и даже вечера уподоблялись летним.

«Где Шпрингнадель и Кругеманн?» спросил Ломоносов у хозяйки, пришедши на квартиру своих приятелей.

— В саду — отвечала старушка.

Русские пошли в сад, и увидели там, на небольшом клочке земли, усаженном деревьями, обильном зеленью и усыпанным цветами, множество молодых людей, почти все приятелей своих или знакомых.

«А, Ломоносов, Виноградов!» закричало несколько голосов.

— Добро пожаловать! Вас только и не досаждало — сказали хозяева.

Ломоносов очутился среди самого веселого общества. Человек двадцать сидело вокруг зеленого крашеного стола, уславленного бу-

шылками, спаканами, фрукшами, бушпербро-
шомъ. Всѣ госпи уже скинули кафшаны, не
смопря на приближающійся вечеръ; нѣкоторые
изъ нихъ курили шрубки, другіе наливали ви-
номъ и опорожнивали спаканы; прешьи сидѣли
въ задумчивоспи, сложивъ руки; наконецъ иные
мурлыкали про себя народныя пѣсни. Въ разго-
ворѣ не было ничего общаго, связнаго; всякой
предлагалъ вопросы не думая объ отвѣсахъ,
смѣялся, шушилъ и высказывалъ всѣ задушев-
ныя мысли.

—Ну-ка, Русскіе брашья, чару за брашшво!—
вскричалъ Шпрингнадель и напѣнилъ огромные
спаканы.

Ломоносовъ не зналъ въ Россіи что значило
вино; въ Германіи онъ уже попривыкъ пишь
его за обѣдомъ, и даже полюбилъ эшо; но
скудные доходы его не позволяли ему ни ма-
лѣйшей роскоши. И вдругъ увидѣлъ онъ себя
теперь въ обязанности осушить огромный спа-
канъ, пошому что выпить за брашшво былъ
обязанъ каждый. Чокнулись, выпили.

«Теперь за пріѣзжихъ изъ Россіи!» сказалъ
кто-то изъ собесѣдниковъ. Снова засверкало
вино, зашумѣли добрыя желанія, и спаканы
были осушены.

—Пора вспомнить и Философію — сказалъ
Клугеманнъ. — Мы еще ничего не пожелали ве-
ликому нашему училелю, Хриспіану Вольфу.

«За Хриспіана Вольфа!» закричало нѣсколько голосовъ.

—Самыхъ искреннихъ желаній ему счаспія!— прибавилъ Шпрингнадель. Онъ взялъ лучшаго вина, какое было на столѣ, разлилъ его всѣмъ въ спаканы, и сказалъ:

—Здоровье его надобно пипъ споя, господа!

Всѣ вскочили; курившіе бросили свои шруб-ки; благоговѣйно произнесены были слова:

—Здоровье учишеля нашего, Хриспіана Вольфа!

«Да здравствувешъ!» закричали всѣ, осушивъ спаканы.

Послѣ эшого завязался разговоръ, живѣе и шумнѣе прежняго. Быстро перемѣнялись предметы: Философія шла за веселымъ анекдотомъ, Богословскій вопросъ слѣдовалъ за воспомина-ніемъ о спаринѣ; пѣсня гремѣла въ промежут-кахъ.

Ломоносовъ, хопя пришелъ позже другихъ, уже чувствовалъ, что голова у него начинаетъ кружиться. Когда снова предложенъ былъ поспъ, за жизнь и за смерть въ дружбѣ, онъ замѣпилъ своимъ поварищамъ, что они забываютъ мудрое правило: *ничего съ излишкомъ!*

—In vino veritas!— отвѣчалъ Шпрингнадель.
—Мы будемъ искреннѣе говоришь, вопъ вся бѣда.

«Конечно, если только въ силахъ будемъ говорить что нибудь.

— Какой вздоръ ! вскричалъ хозяинъ. — Развѣ ты ребенокъ ? И зачѣмъ-же пришелъ ты, если не хочешь дѣлать съ нами веселья ?

Надобно было согласиться.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже худо понималъ, что съ нимъ дѣлается. Веселье пылало въ головѣ его ; онъ пѣлъ со своими товарищами Нѣмецкія пѣсни, шумѣлъ и веселился не хуже другихъ ; но все это начинало принимать какой-то дикій видъ. Напрасно Виноградовъ, лучше сохранившій себя, нѣсколько разъ говорилъ ему на ухо, что пора имъ ворошиться домой ; Ломоносовъ не хотѣлъ слушать его, и наконецъ, когда еще разъ услышалъ совѣтъ своего товарища, закричалъ во все горло по-Русски :

«Убирайся ты отъ меня, плакса !» И прибавилъ по-Нѣмецки: «Господа! избавьте меня отъ этого человѣка: онъ хочетъ вырвать меня отъ васъ.

Грозныя слова посыпались на Виноградова со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые даже замахнулись прубками, и огорченный Виноградовъ принужденъ былъ умолкнуть. Выбравъ удобную минуту, онъ рѣшился уйдти одинъ и воспользовался для этого темною ночью, оставивши Ломоносова полуусыпленного. . . .

На другой день, солнце было уже высоко, а Ломоносовъ только что проснулся. Онъ не помнилъ, какъ окончилъ вчерашній день и гдѣ былъ шецерь. Чувствуя жестокую боль въ головѣ, онъ вспалъ, оглядѣлся, и увидѣлъ, что находишься въ кварширѣ пріятелей, у которыхъ пировалъ вчера. Онъ не могъ привести себя на память, какимъ образомъ возвратился въ комнату, какъ дошелъ до канапе, на которомъ проспалъ ночь, и куда дѣвались всѣ окружающіе его. Непріятное, извѣтельное чувство спукнуло въ его душу, когда онъ сообразилъ все это.

«Забылся до такой степени! уподобился безмысленному животному, или, нѣтъ, хуже: безумцу, человеку, самовольно отказавшемуся отъ разсудка!» Въ это время онъ былъ готовъ обвинять себя какъ преступника.

Въ другой комнатѣ закашлялъ кто-то, и вскорѣ показался опшуда Шпрингнадель.

Съ негодованіемъ глядѣлъ на него Ломоносовъ, но потомъ, не замѣчая этого, дошелъ до канапе, бухнулъ на него, и зѣвая сказалъ:

«Заспались, братъ, мы!... Ну, куда ты, Михайло? Опвѣта не было.

Шпрингнадель взглянулъ на Ломоносова, и замѣтивши въ лицѣ его негодованіе, спросилъ:

«Да что ты хмуришься? Голова болитъ? пройдешь!

— Но не пройдетъ досада моя на васъ, раз-
вращниковъ! — вскричалъ Ломоносовъ. — Вы за-
сѣпали меня безумствовашъ и забыли все!

Шпрингнадель успавилъ на него глаза и по-
шомъ расхохотался.

«Да ты еще спишь, Михайло! ты еще и те-
перь не понимаешь себя.

— Нѣтъ, я понимаю, что вчера уподобился
вамъ. Но впередъ не будешь этого: я буду бѣ-
гать отъ васъ, какъ отъ язвы.

«Да что ты это, братецъ! съ чего вздумалъ
бранишь насъ? что сдѣлали мы такого ужаснаго?

— Вы буйствовали, пили, и забыли все.

«Такъ что-же? Для того-то и пьюшь, что-
бы забыть житейскія горести.

— Нѣтъ, онѣ еще сильнѣе грызутъ теперь
мое сердце. Вы успѣли забыть только рассу-
докъ.

«А на что тебѣ этошь воркунъ расудокъ,
когда ты хочешь повеселишься? Вотъ онъ
опять съ тобой: люби да жалуй, наслаждайся
имъ вдоволь.

— Напрошивъ, я теперь не могу думать ни
о чемъ, кромѣ своего прощупка.

«Пройдетъ, братецъ, только займись дѣломъ.

— Но куда я гоюсь съ этою головою болью,
съ лихорадкой во всемъ телѣ?

« Ну , давно-бы сказалъ ! Значитъ : надо выпить еще. Поспой , у меня оспалась еще бутылка славнаго вина.

Ломоносовъ схватилъ свою шляпу и хотѣлъ бѣжать вонъ. Шпрингнадель успѣлъ поймать его за руку и сказалъ :

— Михайло ! я жалѣю , что заспавилъ тебя сердиться. Но, повѣрь, ты самъ увидишь какъ это несправедливо. Ни я , ни ты , ни кто не виноватъ ни въ чемъ. Выпей спаканъ вина и головная боль твоя пройдетъ. Повѣрь-же мнѣ хоть въ этомъ.

— Но я не могу теперь думать о винѣ. Пусти меня, Шпрингнадель.

«Нѣтъ, ты долженъ выпить со мной.

Видъ безобразнаго Шпрингнаделя еще больше отвращалъ Ломоносова отъ мысли о новомъ пьянствѣ. Онъ вырвался отъ него и ушелъ.

Возвращаясь домой, онъ еще вспомнилъ, что вчера обидѣлъ Виноградова , и это расперзало его новымъ мученіемъ. Онъ не нашелъ Виноградова дома : тотъ былъ на лекціи. Ломоносовъ бросился на спуль и въ самомъ грустномъ расположеніи рѣшился дождаться его.

«Такъ вотъ зачѣмъ пріѣхалъ я въ ученую Германію!» подумалъ онъ. «Вотъ какъ идутъ мои часы , опредѣленные на ученіе ! Вотъ какъ я оправдываю довѣренность Академіи ! Нѣтъ , я

недостойнъ благодѣяній моего опечесства, которое вывело меня, рожденного бытъ мужикомъ, въ самый благородный санъ, въ разрядъ людей просвѣщенныхъ. Но сдѣланный одинъ разъ прослупокъ надобно поправить. Помирюсь съ Виноградовымъ, выпрошу у него прощенія, и спрогимъ наблюденіемъ за самимъ собой постараюсь уничтожить минушнюю забывчивость.»

Такъ внутренно упрекалъ себя Ломоносовъ за эпокъ первый шагъ къ нравственному паденію. Онъ былъ крѣпокъ въ правилахъ самой строгой душевной чистоты, и пошому-то ему было тяжело увидѣть первое пятно на своей чистой, свѣтлой душѣ.

«Другъ Виноградовъ! проси меня!» вскричалъ онъ, увидѣвши своего поварища. «Я обидѣлъ тебя! Но еще больше виноватъ я передъ неумолимымъ разсудкомъ, который пошерялъ на вчерашнемъ буйномъ вечерѣ.»

Виноградовъ обнялъ его и съ чувствомъ сказалъ:

«Любезный Михайло! забудемъ эпокъ проклятый вечеръ! Ты самъ видишь, какъ неприлично вѣль ты себя; эшого довольно.»

— Но ты прощаешь меня?

«Отъ всего сердца; но мнѣ и не въ чемъ прощать тебя. Ты правду сказалъ, что больше виноватъ передъ самимъ собой.»

— Да, да! Вотъ и сегодняшняя лекція пропала для меня: это слѣдствіе вчерашняго безумства. Чшò чшпалъ сегодня Вольфъ?

«Онъ нездоровъ и пошому не былъ на ка-
едрѣ.

— Нездоровъ? А гдѣ-же былъ ты?

«Ты знаешь, что мы давно хопѣли перемѣ-
нишь эту кварширу: она далеко опъ Универ-
ситета, да и помѣщеніе въ ней неудобно. Я
рѣшилсѣ употребить упро на осмопръ нѣсколь-
кихъ кварширѣ, и нашелъ одну, кажешся, пре-
удобную.

— Гдѣ?

«Очень близко опъ Университета. Двѣ ком-
нашы, чшпшы, свѣшлыя, сполъ вмѣспѣ съ хо-
зѣевами, и цѣна почти та-же что здѣсь.

— Прекрасно! У кого это?

«Хозяинъ какой-шо портной. Добрѣйшій
видъ его порука за его добрыя качествѣ. Это
также дѣло не маловажное: имѣшь добраго хо-
зѣина.

— Правда, правда. Такъ ты и рѣшилсѣ?

«Нѣшъ. Пойдемъ, осмопримъ эту кварширу
еще съ шобой вмѣспѣ.

— Пожалуй.

Они опправились. Ломоносовъ радовалсѣ, что
поварищъ такъ великодушно забылъ вчерашнюю
обиду, но это было ему едва-ли не шяжеле
самыхъ горькихъ упрековъ. Человѣкъ, упрекаю-

щій за нанесенное ему оскорбленіе, какъ будто уже получаешь возмездіе. Мы почишаемъ себя не въ долгу передъ нимъ; онъ сказалъ все, онъ удовлетворенъ. Не это-ли чувство служишь и основаніемъ варварскаго обычая вознаграждать обиду кровью? Тамъ также вознагражденіе, расправа, и главное не кровь противника, а нравственнее униженіе его. Но если міръ пребудетъ вознагражденія за все, то и великодушіе беретъ свою оплату. Часто оно бываетъ тяжеле самой жестокой мести.

Полуробкій разговоръ друзей прервался вмѣстѣ съ приближеніемъ ихъ къ дому поршняго.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ домикъ прелестный: небольшой, и чрезвычайно опрятный, недавно построенный, свѣтлый, веселый. Вошедши въ него, Ломоносовъ какъ будто вошелъ въ міръ тихой радости. Еще больше упѣшилъ его хозяинъ, человекъ не молодой, но пріятный наружносшью, веселый, разговорчивый. Черезъ нѣсколько минушъ они заключили съ нимъ договоръ, и дали задашокъ, съ шѣмъ чтобы перебраться въ наняшыя комнаты на другой-же день. Половину слѣдующаго дня опняли у нихъ заботы переселенія. Наконецъ, къ вечеру, они устроились въ новой кварширѣ, то есть, расклали по споламъ свои книги, шепради, назначили мѣсто для каждой вещи, и любовались новымъ своимъ помѣщеніемъ.

—Славно заживемъ мы здѣсь, Виноградовъ!—
сказалъ, садясь гордо на канапе, Ломоносовъ.

«Дай Богъ; шолько ужъ вѣрно не опъ спѣнь
можно бышь веселымъ!» опвѣчалъ Виноградовъ.

—А почему не опъ спѣнь? Миѣ спало весело,
когда я вошелъ въ эшопъ домикъ; весело и
шеперь. Эшо значишь, что онъ производишь
на меня пріятное впечатлѣніе. Слѣдовашельно,
шущъ виновашы спѣны, или лучше сказашъ до-
микъ.

«Эшо вѣрно логически, но не вѣрно филосо-
фически. Внѣшніе предметы могушь произвесши
впечатлѣніе пріятное, но временное, преходя-
щее. Въ при дни приглядишься къ лучшимъ
красошамъ природы, и къ самымъ великолѣп-
нымъ комнашамъ; а ты говорилъ объ удоволь-
ствіи продолжисельномъ, гдѣ надобно осша-
вашься съ самимъ собой. Слѣдовашельно шущъ
счастье должно бышь не внѣ насъ, а въ насъ.

—Старая пѣсня, Виноградовъ! Надобно чаще
перемѣняшь внѣшніе предметы: шогда они не
шеряюшь цѣны новости и свѣжесши.

«То ешь, надобно вѣшреничашъ!

—Никакъ. Чшò шакое удовольствіе? Удо-
влешворяемая дѣяшельность человѣка; надобно
давашъ ей пищу, и въ удовольствіяхъ шакъ-же
какъ въ шрудѣ; шогда съ нею можно сдѣлашь
много прекраснаго. Повѣрь миѣ, Виноградовъ,

только шѣ, въ комъ есть эта дѣятельность духа, только шѣ производящъ великія дѣла. Ихъ часто называютъ вѣпрениками, но не справедливо. Вѣпреность относится къ мѣлочамъ, а мѣлочное во всякомъ случаѣ значитъ немного. Впрочемъ, и маленькая вѣпреность не бѣда.

—Но мы говорили объ удовольствіяхъ; а въ нихъ эта дѣятельность, что иное какъ не вѣпреность?

«Но зачѣмъ-же и говоришь о злоупотребленіяхъ? Можно самую добродѣтель сдѣлать орудіемъ зла. Такъ и дѣятельность духа, обратившись къ чемунибудь ничтожному, увлекаетъ въ дурачества, даже въ пороки; но на пути добра производишь она благодѣтельные послѣдствія, и вообще не бываетъ прямо вредною ни въ чемъ.

—Трудно согласишься съ шобой. По крайней мѣрѣ я держусь пословицы: кто гонится за двумя зайцами, шопъ не поймаетъ ни одного.

«Эти несносныя пословицы шочно шипы для всякаго вздора! Къ чему шупъ швернулъ шы пословицу, кошорая не имѣетъ смысла? Можно-ли гнашся за двумя зайцами, когда они бѣгутъ въ разныя стороны? А если они бѣгутъ вмѣстѣ, то какъ-же не гнашся за обоими? ошпановишся и дашь имъ уйдши? Сидя на мѣстѣ не догонишь никого. Вѣрно, швою посло-

вицу выдумалъ какой нибудь сидѣнь, копорый любилъ умничашь не сходя съ мѣста.

Такъ почти всегда оканчивались споры Ломосова съ Виноградовымъ. Они любили другъ друга, но были шакъ различны характеромъ, что часно одинъ не понималъ другаго.

Глава X.

Порпной, хозяинъ дома, въ кошоромъ жили Ломоносовъ и Виноградовъ, былъ не обыкновенный ремесленникъ, какихъ встрѣчаемъ нынѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ большомъ городѣ. Это былъ любящій свое занятіе человекъ, не гений, но масперъ своего дѣла. Совершенною честностію, прилежаніемъ, *аккуратностію* заслужилъ онъ уваженіе и довѣренность согражданъ, и лѣтъ въ шридцасть пруда сославилъ себѣ маленькое соснояніе. Довольство было видно въ его домѣ, порядокъ господствовалъ во всѣхъ его занятіяхъ, и совершенное спокойствіе выражалось на лицѣ его. Онъ любилъ поговорить съ прішелями въ праздничные дни, въ часы отдыха, но въ другое время почиалъ это невозможнымъ. «Какъ-же оставишь свое дѣло?» говорилъ онъ въ шакихъ случаяхъ. И дѣлалось или нѣшъ дѣло, а онъ всегда былъ имъ занятъ, но естъ всегда молчалъ и съ заботливымъ видомъ кроилъ, мѣрялъ, смолрѣлъ

за работниками или вписывалъ въ книгу свои обороты. Нѣкошорымъ исключеніемъ изъ молчаливости его было время обѣда: шунъ онъ позволялъ себѣ сказать нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ, или даже разговаривался, на примѣръ о хозяйствѣ, о погодѣ, о важныхъ происшествіяхъ, какими считавшимся во всѣхъ провинціальныхъ городахъ свадьбы, похороны и родины. Праздничные дни посвящались пріятелямъ, и съ ними разговорамъ о полишкѣ. Тутъ было чего послушать!

Необыкновеннымъ происшествіемъ въ домѣ его было переселеніе жильцовъ. Нѣмецъ и шунъ сохранилъ свой характеръ. Спроя себѣ домикъ, онъ разсчиталъ, что можно выгадать въ немъ двѣ комнаты и отдавать ихъ въ наемъ. Онъ напередъ предписалъ себѣ условія, на кошорыхъ будешь пускашь въ свой домъ жильцовъ, и придумалъ все шакъ, что они не могли ни сколько измѣнить порядка, заведеннаго имъ. Когда молодые наемщики объявили ему, что они желаютъ имѣть споль вмѣстѣ съ нимъ, онъ согласился на эшо, пошому что уже напередъ разсчиталъ, сколько будешь емъ прибыли ошъ споль, и шолько включилъ условіе, что обѣдъ будешь подаваться ровно въ часъ, ни раньше, ни позже. Они согласились на эшо, пошому что именно второй часъ по полудни оставался у нихъ свободнымъ ошъ лекцій.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлалось. На другой день по переселеніи Ломоносова и Виноградова къ поршному, ровно въ часъ явился къ нимъ мальчикъ, съ извѣстіемъ, что кушанье подано. Они пошчасъ пошли къ столу.

Спарикъ поршной вспрѣшилъ ихъ съ ласковымъ, улыбающимся видомъ и сказалъ:

—Рекомендую вамъ молодую хозяйку, дочь мою!

Друзья вѣжливо раскланялись съ дѣвицею, которая краснѣла и присѣдала передъ ними. Ни что не поразило ихъ въ ней: она не была красавица, хошя личико ея опличалось необыкновенною миловидностью. Проспой нарядъ былъ ей къ лицу, но не изумлялъ при первомъ взглядѣ. Въ обращеніи ея, особливо съ чужеземцами, кошорыхъ видѣла она въ первый разъ, не могло бытъ ничего кромѣ принужденности. Спарикъ радѣлъ завести разговоръ, оправдывая дочь въ неловкости, когда она всплеснула супъ разливая его, и чущь не облила имъ Ломоносова; но всей Нѣмецкой ловкости его не доспало для того, чшобы сдѣлать бесѣду занимательною. Съ грустью сказалъ онъ наконецъ:

—Вошъ шо-шо! По неволѣ вспомнишь покойную мою спаруху. Безъ нея все чшо-шо не ладишся! Христина моя хорошая хозяйка, да еще ребенокъ. Извинише, господа!

«А супруга ваша давно скончалась?» спросилъ съ участіемъ Виноградовъ, желая говорить о чемъ нибудь.

— Три года!

Слезы навернулись на глазахъ Хриспины, и крупнымъ жемчугомъ прокапились по розовымъ ея щекамъ. Виноградовъ замѣшилъ неоспорожность своего вопроса и хотѣлъ поправить его другимъ:

«Вы конечно были счастливы?»

— Очень счастливы, шакъ счастливы, чшо я не захошѣлъ-бы жить на свѣшѣ послѣ эшого, если-бы Хриспина еще не привязывала меня къ жизни.

Добрый спарикъ задумался, а дочь его закрыла глаза плашкомъ. Вскорѣ обѣдъ кончился, и Ломоносовъ, копорый во все продолженіе его не сказалъ почти ничего, предославляя эшошъ шрудъ Виноградову, поспѣшилъ въ свою комнашу.

Тамъ онъ началъ ходишь большими шагами, и не слыхалъ, чшо Виноградовъ уже нѣсколь-ко разъ говорилъ ему: «Пора на лекцію!» Наконецъ онъ понялъ эши слова, и сказалъ: «Пойдемъ.»

Можешъ бышь еще въ первый разъ Ломоносовъ не внимашельно слушалъ лекцію своего любимаго Профессора Вольфа, и даже спараясь бышь внимашельнымъ не понималъ почти ничего.

Онъ самъ не могъ дасть себѣ опчепна , какимъ образомъ Хриспина , со своимъ розовымъ личикомъ, и съ полными слезъ глазами , и съ какимъ-то умоляющимъ видомъ , являлась въ мысляхъ его безпрестанно, о чемъ-бы ни началъ онъ думать. Въ немъ было теперь одно, непреодолимое желаніе : видѣть ее, и онъ радовался воображая , что можешь видѣть ее каждый день. Вечеромъ общаго ужина не было, и пошому въ эшотъ день онъ не надѣялся взглянуть на свою милую хозяйку. Эшо спрахъ какъ печалило его. Богъ знаешь чшо опдалъ-бы онъ за шо шолько , чшобы взглянуть на нее. Онъ думалъ , чшо эша дѣвушка обрашила на себя вниманіе его шѣмъ необыкновеннымъ видомъ, въ какомъ представилась ему: краснѣющая, со слезами на глазахъ.

«Я не знаю ея , не слыхалъ ея голоса , слѣдовательно эшо одна жалость къ ней, не больше. И какое-же иное участіе могу я принимать въ ней? Неужели эшо любовь , чувство , которое воспѣвали всѣ поэты , начиная опъ Омира до нашего Тредьяковского? Смѣшно подумать! Да и можно-ли шакъ скоро влюбиться? Я-же ничего не чувствовалъ глядя на нее. Говоряшъ, чшо любовь разливается пламенемъ въ жилахъ, чшо она поражаетъ человека молніей, а я былъ очень спокоенъ; мнѣ шолько было спранно обѣдашь съ незнакомою дѣвушкою и пошомъ спало

жаль ея. Она такая хорошенькая! Впрочемъ не знаю: я почти не видалъ ея.... Нѣтъ, она хороша! Особенно была она хороша когда заплакала!... Эпошъ несносный Виноградовъ! Съ чего вздумалось ему говоришь объ умершей матери при такой чувствительной дочери! Надобно увидѣшь ее веселую, а то она все представляется мнѣ плачущею. Надобно увидѣшь ее, и ужь не говоришь при ней объ умершихъ.»

Таковъ былъ хаосъ различныхъ мыслей въ головѣ Ломоносова. Онъ не зналъ до сихъ поръ любви, не думалъ никогда, что явится она въ свою очередь передъ нимъ, не въ вычурныхъ разсказахъ Овидія, а въ живомъ образѣ милаго существа, и никакъ не догадывался, что не только Овидій, но и баснословный Прошей не могли-бы изобрѣсти, одинъ своимъ воображеніемъ, другой волшебствомъ, шѣхъ разнообразныхъ превращеній, въ какихъ любовь являлась передъ человекомъ и покоряетъ себя его. Жалось къ хорошенькой дѣвушкѣ! Онъ не подозрѣвалъ, что это самое опасное превращеніе любви, а болшунъ Овидій не сказалъ ему о томъ ни слова. Можешь быть, при Окшавіи Августѣ любовь еще не принимала на себя плѣнительнаго вида плачущей дѣвушки: тогда любили женщинъ, блистающихъ роскошью и величіемъ красны; въ наше время, напрошивъ, любящъ ихъ подъ покрываломъ смиренія, можешь быть больше

нежели подъ прозрачною піканью танцующей Вакханки. Въ нашъ вѣкъ, сшоль грозный своими бѣдспвіями, лучше понимаютъ величіе и красоту смиренія. И чего не сдѣлаешъ юноша эшого вѣка, рано чувспвующій силу окружающихъ его бѣдспвій, чего не сдѣлаешъ онъ при видѣ плачущей красоты? Слезы милой женщины скорѣ пойметъ его сердце, нежели сердце закаленаго войною Римлянина, копорый почишалъ женщинъ прелесными игрушками, аксприсами, танцовщицами, не подозрѣвая, что онъ шакже имѣюшъ душу и сердце.

Безпокойно провелъ ночь Ломоносовъ, и на другой день ушромъ, слушая лекцію думалъ шолько о томъ, что онъ скоро увидишъ Хришину.

Онъ увидѣлъ ее, шолько не печальную, а радужную, даже веселую, сколько позволяла ей непреодолимая заспѣнчивостъ не свѣтской дѣвушки. Какъ досадовалъ онъ на себя, сидя опяшъ за споломъ съ нею, что не могъ прямо глядѣшъ на нее и невольно пошуплялъ глаза, когда они вспрѣчались съ глазами Хришины. Одинъ разъ, онъ почувспвовалъ даже огонь въ лицѣ своемъ, когда она спросила его (какова смѣлостъ?): нравятся-ли ему Нѣмецкія кушанья.

— О, мнѣ очень нравятся они!— сказалъ онъ съ замѣшательспвомъ. — Особенно когда при-

гоповлены своими ручками — прибавилъ онъ про себя.

«А у васъ въ Россіи,» сказалъ опецъ, «я слыхалъ, смѣются надъ Нѣмецкимъ столомъ?»

— Можешь бышь шѣ, кто не бывалъ за нимъ никогда. Хорошее любяшъ вездѣ.

Такой благоразумный отвѣтъ очень понравился сшарику. Онъ распроспранился въ похвалахъ каршофельному и овсяному супу, рѣпному соусу и морковному пирожному. Съ ужасомъ слушалъ онъ описаніе Русскаго стола, и не понималъ, какъ можно ѣсть такъ много мяса и рыбы, какъ ѣдяшъ ихъ Рускіе. Ломоносовъ не могъ объяснить ему что значить кулебяка, потому что Нѣмецъ не понималъ соединенія рыбы съ шѣшомъ. Онъ качалъ головою при описаніи другихъ Русскихъ кушаньевъ, и такъ развеселился когда ему изъяснили сославъ крѣпкаго сшавленаго мѣду, что сказалъ наконецъ со смѣхомъ:

«Вы люди ученые! у васъ не распознаешь правды отъ небылицы; можешь бышь, вы и сочиняете эти описанія для меня сшарика.

Обѣдъ кончился и Ломоносовъ съ воспоргомъ замѣпилъ, что Хриспина шолько съ нимъ сказала два слова; онъ не подумалъ на эшотъ разъ о ея засшѣчивости.

Прошло нѣсколько дней, и Ломоносовъ чѣмъ больше глядѣлъ на Хриспину, шѣмъ больше на-

ходилъ въ ней совершенствъ. Самая заботливоспъ ея о хозяйствѣ правилась ему. Видя ее иногда, по утру, перебѣгающую черезъ дворъ въ кладовую или въ садъ, въ упреннемъ чепчикѣ и въ фаршукѣ, онъ любовался ею какъ прелеснымъ ребенкомъ, который созданъ для счастія. Даже посреди самыхъ глубокомысленныхъ занятій науками, онъ часто выпускалъ изъ рукъ перо и циркуль, когда думалъ о Хриспинѣ; а онъ думалъ о ней почти безпреспанно.

«Да! я люблю ее!» сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ, какъ будто рѣшивши важную задачу. «Люблю, и не могу жить безъ нея, не могу бытъ чужимъ ей! Я умру отъ тоски, если такое состояніе души продолжится. До сихъ поръ я не зналъ счастія. Чтѣ занимало меня? Мечты, непрерывный прудъ, и недостижимое стремленіе къ какому-то совершенству въ наукахъ. Это также мечта? Я однакожъ не оставлю ея, этой мечты, потому что она сдѣлалась жизнью для меня; науки вѣчно будутъ моимъ занятіемъ, моею цѣлю, утѣхою; но.... однѣ, могутъ-ли онѣ наполнить мою душу? Нѣтъ, онѣ оставляютъ въ ней какую-то пустоту, которую давно чувствовалъ я и не понималъ причины ея. Теперь, я вижу, чувствую, что для полноты въ жизни необходима любовь. Да, любовь! Только съ нею человекъ можетъ бытъ счастливъ. Если Хриспина любитъ меня,

что я не буду одинокъ въ мірѣ; а теперь я бездомный сирота, для котораго не бьется ни одно сердце. Такое состояніе ужасно! Знаешь, видишь свое одиночество, бывъ увѣреннымъ, что люди холодно глядятъ на насъ, и только изъ корыстныхъ видовъ или по прихоти оказываютъ намъ участіе. . . . О, это ужасно! Я испыталъ и теперь испытываю это состояніе! . . . Дружба? Но я еще не встрѣшилъ друга, и, кажется, не встрѣчу никогда, если и добрый мой Виноградовъ любитъ во мнѣ только хорошее, только то, что нравится ему и что хвалятъ другіе. Нѣтъ! истинный другъ долженъ любить всего меня, любить мои недоспадки, обожать мои слабости, потому что въ миломъ сердцу человѣкѣ все прекрасно, все очаровательно! Вотъ безкорыстная привязанность! И могу-ли надѣяться, могу-ли требовать ея отъ людей? Они конечно не виноваты, если такъ созданы, но и я послѣ этого имѣю право искать привязанности сильнѣйшей! . . . Искать! . . . Какое холодное слово! Развѣ можно *искать* такихъ чувствованій? Они являющіяся намъ какъ свѣтъ небесный, какъ радуга, какъ надежды, какъ ангелъ утѣшитель! . . . Теперь передо мной этотъ ангелъ. Христина! я швой, на вѣки швой, и ты должна быть моею! Но. . . . любитъ-ли она меня? О, вѣрно любитъ: я чувствую это, я убѣжденъ въ

эпомъ, хошъ не слыхалъ опъ нея почти ничего, не шолько слова о любви. Но милые глаза ея говоряшъ шакъ краснорѣчиво. . . . они не обманываютъ меня. А если она любитъ меня, то будетъ моею; для сильной воли нѣтъ препятствій, особенно когда ее одушевляетъ любовь.»

Ломоносовъ началъ искашъ случаевъ чаще бышъ съ Хриспиной и говоришъ съ нею. И то и другое было довольно шрудно. Заспѣнчивость Хриспины дѣлала и его робкимъ. Онъ не просилъ-бы себя, если-бы привелъ ее въ малѣйшее замѣшательство, а уже самое присутствіе его заспавляло ее краснѣшъ. Но любовь изобрѣшательна. Онъ сказалъ однажды опцу, что желалъ-бы почаще говоришъ съ нимъ, для того чтобы скорѣе привыкнушъ къ Нѣмецкому языку. Спарикъ обрадовался, что въ свою очередь можешъ научишъ чему нибудь ученаго чужестранца, и просилъ его приходишъ во всѣ свободные часы.

« Не я, шакъ Хриспина будетъ говоришъ съ вами и поправляшъ ваши ошибки прошивъ Нѣмецкаго языка. Да, сударь, нашъ языкъ очень шрудень, и ему надобно учишся долго. »

Спарикъ не подозрѣвалъ никакой опасности сближашъ свою дочь съ молодымъ человекомъ, скромнымъ, любезнымъ и — ученымъ. Онъ-же по-

любилъ Ломоносова за его веселый характеръ и всегда вспрѣчалъ съ удовольствіемъ.

Мало по малу и Хриспина привыкла видѣть Ломоносова, и наконецъ уже безъ боязни разговаривала съ нимъ. Предметовъ для разговора было много: она рассказывала ему о своемъ городѣ, о своемъ семействѣ и занятіяхъ своихъ; онъ описывалъ ей свое далекое опечесво, чудеса его природы и оригинальные нравы жишелей; говорилъ о преспольной Москвѣ и волшебномъ Пешербургѣ. Однажды, въ минушю опкровенности, онъ рассказалъ ей свою спранную жизнь, и попомъ началъ говорить о своихъ надеждахъ, своихъ мечсахъ, о возвращеніи въ опечесво.

—А развѣ вы думаете уже скоро воропишь-ся въ опечесво? — спросила Хриспина.

« Не знаю и самъ: эшо зависишь опъ моихъ начальниковъ. Но, раньше или позже, все надобно будешъ возвращишься домой и оспавишь вашу прекрасную спорону.

— Спало бышь вамъ нравишся у насъ?

« Нравишся? Мало выражаетъ эшо слово: я счаспливъ здѣсь, или, лучше сказашь, шолько здѣсь и спалъ я счаспливъ.

Хриспина пошупила глаза и сказала въ полголоса:

— Пріяшно видѣшь людей счаспливыхъ....

« На кошорыхъ вы не хошите и глядѣшь.

— Ахъ, нѣшъ, Г. Ломоносовъ! — сказала она подымая свои глаза и краснѣя — право, я. . . . шолько немного задумалась.

« О чемъ задумывашься вамъ, Хриспина! Иное дѣло я, сироша въ мірѣ, для кошораго нѣшъ родныхъ, нѣшъ близкихъ сердцу. А вы шакъ любимы своимъ родишелемъ; вы живете мирно, счасшливо.

— Да, благодарю Бога! Но чшо-же мѣшаешъ вамъ оспашься здѣсь. . . . шо ешъ у насъ, въ Германіи, если вамъ пріятно жить съ нами ?

« Милое дитя! » сказалъ Ломоносовъ съ восшоргомъ. « Съ вами оспался-бы я навѣчно, оспавиль-бы родину и разорвалъ всѣ связи съ нею, если-бы шолько вы пожелали эшого.

— Ахъ, Боже сохрани! — вскричала Хриспина, будшо не понимая его. — Я никогда не пожелаю эшого.

« Никогда! Зачѣмъ-же мнѣ оспавашься здѣсь, когда вы не хошите эшого ?

— Да чшо-же значишъ для васъ бѣдное мое желаніе ?

« Все, Хриспина! Скажу больше: если вы не скажете, чшо вамъ пріятно, чшобы я оспавался здѣсь, я посшараюсь уѣхашъ какъ можно скорѣе ошсюда, и навсегда !

— Ахъ, нѣшъ, зачѣмъ-же эшо! — невольно проговорила Хриспина. Лицо ея вспыхнуло и

она прибавила съ замѣшательствомъ: — Впрочемъ, я не имѣю ни какого права удерживать васъ; вы лучше знаете что должно вамъ дѣлать.

« Скажише одно слово: не уѣзжай, Михайло! Хриспина закрыла руками лицо и убѣжала въ другую комнату.

Этотъ разговоръ рѣшилъ судьбу Ломоносова. Какъ ни былъ онъ неопытенъ въ искусствѣ понимать гіероглифическій языкъ женщины, однакожь ясно увидѣлъ, что Хриспина чувствовала вполнѣ каждый намекъ, каждое слово, которые внушало ему сердце; что она раздѣляетъ любовь его, и только не смѣетъ или не умѣетъ сказать этого. Въ разговорѣ любящей женщины слова служатъ не выраженіемъ, а только покровомъ тайной мысли. Счастливъ, кто видитъ сквозь этотъ покровъ тайну души и сердца, тайну, кою не открываетъ женщина никому, ни даже самой себѣ.

Съ обыкновенною своею пылкостью, Ломоносовъ объявилъ Виноградову, что онъ любитъ, что онъ любимъ, что онъ хочетъ и долженъ быть счастливъ.

Виноградовъ выслушалъ всѣ его воспорженные восклицанія, и хладнокровно сказалъ:

— Неужели ты хочешь жениться на дочери поршного?

« Женишься? . . . Это никогда еще не приходило мнѣ въ голову! . . . » отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Мнѣ кажется то-же, что это было-бы, просто сказать, глупо.

« Какъ? » вскричалъ Ломоносовъ. « Глупо найти свое величайшее счастье? Но ты вѣрно хотѣлъ не то сказать, или я не понимаю тебя, Виноградовъ! Я пошому никогда не думалъ о женитьбѣ, что это кажется мнѣ счастье недосягаемое, невозможное! Я схожу съ ума отъ одной мысли, что Хриспина можешь быть моей женой.

— Есть отъ чего сходишь съ ума. Проспѣнная дѣвочка, дочь поршняго, Нѣмка! Удивительное счастье!

« Послушай, Виноградовъ! » сказалъ съ гнѣвомъ Ломоносовъ. « Если ты не шутишь, то я прошу тебя удержаться отъ такихъ выражений. Твоя вялая душа не понимаетъ Хриспины; ты не видишь ангельской прелести ея, и рассуждаешь только о томъ, что она дочь поршняго. После этого мнѣ остается жалѣть, что я хотѣлъ разделить съ тобой свою радость.

— Добрый мой Михайло! Я не думалъ огорчить тебя. Я говорилъ такъ, какъ думалъ; извини, если огорчилъ тебя, но позволь-же мнѣ сказать тебѣ, какъ другу, что ты поступаешь очень необдуманно.

« Поди ты отъ меня со своею обдуманностью! » вскричалъ Ломоносовъ. « Тупъ нечего думаешь, когда я не могу выбирать: мнѣ нужно или утопиться, или быть счастливымъ съ Христиной. Я не могу жить безъ нея. »

— Это конечно возраженіе сильное, однакожь, вспомни свое назначеніе. Ты пожертвовалъ всѣмъ, чтобы вырваться изъ тѣсныхъ стѣнъ деревенской жизни и дѣйствовать на обширномъ поприщѣ ума и знаній. Теперь, когда тебѣ остается одинъ шагъ до цѣли, ты хочешь броситься въ объятія самой проспой жизни и сдѣлаться мѣщаниномъ Нѣмецкаго города, потому что, женись на Христинѣ, ты уже не можешь продолжать своего поприща.

« Почему-же не могу? »

— Потому что Академія, узнавши о перемѣнѣ твоей жизни, вѣрно откажетъ тебѣ въ своемъ покровительствѣ, и ты будешь принужденъ работать для насущнаго хлѣба.

« Ну, что-жъ такое? буду работать и жить счастливо. »

— Отъ души желаю этого, только не думаю, чтобы сбылись твои слова. Ты не рожденъ для этой жизни?

« Для счастья? »

— Это слово имѣетъ обширный смыслъ. Ты можешь быть счастливъ только необыкновенно.

ною умсшвенною дѣяшельностью ; мѣщанская жизнь скоро надоѣсшъ шебѣ.

« Да чшѡ ты упошребляешъ шакъ часшо эшо слово : мѣщанская жизнь ? Я и рожденъ не для власши ! Я былъ мужикъ , и мѣщанское счастье мнѣ ксшаши .

— Я ни сколько не думаю унижаешъ званія мѣщанина . Ты знаешъ , чшо и самъ я не Графъ , не Князь . Я говорю объ эшой жизни , гдѣ жена бываешъ кухаркой , гдѣ дѣяшельность ограничивается работою для насущнаго хлѣба , а счастье няньченъемъ дѣшей . Тебѣ-ли быть счастливымъ эшою жизнью ?

« Ты обманываешся , Виноградовъ . Во-первыхъ , жена моя будетъ хозяйкою въ домѣ , а не кухаркой . Дѣяшельности моей не помѣшаешъ счастливая семейная жизнь . Неужели бывши ученымъ человекомъ , Профессоромъ , Академикомъ , я не могу быть женомъ ? А дѣши только умножаешъ мое счастье .

— Все эшо прекрасно въ теоріи , но шаково-ли будетъ на дѣлѣ ? Теперь ты можешъ посвящашъ свое время учености , а шогда будетъ-ли у шебя досугъ для эшого ? Сначала надобно обезпечить себя , мой другъ , пріобрѣсши независимость , не думаешъ о пропитаніи , и потомъ уже выбираешъ жену .

« Пропитаніе ! . . . Такъ вошъ чѣмъ ограничивается *твоя* высокая теорія жизни ! Виногра-

довъ! Я вижу, что мы не можемъ понимать другъ друга. Ради Бога, не совѣшуй мнѣ ничего.

— Ну, такъ женись на своей Хриспинѣ и не жалуйся послѣ, когда тебѣ нечего будетъ ѣсть! — сказалъ съ досадою Виноградовъ.

« Ты можешь говорить что угодно: я не перемѣню для тебя своей рѣшимости. Хриспина любитъ меня! Для нея готовъ пожертвовать я всѣмъ.

— Но, скажи пожалуйста, что нашелъ ты въ ней привлекательнаго? Ни красоты, ни ума, ни воспитанія. . . .

« Виноградовъ! замолчи, ради Бога замолчи, если не хочешь поссориться со мной навсегда.

— Кажется, безъ этого и не обойдешься, если ты не оставишь своего глупаго намѣренія.

Друзья замолчали. Виноградовъ вскорѣ ушелъ изъ дома, а Ломоносовъ остался мечтать на свободѣ. Ему досадны были слова товарища, но онъ утѣшалъ себя мыслью, что Виноградовъ не понимаетъ его счастья.

Онъ началъ однакожь размышлять о словахъ его, и сколько ни думалъ, вездѣ находилъ блаженство. Разговоръ съ Виноградовымъ не утишилъ, а еще больше воспламенилъ любовь его: онъ только напомнилъ ему, что Хриспина можетъ сдѣлаться его женою. До сихъ поръ, эпа

мысль не ясно представлялась ему; но теперь, когда Виноградовъ не находилъ въ этомъ ни какой невозможности, и думалъ только что у Ломоносова не будетъ средствъ *кормить* будущее свое семейство, онъ рѣшился непременно женишься на Христинѣ. Помышленіе объ этомъ приводило его въ восторгъ. Онъ придумывалъ разные средства, какъ исполнить свое намѣреніе, и вскорѣ мечты его приняли образы истинно поэтическіе. Онъ не могъ больше удерживать своего душевнаго порыва, схватилъ бумагу, перо, и хотѣлъ выразить душу свою гармоническими звуками. Но упрямый Русскій языкъ, тогда еще непослушный волѣ поэтовъ, никакъ не повиновался восторгу Ломоносова. Цѣлый вечеръ писалъ онъ, и раздиралъ написанное: это выходили какія-то длинныя, несвязныя спровки, а не стихи.

«Неужели нашъ языкъ не способенъ выражать мысли и чувства такъ-же стройно, какъ выражающіяся они на языкѣ Латинскомъ?» сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ. «Надобно подумать объ этомъ, поговорить съ людьми свѣдущими. . . . Да, кспаша, завтра увижу я на лекціи товарища Шпренглицера. Онъ спрашный охотникъ до Поэзіи, самъ пишетъ стихи, и любитъ говорить о нихъ. Я еще худо знаю теорію Нѣмецкаго стихосложенія: не лзя-ли оп-

крышь въ ней законовъ и для нашего стихо-
творства?»

На другой день, когда кончилась лекція, онъ подошелъ къ Шпренглиберу.

— Пойдемъ ко мнѣ на квартиру, Шпренглиберъ. Ты еще не былъ у меня.

«А далеко-ли отсюда живешь ты?»

— Два шага. Да все равно; мнѣ надобно поговорить съ тобой о любимомъ моемъ предметѣ: о стихахъ.

«Тѣмъ лучше! Пойдемъ.

Разговоръ пошчасъ завязался о старыхъ и новыхъ Нѣмецкихъ стихотворцахъ. Шпренглиберъ, послѣдовапелъ и приверженецъ Гопшеда, не любилъ старыхъ поэтовъ Нѣмецкихъ, холодно отзывался объ Опицѣ, и съ восторгомъ произносилъ имена Галлера и Гиншера.

«Гиншеръ! Вотъ былъ поэтъ! Какъ жаль, что этотъ человекъ рано умеръ. Знаешь-ли ты его сочиненія?»

— Нѣтъ.

«О, такъ надобно тебѣ познакомиться съ ними. Это былъ поэтъ, и въ жизни и въ стихахъ. Слыхалъ-ли ты о его бурной, поэтической жизни?»

— Нѣтъ.

«Я расскажу тебѣ ее. Гиншеръ родился лѣтъ за пять до нашего столѣтія, то есть въ 1695 году. Онъ былъ сынъ какого-то лекаря, кошо-

рый хотѣлъ обучить его своему искусству, и отдалъ въ школу; но Гинперъ писалъ тамъ не анапомическія и терапевтическія разсужденія, а стихи. Надобно сказать, что и въ школѣ писаны имъ стихи превосходные. Онъ сочинялъ ихъ съ удивительною легкостью, и особенно отличился своими духовными пѣснопѣніями. Но при этомъ былъ онъ порядочный шалунъ, и только строгость отца удерживала его отъ разгульной жизни. Двадцати лѣтъ пришелъ онъ въ Вишпенбергскій Университетъ, и съ этого времени явился шѣмъ, чѣмъ былъ во всю остальную жизнь: пламеннымъ юношею, до безразсудства веселымъ шалуномъ, и вмѣстѣ склоннымъ къ самой тяжелой задумчивости человѣкомъ. Отецъ называлъ его *сангвинео-меланхоликомъ*, а онъ былъ добрый, опккровенный малый, чистая, прекрасная душа. Вѣчно несогласный съ самимъ съ собою, онъ всегда предполагалъ дѣлать лучше нежели дѣлалъ, и это не отъ безсилія, а отъ непостоянства характера. Вмѣсто того, чтобы заниматься какъ должно Медициной, онъ бросился въ удовольствія, забылъ всѣ науки, влюблялся, пилъ, дѣлалъ долги, и наконецъ совершенно предался буйной жизни. Съ добрымъ сердцемъ, онъ безпрестанно впускался въ непріятныя испоріи, гдѣ все падало на него. Напримѣръ, онъ часто признавалъ за собой шакіе долги, которыхъ на немъ не бывало,

и это единственно для того, чтобы прекратить неудовольствие. Не одна ловкая интриганка обобрала его, и послѣ съ нимъ-же заводила шажбу. Наконецъ онъ увидѣлъ свои дурачества и ушелъ изъ Випшенберга въ Лейпцигъ. Но уже такъ глубоко погрязъ онъ въ развратную жизнь, что извлечь его изъ нея не могли ни самые вѣрные друзья, ни самые усердные покровители. Тутъ случилось съ нимъ полузабавное и полу-печальное происшествіе.

«Въ Дрезденѣ понадобился придворный поэтъ. Гинперъ былъ первый изъ современныхъ поэтовъ, и друзья тотчасъ поспешали дославить ему это мѣсто. Его приняли ко Двору, хотя подъ именемъ *шута* (Pritschmeister), однакожъ на *штатное мѣсто* придворнаго поэта. Надобно было представиться Королю, Фридриху Августу. Гинперъ хотѣлъ придашь себѣ смѣлости, и выпилъ такую порцію, что когда вышелъ Король, онъ не могъ ничего говорить и едва держался на ногахъ. Король улыбнулся и велѣлъ прогнать его. Бѣдный Гинперъ! Тутъ-то началась бѣдственная жизнь его. Онъ бродилъ то по Саксоніи, то по Силезіи, не находя нигдѣ мѣста. Отецъ не пускалъ его къ себѣ, какъ развратнаго сына. Часто у Гинпера не было куска хлѣба, и въ шакихъ-то общошательствахъ писалъ онъ свои пѣснопѣнія. Повѣришь-ли ты, что стихи, кото-

рые сочинялъ онъ на разные случаи, часшо за нѣсколько грошей, служили единственнѣмъ средствомъ его пропитанія! Правда, многіе желали помогать ему и были готовы обезпечить жизнь такого необыкновеннаго человѣка, но онъ былъ уже неисправимъ и погибъ совершенно. Еще разъ хотѣлъ онъ приняться за Медицину, думая черезъ то имѣть благопріятное содержаніе; но прискорбія, нужда и дурная жизнь невозвратно разспроили его здоровье. Гинперъ пришелъ наконецъ въ Іену, и тамъ умеръ, въ самыхъ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ. Это случилось въ 1723 году. Ему было тогда двадцать восемь лѣтъ.

«Смертная участь поэта! Вскорѣ послѣ смерти Гинпера были изданы его стихотворенія, и слава загрѣмѣла о немъ по всей Германіи. — Неужели это писалъ поэтъ Гинперъ, который шатался, пьяный, изъ города въ городъ? — спрашивали читая торжественныя оды его, духовныя пѣсни и умныя сапиры. — Жаль, жаль этого человѣка! Умень былъ. — Но теперь поздно жалѣть о немъ. Возьми лучше стихотворенія его, и читай ихъ, Ломоносовъ! Ты увидишь въ немъ совершенную противоположность съ прежними нашими стихотворцами. Какая-то чопорность господствуетъ въ сочиненіяхъ Опица; какая-то мѣлкость, пошлость видна въ Гофмансвальдау и даже въ Логен-

шпейнѣ; но, главное, всѣ они слишкомъ нарядны, или, лучше сказать, парадны. Въ Гиншерѣ нѣтъ ничего поддѣльнаго: это именно украшенная природа, которой пребываютъ великіе наставники. Гиншеръ сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихотворствѣ, если-бы несчастная судьба не свѣсняла и наконецъ не погубила его.

— А въ какомъ родѣ сочиненій превосходствовалъ онъ? — спросилъ Ломоносовъ.

«Во всѣхъ. Я пришлю тебѣ сочиненія его. Замѣть торжественныя оды его: это верхъ искусства. Таковы-же похвальные и духовныя его стихотворенія, шаковы и сапиры, исполненные остроумія и тонкихъ намѣковъ.

— Любопытно, любопытно. А какими стихами писалъ онъ?

«Александрійскими. Они утвердились у насъ со времени Опица, и кажутся останушся навсегда.

Мысль: не лзя-ли примѣнить этого размѣра и къ Русскимъ стихамъ, блеснула въ головѣ Ломоносова. Онъ просилъ Шпренглибера поскорѣе прислать ему стихотворенія Гиншера, и съ жаромъ принялся читать ихъ, когда получилъ. Шпренглиберъ прислалъ ему также вышедшія не задолго стихотворенія Галлера и Гагедорна, которые только что начинали свое поэтическое поприще. Но они не сдѣлали на

него такого впечатлѣнія какъ Гинперъ, кошораго чиналъ и перечисывалъ Ломоносовъ. Онъ потчасъ принялся за теорію Русскаго стиха, и попыпки его выходили удачны. Слова мужесвеннаго языка нашего легко укладывались въ Александрійскіе стихи. Поэтъ былъ въ восторгѣ отъ эшого, и началъ писать множество посланій и похвальныхъ стиховъ своей милой Хриспинѣ. Одними изъ нихъ онъ былъ такъ доволенъ, что рѣшился сказать ей объ эшомъ.

Случилось, что отца ея не было дома къ обѣду; Виноградовъ часто оплучался въ последнее время, и Ломоносову пришлось въ первый разъ обѣдать съ Хриспиной одному. Слугъ не было, и молодая хозяйка сама ходила за кушаньемъ, по-же своего приготавленія. Никогда еще Ломоносовъ не видалъ ея сполько веселою и привѣпливою къ нему. Онъ не замѣпилъ, какъ окончился обѣдъ, въ разговорахъ живыхъ, радостныхъ. После обѣда, когда Хриспина собрала со сполы и принялась за какое-то рукодѣлье, Ломоносовъ еще не оставлялъ ея компаны.

— Хриспина! — сказалъ онъ ей наконецъ. — Знаете-ли, что я написалъ для васъ стихи?

« Стихи? для меня? » спросила она съ изумленіемъ, въ копоромъ видно было удовольствіе. « Какіе-же эшо стихи? »

— Я говорю въ нихъ то, что чувствую....

« Михайло ! » прервала она его. « Я конечно могу знать все, что вы чувствуете: такъ уверена я въ добромъ вашемъ сердцѣ. —

— О, конечно, конечно, Хриспина! Ты угадала. . . . Проспи меня, что я говорю тебѣ дружеское *ты*: я не могу называть тебя *многочленнымъ вы*.

Хриспина уже такъ привыкла къ спрашнымъ выраженіямъ Ломоносова, что ей не показалось страннымъ и это признаніе его. Напрошивъ, она радостно приняла его, и вмѣсто отвѣта промолвила:

— Прочитай-же стихи, написанные для меня.

Воспорженный Ломоносовъ выхватилъ изъ кармана бумагу и началъ читать; но вскорѣ ему самому стало смѣшно, что онъ читалъ *Русскіе* стихи Нѣмкѣ, не понимавшей ни одного Русскаго слова.

И онъ, и Хриспина засмѣялись.

— А какъ мнѣ жаль, что я не понимаю твоихъ стиховъ! — сказала наконецъ она съ чувствомъ. — Выучи меня Русскому языку, Михайло!

Ломоносовъ онемѣлъ отъ восхищенія, когда услышалъ это желаніе, высказанное съ дѣтскимъ просподушіемъ.

« Ты будешь учишься Русскому языку , Христина ? »

— Да , для того , чтобы понимать твои стихи .

Ломоносовъ спалъ на колѣни и торжественно произнесъ :

« Даю слово , что ты выучишься Русскому языку ! Никакія препятствія не отвлекутъ меня отъ этого . Но , Христина , достигнешь-ли твоей рѣшимости ? »

« Учишься ? у тебя ? О , вѣрно ты не сделаешь для меня того , что я готова для тебя сделать ! Иначе ты не спалъ-бы спрашивать меня объ этомъ . »

— Я готова отдатьъ тебѣ жизнь мою ! Она твоя , твоя съ этихъ поръ !

« А моя давно принадлежитъ тебѣ , Михайло ! Христина сказала это , и сама встревожилась . Въ смущеніи прибавила она :

— Я думаю , скоро придетъ папенька : онъ не любитъ долго оставаться на обѣдахъ . Пора намъ разлучиться . »

« О , я не хочу оставитьъ тебя ! »

— Должно , Михайло .

Христина ! для чего не могу я всегда быть съ тобой , видѣть тебя , слышать , восхищаться тобой !

Она не хотѣла слушать его долѣе , и поспѣшила уйти .

Черезъ нѣсколько дней, влюбленные условились, чшобы каждое послѣ-обѣда, когда снарикъ поршной опдыхалъ въ дальней каморкѣ, Ломоносовъ приходилъ учить Христину Русскому языку. Ученъе эшо состояло въ томъ, что онъ приносилъ ей нѣсколько Русскихъ словъ, написанныхъ Нѣмецкими буквами, вмѣстѣ съ переводомъ, и на слѣдующій день училъ ее составлять изъ нихъ фразы. Онъ дивился успѣхамъ своей ученицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ немного дней она выучила множество словъ и цѣлыхъ рѣченій. Великое слово: люблю, разумѣется, играло шущъ важную роль.

Безопечное, пылкое чувство наконецъ стало приниматься для Ломоносова одинъ образъ, опредѣленный и обольстительный. Онъ воображалъ Христину своею неразлучною подругою, и часто, одинъ, думалъ, какъ счастливъ былъ-бы онъ, если-бы соединилъ съ нею судьбу свою. «Христина такъ прекрасна, такъ любитъ меня! Она усладила-бы жизнь мою; я не былъ-бы одинокъ съ нею. Тогда и горести, которыя неизбежны для человѣка, не казались-бы мнѣ страшными. Я ушѣшался-бы глядя на нее. Да, одинъ взглядъ ея уже дѣлаешь меня счастливымъ. Чшожь если-бы она была со мною всегда, неразлучно, принадлежала мнѣ?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя. «Отецъ ея конечно согласился видѣть счастливою свою дочь. А другихъ пре-

пашсвій нѣшъ; надобно только согласіе ошца. Виноградовъ сказалъ-бы: чѣмъ жить?... Правда, у меня нѣшъ никакого имѣнія, за то ешть шрудолубіе. Буду работашъ, и прилежаніемъ заслужу себѣ мѣсто. До возвращенія въ ошество еще далеко; но здѣсь мы будемъ жить у ошца. Неужели онъ не дастъ мнѣ угла?... Но что думать объ этомъ! Это прозаическіе вздоры. Я буду счастливъ: вотъ главное! О, какъ буду я счастливъ! Въ самомъ дѣлѣ, я не могу представить себѣ, какое чудное, непоспимое счастье, всегда бытъ съ Хриспиной, знаешь, что она принадлежишь мнѣ и можешь ошкрыто говоришь: я швоя!»

Онъ прыгалъ по комнатамъ и радовался какъ дитя, воображая Хриспину своей женою.

«Для чего давно не рѣшился я просить руки ея?» думалъ онъ. Сколько счастливыхъ дней, которые прожили-бы мы съ нею, теперь погибло невосвратно! Глупецъ! Я не зналъ своего счастья. Я искалъ его въ мечтахъ, въ ошвлеченныхъ умшвенныхъ занятіяхъ, не понимая, что оно было такъ близко подлѣ меня. Да! что можешь сравниться съ блаженствомъ шихой семейшвенной жизни?... Завпра-же скажу ошцу о своемъ намѣреніи: я не хочу долѣе чуждаться своего счастья.

Глава XI.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день Ломоносовъ сказалъ порпному, что онъ любитъ дочь его и предлагаетъ ей свою руку.

Старикъ изумился до такой степени, что сначала не понялъ его, а когда понялъ, то сказалъ съ огорченіемъ:

«Г. Рускій! кажешся, я не далъ вамъ повода смѣяться надо мной и надъ моею дочерью.

—Смѣяться? Но я не вижу ничего насмѣшливаго въ томъ предложеніи, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни.

«Да какое счастье жизни въ такой несообразности! Я бѣдный порпной и коренной Нѣмецъ, а вы иностранецъ, путешественникъ, ученый человекъ! . . . Это, сударь, насмѣшка, просто насмѣшка.

—Сдѣлайте милость, примите это въ прямомъ смыслѣ. Я прошу у васъ руки вашей дочери, и клянусь, что согласіе ваше сдѣлаетъ меня счастливымъ.

« Да могу-ли я принимаю серьёзно такое предложеніе, которое невозможно для васъ? »

— Какъ невозможно? »

« Дочь моя не будетъ вашею женою. »

Ломоносовъ поблѣднѣлъ отъ внутренняго движенія, и сказалъ въ полголоса.

— Она будетъ моею. . . . женою. »

« Какъ? вы рѣшаетесь, сударь, говорить это такъ смѣло, въ присутствіи отца? Что это значить? »

— То, что препятствій никакихъ нѣтъ, и вы должны благословить насъ. »

« А я вамъ скажу тысячу препятствій: во-первыхъ, дочь моя Люперанка, а вы другого закона. »

— Я Христіанинъ. Разность въ догматахъ нашихъ религій не мѣшаетъ браку. »

« Во-вторыхъ: я не знаю кто вы. »

— Вы знаете, что я честный человекъ; нѣсколько мѣсяцевъ живя у васъ въ домѣ, кажущаяся, могли вамъ доказать это. »

— Я и увѣренъ, что вы честный человекъ; но я, напримѣръ, поршней: ножницы да игла доставляютъ мнѣ хлѣбъ; а вы чѣмъ живете и чѣмъ можете содержать свою жену? . . . Я не знаю. »

« Милость Императрицы Россійской доставляетъ мнѣ существованіе; а когда я окажусь достойнымъ этой милости, то мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по ученой части. »

— Но вы чужеземецъ , вы должны ѣхать въ свое отечество; вы разлучите меня съ дочерью, если женишесь на ней; вы увезете ее въ свою Россію, а я никакъ не соглашусь на это.

« Но если дочь ваша будетъ счастлива со мной ? »

— Это знаетъ только Богъ. Наконецъ, я не согласенъ на это ; да вѣрно и дочь моя не согласится.

« Спросите у нея.

— Боже мой! неужели вы говорили съ ней объ этомъ? — вскричалъ спарикъ всплеснувъ руками.

« Я знаю , что она согласится быть моею женой.

— О позоръ! дочь моя изъяснялась съ вами въ любви? О срамъ! . . . никогда, никогда , сударь, не соглашусь! . . .

Спарикъ началъ ходить большими шагами по комнатѣ, качая головой, вздыхая, охая.

— Позвольте сказать мнѣ одно: вы могли-бы слышать каждое слово , которое говорилъ я вашей дочери, и вѣрно не нашли-бы ни въ одномъ ничего предосудительнаго. Увѣряю васъ въ этомъ какъ честный человекъ. Впрочемъ , не хочу долѣе смущать васъ, и прошу подумать о моемъ предложеніи.

Спарикъ не слушалъ его. Ломоносовъ вышелъ.

Въ комнаѣ своей увидѣлъ онъ Виноградова и пошчасъ сказалъ ему, что хочешь женишься.

— Женишься? шы?—воскликнулъ Виноградовъ.

«Да. Чшо-же находишь шы удивительнаго въ этомъ?»

— Шупки въ спорону: женись на Хриспинѣ; она славная дѣвушка!

«Я на ней и хочу женишься,» пвердымъ голосомъ сказалъ Ломоносовъ.

— Какъ можешь шы говоришь объ этомъ не смѣясь? Чудный человекъ!

«Потому что я не шучу, и говорю тебѣ какъ духовнику своему. Я женюсь на Хриспинѣ.

— Полно, Михайло! Повѣрю-ли я такой нѣпоси.

«Несносные люди! Когда сказалъ ошцу, шопъ вообразилъ, что я смѣюсь надъ нимъ! Говорю этому, онъ думаетъ, что я шучу! Корешко и ясно: я женюсь! Тупъ нѣтъ никакой шупки.

— Но можешь-ли шы женишься на Хриспинѣ? Я уже говорилъ однажды, что это будетъ для тебя источникомъ непріятностей.

«А я думаю, что это будетъ началомъ моего счастья. Я люблю Хриспину, она любитъ меня. Чего-же еще недоспаетъ намъ для счастья?

— Бездѣлицы: ни у тебя, ни у нея ничего нѣтъ! А вы конечно воздухомъ пишались не будете.

«Жалкій прозаикъ! ты думаешь только о желудкѣ, а не о сердцѣ.

— Нѣтъ, я думаю еще о томъ, что эта женихъба совершенно разспрошитъ тебя. Жена-тый чело-вѣкъ плохой студентъ; а ты еще не окончилъ курса. Академія не позволила-бы тебѣ жениться. Если-же ты сдѣлаешь это безъ ея позволенія, то она лишишь тебя своего покровительсва.

«Я готовъ и на это, хоть не совсѣмъ вѣрю словамъ своимъ.

— Что-же выйдешь изъ этого? Ты будешь принужденъ оставишь ученое поприще, и дѣло кончится тѣмъ, что понадобишься работать для хлѣба, который всегда приводитъ тебя въ гнѣвъ, какъ начнешь говоришь о немъ.

«Виноградовъ! ты хочешь остаться моимъ другомъ?

— На томъ условіи, что ты не сдѣлаешь дурачествъ, о которыхъ говорилъ шеперь.

«О, дружба на условіяхъ не годится мнѣ! За что люблю я Хрисину? За то, что она любитъ меня безопчешно, и даже шеперь не знаетъ о моемъ намѣреніи, если о томъ не сказалъ ей отецъ.

— А ты уже сдѣлалъ предложеніе опцу?

«Да!

— Такъ это уже не просто намѣреніе, а событіе?

«Конечно. Вольно тебѣ не вѣришь.

—Если такъ, то я не хочу напрасно терять словъ. Женись, Михайло! Но съ этой минуты мы не товарищи съ тобой.

«Почему-же, Виноградовъ?

—Потому, что должны идти разными путями. Ты погрязнешь теперь въ семейной жизни, а я хочу еще приготовляться быть полезнымъ обществу.

«Неужели-жъ ты думаешь, что я меньше тебя буду полезенъ ему? О, ты не знаешь меня, Виноградовъ!

—Чего ждешь отъ человека, сколько безхарактернаго, что онъ для взгляда первой дѣвочки, для пустяго удовольствія, готовъ бросить все назначеніе своей жизни!

«Удержись, Виноградовъ, отъ такихъ словъ, какъ я удерживаюсь отъ гнѣва на тебя!

—Да, конечно лучше молчать. Но я еще долженъ объявить тебѣ, что мы и безъ этого скоро разошлись-бы. . . . только можешь быть иначе нежели теперь.

«Какъ? что это значишь?

—Я ѣду изъ Марбурга.

«Куда? зачѣмъ?

—Профессоръ Вольфъ отправляетъ меня въ Швейцарію и на Апеннинскія горы. Тебѣ сдѣлалъ онъ также назначеніе, только на слѣдующій годъ.

«Я ничего и не знаю объ этомъ.»

—Потому что не рѣдко пропускаешь лекціи, и не ходишь къ Профессору.

«Да, это правда. Но въ послѣднее время я, право, не могъ. . . .»

—Видишь-ли, Ломоносовъ, слѣдствія. . . .

«Не говори, ради Бога, не говори! Вскорѣ окончатся мои душевныя тревоги, и тогда примусь я за дѣло съ новымъ жаромъ.»

—Дай Богъ, дай Богъ — сказалъ Виноградовъ качая головой.

Видимая холодность раздѣлила друзей въ послѣдніе два дни, кошорые Виноградовъ провелъ до своего опѣзда въ Швейцарію. Онъ сердился на Ломоносова и не могъ одобрять его намѣренія; а пошъ былъ влюбленъ, былъ гордъ, и не могъ сознашья въ своемъ безразсудствѣ, потому что не видалъ его. Они разспались молча; только взоры говорили за нихъ. Казалось, друзья, споль различные характеромъ, готовы были сказать одному другому: хощь я и сержусь на тебя, а все-таки люблю.

Между нѣмъ спарикъ поршной не давалъ опвѣща, и съ того-же дни, въ кошорый Ломоносовъ имѣлъ съ нимъ объясненіе, велѣлъ приносишь обѣдъ въ комнапу поспояльцевъ.

Ломоносовъ рѣшился ийти къ нему самъ.

—Я пришелъ услышашъ ваше согласіе — смиренно сказалъ онъ поршному.

Старикъ примѣнно встревожился и возра-
зилъ полу-сердишо:

« Милоспивый государь! я сказалъ вамъ и
повшоряю шеперь, что не могу согласиться на
бракъ вашъ съ моею дочерью.

— Это послѣднее ваше слово?

« Да. Я просилъ-бы еще васъ перемѣнить
кварширу, пошому что, послѣ нашего объясне-
нiя, вамъ уже не годишся бытъ въ моемъ домѣ,
а мнѣ не лзя держать опъ васъ взаперши
Хриспину. Вы знаете, что она у меня хозяй-
ничаетъ въ домѣ всѣмъ: я безъ нея какъ безъ
рукъ.

Спокойно выслушалъ Ломоносовъ эшошъ Нѣ-
мецкiй опвѣшъ, и сказалъ:

— Желанiе ваше будетъ исполнено.

Опъ чего-же явилось шакое спокойствiе въ
Ломоносовѣ? . . . Онъ былъ готовъ къ опвѣшу
поршнаго; еще больше: онъ рѣшился женишья
на Хриспинѣ шайно, и уже получилъ на то ея
согласiе. Пылкая юность ихъ разсудила, что
надобно шолько обвѣнчаться, а отецъ по нево-
лѣ примешъ ихъ къ себѣ, хошъ вѣрояпно и
посердишья. Такая рѣшительность не должна
казашья спранною въ молодой дѣвушкѣ, про-
сшой дочери поршнаго. Въ элихъ проспыхъ
существахъ иногда скрывающья сильныя чувст-
ва, пламенныя спрасши, кошорья пожаромъ

вспыхивающъ отъ прикосновенія такихъ душъ, какую вспрѣшила Хриспина въ Ломоносовѣ. Можешь бышь, она оспалась-бы навсегда мирною хозяйкою проспаго Нѣмецкаго быша, если-бы судьба не сблизила ея съ такимъ человѣкомъ. Но удивительно-ли, что Эшна его спраши загла ея дѣвическую душу?

И трудно-ли было скрыться влюбленной дѣвушкѣ отъ спарика опца, у котораго она соснавляла почти всю прислугу? Можешь бышь сердце ея препешало, когда выходила она изъ опеческаго дома, съ шѣмъ чшобы навсегда соединить свою судьбу съ человѣкомъ, уже не чужимъ ей любовью, но увлекавшимъ ее совсѣмъ въ иной міръ. Однакожь рѣшительность превозмогла все: Хриспина ушла съ Ломоносовымъ въ церковь, и паспортъ, напередъ задобренный, обвинчалъ ихъ. Печально было это торжешво, споль милое сердцу! Почти одиноко окончился обрядъ въ церкви; но по выходѣ изъ нея, когда надобно было идти не въ домъ опеческій, а на кварширу, вновь наняшую Ломоносовымъ, Хриспина почувствовала, что шоска сжала ея сердце. Только шущъ поняла она вину свою!

Очарованный своимъ счасіемъ, Ломоносовъ показывалъ ей пригошвленное имъ убѣжище, гдѣ все было бѣдно, однакожь удобно для жиз-

ни; Хриспина не могла глядѣть ни на что. Она плакала и сквозь слезы говорила ему:

«Я бѣжала изъ ошеческаго дома, какъ преступница! Я рѣшилась на дѣло не угодное Богу! Родитель не благословилъ меня! . . .

—Но Церковь благословила насъ, Хриспина! Завтра-же пойдемъ мы къ родителю своему, и онъ конечно проситъ тебя, когда увидитъ наше счастье!

«Проситъ! Для чего-же должна я искать его прощенья?

—Для того, что иначе онъ не согласился-бы такъ скоро увидѣть насъ счастливыми.

Сердечное краснорѣчье и любовь Ломоносова нѣсколько успокоили Хриспину.

На другой день, счастливые супруги смиренно явились къ огорченному родителю. Онъ провелъ ночь въ спрашномъ безпокойствѣ; сначала спрашивалъ у всѣхъ окружавшихъ его, у сосѣдей и даже всѣхъ шедшихъ по улицѣ, не видали-ль его Хриспины. Ни кто не умѣлъ оповѣщать ему. Наконецъ онъ бросился въ комнату Ломоносова, и нашелъ ее запершою; онъ понялъ все, и переспалъ искать дочь. Сложивъ руки, почти до утра ходилъ онъ по своей комнатѣ въ задумчивости.

Онъ почти не изъявилъ удивленія, когда увидѣлъ Хриспину съ Ломоносовымъ, и довольно холодно сказалъ:

— Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ? ты не дочь моя. . . .

«Папенька! папенька!» закричала Хриспина падая передъ нимъ на колѣни. «Просише меня! Просише моего мужа!»

— Мужа? . . .

«Да, вчера вечеромъ, мы соединились святымъ, вѣчнымъ союзомъ,» сказалъ Ломоносовъ.

— Я не благословлялъ васъ на этотъ союзъ, и не признаю его. Не хочу преслѣдовать васъ закономъ, но не могу и любить дочери непослушной. Подише съ глазъ моихъ!

Чувство придавало словамъ добраго старика непобѣдимую силу.

Хриспина рыдая обнимала его колѣни и не могла произнести ни одного моленія. Ломоносовъ говорилъ, но оправданія его разсыпались въ прахъ передъ немногими словами правды, кошорую высказывалъ оскорбленный отецъ. Наконецъ Ломоносовъ былъ принужденъ увести полубезчувственную жену свою.

Если-бы спарикъ воспрѣшилъ ихъ гнѣвомъ, проклятіями, то можеть быть Хриспина не почувствовала-бы шакъ глубоко своего прощупка. Но тихій ропотъ его, но оскорбленное чувство отца, выражавшееся въ немногихъ упрекахъ, поразили дочь, горячо любившую его. Она провела нѣсколько дней въ слезахъ, и по-

сылала своего мужа молишь отца о прощеньи ; но спарикъ упорно не хотѣлъ видѣть ея , и только при описаніи горести ея смягчился нѣсколько. Забывая гнѣвъ свой вымолвилъ онъ :

«Скажи Хриспинѣ , что я желалъ-бы изгнать ея изъ моего сердца, но не могу. Она оскорбила меня , больше нежели можешь представишь себѣ; однако я все еще не въ силахъ забыть ея. Оставимъ времени будущее: если вы окажешесь досшойны прощенья моего , то , я чувствую , что еще могу смягчиться. Я люблю дочь мою. Ты, Михайло, не женщина, и уменъ больше меня ; ты самъ понимаешь , какъ я долженъ глядѣть на тебя, виновника ея прощупка. Не говори-же мнѣ болѣе никакихъ оправданій теперь, когда еще оскорбленіе слишкомъ живо въ моемъ сердцѣ. Поди, и спарайся, съ женою своею, оправдай не совсѣмъ испребленную къ ней любовь мою.»

Спарикъ говорилъ какъ чувствовалъ , а онъ чувствовалъ какъ отецъ , и при томъ жилъ маленькаго Нѣмецкаго городка.

Хриспина ожила при зарѣ надежды услышать отъ своего родителя слова прощенья. Она спала спокойнѣе и принялась за свое маленькое хозяйство съ удивительнымъ усердіемъ. Ломоносовъ получалъ отъ Академіи порядочное жалованье, которымъ могъ жить, со всѣми удобствами одинокой жизни ; но Хриспина

умѣла распорядиться такъ , что этого оказалось доспапочно имъ двумъ. Она исправляла почти всѣ занятія и даже работы сама. Любовь украшала все это для Ломоносова , и онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ человекомъ. Часпо, глядя какъ Хриспина заботилась объ устройствѣ домашней жизни, онъ не могъ насмотрѣться на нее и тихо благодарилъ Бога за свое счастье.

Ученая дѣятельность его возобновилась. Онъ опять спалъ усердно посѣщая лекціи , и часпо являлся къ Вольфу. Этотъ знаменитый человекъ, живя въ маленькомъ городѣ, не могъ не слышать о жениствѣ Ломоносова , которая привела въ движеніе всѣ круги и кружки Марбургскаго общества. Однакожь онъ не говорилъ ему своего мнѣнія до сихъ поръ , пока самъ Ломоносовъ не сказалъ уважаемому имъ Профессору о своей жениствѣ. Вольфъ конечно смотрѣлъ на это глазами философа , однакожь почелъ обязанностью своею замѣтить молодому человеку , оидапному нѣкоторымъ образомъ подъ его покровительствомъ, что онъ поспупилъ очень необдуманно. Ломоносову больно показалось такое мнѣніе , и это выразилось на лицѣ его.

«Не оскорбляйшесь моими словами ,» сказалъ Вольфъ , «и дайте мнѣ выразишь вамъ подробнѣе мысль мою. Бракъ—необходимое условіе въ

жизни, необходимое до такой степени, что человек не женатый кажется существом, не исполнившим своего назначения, одиноким среди людей, эгоистом, который уклоняется от самой тяжелой обязанности, налагаемой на него условиями жизни в мире. Но это лишь вещественное назначение человека; для него не должен он забывать другой, не менее важной обязанности своей: действовать в мире нравственном. Это призвание людей, узнавших мир не с одной вещественной стороны. Они должны иногда отказываться от всех других обязанностей, для того чтобы действовать в мире нравственном. С таким-то высоким назначением были установлены обители монахов, где человек навски отделялся от всего вещественного, и посвящал себя единственно духовным подвигам. Сообразите, что был-бы теперь мир без этого великого установления? Кто показал нам истинный духовный, лучший мир, как не опшельники, не монахи? Теперь эти действователи, силою времени и обстоятельств, ослабевают и удаляются с своего поприща (*).

Место их должны занять мы, так называемые ученые. Вы, человек предназначенный

(*) Здесь разумется Протестантская Германия.

судьбой и опечесшвомъ къ ученому званію, вы вдругъ перешли теперь къ жизни семейной, которая необходимо опвлечетъ васъ на нѣкоторое время опъ прямого пути къ цѣли вашей.

— Я все еще не понимаю, Г. Профессоръ: неужели человекъ ученый не долженъ жениться?

«Напрошивъ: долженъ; но вы можете-ли назвавъ себя ученымъ? Рѣшите сами.

Ломоносовъ поникнулъ головой.

«Позвольте мнѣ выразишья проще, но яснѣе: только имѣя апшеспанъ на званіе ученаго могли вы всшупить въ новую обязанность. Теперь-же, вы будете имѣть на себѣ двѣ обязанности, которыя могушь показаться вамъ пыгоспны. Впрочемъ—прибавилъ Вольфъ улыбаясь—я увѣренъ, что сила вашего духа подкрѣпитъ васъ.

Послѣ этого разговора, Вольфъ уже никогда не говорилъ съ Ломоносовымъ о его женитьбѣ, какъ-бы давая шѣмъ разумѣнь, что не хочется вспоминать о просшупкѣ своего ученика.

Но что люди почиали просшупкомъ, въ томъ Ломоносовъ видѣлъ величайшее свое счастье. У него оказывался недоспашокъ въ деньгахъ; но добрая жена умѣла вознаградишь это экономіей, и онъ почти не замѣчалъ нужды, часто грозившей ему. Онъ восхищался добрымъ сердцемъ и милымъ характеромъ своей жены,

которая, казалось, жила только для его утѣшенія. И дѣйствительно, все, что можетъ изобрѣсти нѣжная предупредительность любви и дружбы, все было исощено ею. Сверхъ того, она выражала каждымъ поступкомъ своимъ такую довѣренность къ мужу, что онъ иногда былъ готовъ спастъ передъ нею на колѣни и еще разъ поклясаться въ вѣчной любви.

Въ то время, когда такъ тихо и мирно капились дни Ломоносова, онъ вдругъ узналъ о побѣдѣ, одержанной Русскими войсками подъ Хошиномъ. Это сдѣлало на него впечатлѣніе радостное и сильное. Въ опдаленіи онъ опечесыва, среди чужеземцевъ, въ глуши раздались передъ нимъ побѣдные громы Россіи. Волненіе чувствъ его сдѣлалось наконецъ такъ живо и сильно, что онъ рѣшился выразить его на бумагѣ. Въ первый разъ посѣщилъ его истинный воспоргъ, и онъ написалъ оду, которая начинается такъ :

Воспоргъ внезапный умъ плѣнилъ,

Ведетъ на верхъ горы высокой, и проч.

Лицо его горѣло и дыханіе прерывалось, когда онъ окончилъ оду. Онъ спалъ перечисывая: хорошо! Но всего больше радовало его, что онъ написалъ свою оду новымъ размѣромъ, въ подражаніе знаменитой Гиншеровой одѣ Принцу

Евгенію. Тогда не почиалось грѣхомъ , просто , переводить цѣлыя спрофы изъ извѣстныхъ чужеземныхъ стихопвореній и выдавать ихъ за свои; однако Ломоносовъ воспользовался эшимъ правомъ очень умѣренно , шакъ чпо сличая его оду съ Гиншеровой, почти не найдеше близкаго подражанія: оно болѣе замѣшно въ общности, въ шонѣ и оборошахъ.

Такъ родился подъ перомъ его *ямбическій стихъ*, надолго оставшійся первенствующимъ въ Русскомъ стихопворствѣ! Ода на взятіе Хошина была первымъ истиннымъ стихопвореніемъ , не Русскимъ , а правильнымъ , гармоническимъ, доказывающимъ гибкость и величіе Русскаго языка.

Творецъ эшой оды былъ шакъ доволенъ ею, шакъ убѣжденъ въ ея достоинствѣ, чшо рѣшился послать ее въ Пешербургъ , къ бывшему тогда Президентомъ Академіи Наукъ , Барону Корфу. Въ письмѣ къ нему онъ объяснялъ, чшо ода написана размѣромъ новымъ, неслыханнымъ дошолѣ въ Русскомъ стихопворствѣ.

Эшотъ опытъ показываешъ, чшо Ломоносовъ не переставалъ заниматься стихами и сдѣлалъ въ теоріи ихъ большіе успѣхи. Необыкновенный взглядъ его производилъ новое во всемъ, куда ни проникалъ онъ: шакова принадлежность генія ; онъ можешъ ошибашся , но никогда не идешъ по чужимъ слѣдамъ.

Между тѣмъ , ни идиллическая жизнь , ни спихи, ни что не могло отвлечь его отъ любимыхъ занятій почными науками. Онъ слушалъ Вольфа , любилъ углубляться въ блестящія его изслѣдованія; но собственно Философія не была удѣломъ нашего соотечественника , потому что въ ней всѣ искали не того , чего искать должно. Она была собраніемъ предположеній и гаданій , больше или меньше удачныхъ ; но метода изслѣдованія оставалась только въ немногихъ , геніальныхъ головахъ. Поэтому-то Ломоносовъ оказалъ всего меньше успѣховъ въ Философіи. Умъ его болѣе склонялся къ наукамъ и знаніямъ опытнымъ , каковы Химія, Металлургія, и Физика, бывшая также сборомъ опытовъ по разнымъ часпямъ Естествознанія. Тутъ онъ дѣлалъ чудеса и удивлялъ своихъ учивелей проникательностью. Работая съ Профессоромъ Химіи въ лабораторіи, онъ вскорѣ сдѣлался любимымъ его помощникомъ ; Профессоръ Металлургіи предвѣщалъ въ немъ оплечнаго ученаго по Горной часпи; Профессору Физики онъ дѣлалъ всѣ опыты съ необыкновенною ловкостью и смѣливостью. Часто цѣлые дни занимался онъ съ ними , и только опдыхать возвращался домой. Послѣ трудныхъ умственныхъ занятій , человеку необходимо опдыхъ, и духомъ и тѣломъ. Проводя большую часть дня въ Университетѣ со своими Про-

фессорами, Ломоносовъ возвращался домой и посвящалъ оспальное время дружескимъ разговорамъ съ женою, занятіямъ Словесностью, чтенію. Онъ читалъ много, особенно писателей Нѣмецкихъ, такъ что сдѣлался совершенно знакомъ съ тогдашнею, еще бѣдною Нѣмецкою Словесностью. Незамѣнно выучился онъ, почти самъ собою, Французскому языку, и читалъ Французовъ, у которыхъ не задолго былъ великій вѣкъ Словесности, какъ называли они время Расина, Мольера, Буало, Лафоншена. Древніе не переспаивали занимать его: Цицеронъ, Горацій, Овидій, и опчаси Греческіе писатели, не сходили съ письменнаго стола Ломоносова. Все это называлъ онъ опдыхомъ. Но истиннымъ опдыхомъ его было то время, когда онъ не дѣлалъ ничего и наслаждался тихой семейною жизнью, или училъ жену свою Русскому языку и рассказывалъ ей о Россіи многое, что возобновлялось въ памяти его, при мысли о миломъ опечесствѣ.

«Знаешь-ли, Хриспина!» сказалъ онъ ей однажды. «Иногда мнѣ кажется, что я не поѣду въ Россію.

—Почему-же, Михайло?

«Мнѣ такъ хорошо здѣсь; я нашелъ столько счастья жить тамъ, гдѣ моя родина, что хочу сберечь его, это счастье, и не смогу на всю привязанность къ опечеству, боюсь раз-

спроишь наши тихіе, мирные дни новымъ переселеніемъ.

— Ахъ, нѣтъ, Михайло! я не хочу чшобы ты разсшлся навсегда съ опечесшвомъ, швоею Россіею. И чшѡ называешь ты нашимъ счаспіемъ? Любовь нашу? Но я буду вездѣ съ тобой. Любовь опца? Но.... онъ изгналъ меня и не хочешъ видѣшь.

Она прослезилась.

«Опещъ скоро примиришся съ нами, милая Хриспина. Онъ шакъ добръ! И всѣ здѣсь шакъ добры! Въ опечесшвѣ, я не зналъ никакихъ наслажденій; шамъ всѣ были чужды мнѣ; а здѣсь я нашель себя, и съ тобой цѣлый міръ счасшя!»

— Я не могу прошиворѣчитьъ тебѣ, пошому чшѡ не знаю ничего кромѣ своего города, и никого кромѣ немногихъ родныхъ; однако мнѣ кажется, чшѡ тебѣ надобно возвращишь въ Россію.

«Для чего, Хриспина?»

— Не умѣю объяснить эшѡго. Ты здѣсь какъ будшѡ не на своемъ мѣстѣ; тебѣ надобно чшѡ-то другое.

Ломоносовъ задумался. Простое чувствѡ женщины было вѣрнѣе его ума, обширнаго, но увлекаемаго воображеніемъ и непостояннаго въ привязанностяхъ! Эшѡ поразило его, когда онъ обдумаль слова Хриспины. Идиллическая

жизнь увлекла его до такой степени, что онъ былъ готовъ забыть для нея все: опеченство, назначеніе свое, и даже цѣль жизни. Мы уже видѣли много такихъ мгновенныхъ его вспышекъ; увидимъ ихъ и дальше.

Дни черезъ два послѣ этого разговора, неожиданно явился къ нимъ отецъ, поршней. Нѣсколько мѣсяцевъ не видался онъ со своею дочерью, и во все это время тщательно наблюдалъ за нею. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми въ городѣ, легко находилъ случай узнавать, каково живетъ она съ мужемъ, чѣмъ занимающіяся они, каково идетъ ихъ хозяйство, и обо всемъ этомъ слышалъ однѣ похвалы. Черезъ хозяина дома, гдѣ жили они, особенно развѣдалъ онъ, что дочь его много печалится о разлукѣ съ опцомъ и часто плачетъ. Наконецъ это расшевелило *благоразумное сердце* его, и онъ рѣшился заключить порожесвенное примиреніе съ бѣглякою-дочерью и съ похищеннымъ-мужемъ ея.

Хриспина заплакала, закричала, когда увидѣла отца, и хотѣла броситься къ нему, но онъ прощипнулъ руку—удержавъ ее отъ этого, и потомъ сказалъ насавишельную рѣчь, какъ дурно поступила она, какое право имѣлъ онъ сердиться на нее, какъ дорого она должна цѣнить любовь опцовскую, которая одна заславляетъ его теперь забыть все, и снова принять

заблудшую дочь въ милосѣ и покровишельство. Послѣ этого онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ лобъ, далъ ей поцѣловашь свою руку, и произнесъ маленькое наставленіе Ломоносову. Тотъ не могъ наконецъ выдержавъ этого церемоніяла и кинулся обнимавъ спарика. Краснорѣчіе его довершило все оспальное. Спарикъ самъ распрогался, расцѣловалъ своихъ дѣтей и предложилъ имъ переѣхавъ къ нему въ домъ.

«Если-бъ ты знала, какъ грустно мнѣ было оспававъ сиротой!» сказалъ онъ дочери. «Я привыкъ къ тебѣ, и безъ тебя никто не могъ угодишь мнѣ, ни въ чемъ!»

—Папенька!—говорила она, цѣлуя руку отца. —Я не смѣю надѣявъ вознаградишь когда нибудь за огорченіе, которое сдѣлала вамъ по неопытности своей! Но, жизнь моя будетъ посвящена вашему успѣшенію.

Дѣло сладилось. Ломоносовъ переѣхалъ съ женою къ отцу ея, и спарикъ скоро забылъ свой гнѣвъ. Хриспина угождала отцу со всѣмъ усердіемъ дочери, желающей загладить вину свою. Единственнымъ признакомъ недавняго разлада ихъ оказалось то, что Хриспина съ мужемъ должна была имѣть свое хозяйство: спарикъ не хотѣлъ, да и не могъ ничего давать ей на издержки. Слабое здоровье, еще болѣе распроенное лѣтами и работою, не

позволяло ему заниматься ремесломъ своимъ съ бывалымъ прилежаніемъ. Во время опсущствія дочери, онъ оппустилъ почти всѣхъ своихъ работниковъ и отъ того доходъ его уменьшился до крайней степени. «Живите какъ умѣете,» говорилъ онъ Хриспинъ. «Я не въ силахъ помогать вамъ ничѣмъ, кромѣ кварширы, копорою можете вы пользоваться.»

Ломоносовъ, копорый никогда не забоиился о проишаніи, не хотѣлъ и теперь думать объ этомъ. Онъ сказалъ спарику, что надѣется на собишвенныя свои силы, и никогда не попревожитъ его просьбой о деньгахъ. Однако вскорѣ обшояшельсшва должны были переѣнишья, и Ломоносову пришлось испытать горькія неприяшности, копорыхъ не зналъ онъ прежде.

Глава XII.

Еще разъ жизнь въ Марбургѣ улыбнулась бѣдному пришельцу: у Ломоносова родилась дочь. Заботы, неизбежныя при этомъ важномъ семейномъ событіи, не мѣшали ему радоваться и раздѣлять свою радость съ женою, которая сдѣлалась для него существомъ, еще болѣе драгоценнымъ. Но путь-же счастье его было смущено непріятностію, коюрой онъ не предвидѣлъ: у нихъ не было денегъ, даже на расходы, необходимыя при рожденіи дитяти. Ломоносовъ увидѣлъ себя принужденнымъ продать за безцѣнокъ нѣсколько дорогихъ для него книгъ, и войдя въ новые долги у лавочника, коному уже былъ долженъ, забирая всякій вздоръ для хозяйства. Жена его въ послѣднее время и послѣ рожденія дитяти не могла сама хозяйничать, и опъ того деньги шли безъ полку, подъ завѣдываніемъ Ломоносова. Онъ былъ шакъ не экономенъ, шакъ щедръ, что скоро положеніе его сдѣлалось ужасно. Хлѣбникъ

переспалъ оппускалъ ему хлѣбъ , а лавочникъ всякую другую провизію , когда эти люди узнали , что молодой должникъ ихъ продаетъ послѣднія свои вещи. Мало этого : они начали насмоятельно требовать своихъ денегъ , а заплашить было нечѣмъ. Съ большимъ трудомъ успокоилъ ихъ Ломоносовъ , уговоривши подождать до полученія прешнаго его жалованья. Они согласились, но между тѣмъ надобно было каждый день пить и ѣсть. Ломоносовъ опускалъ новаго лавочника, который рѣшился оппускалъ ему въ долгъ необходимые съѣстные припасы. Хлѣбъ покупалъ онъ на деньги , занимая по нѣскольку грошей у своихъ товарищей.

Наконецъ прешное жалованье было получено, и Ломоносовъ спѣшилъ рассчитаться съ своими кредиторами; но долгъ превышалъ всѣ полученные имъ деньги. Онъ принужденъ былъ сдѣлать уплату , и оставилъ ничтожную сумму себѣ на расходы. Кредиторы его успокоились , но онъ уже почувствовалъ всю тяжесть бытъ должникомъ , и со страхомъ думалъ о будущемъ. Въ первый разъ узналъ онъ цѣну деньгамъ !... Прежде, одинокій, беззаботный, онъ проводилъ иногда цѣлые дни пополамъ съ голодомъ , и забывалъ это углубляясь въ свои занятія. Но теперь, на рукахъ его были два безпомощныя, слабая существа: жена и малюшка дочь. Онъ могъ

перпѣшь нужду самъ и не жаловапсья на эшо; но заспавляпшь *ихъ* перпѣшь — эшо было выше его силъ! Сверхъ того, прежде онъ не зналъ, что такое значило: бышь должнымъ; а теперь онъ испышалъ горесъ эпихъ словъ, и съ опчаяніемъ видѣлъ, что долги его не только не уменьшались, но выросшали непрерывно, какъ головы баснословной гидры.

Жена его долго не могла оправипсья опъ болѣзни, а онъ не зналъ, что она своею неусыпною работою, шипьемъ, вязаньемъ, подкрѣпляла бѣдные доходы его, копорыхъ и прежде не могло-бы доспавать имъ на содержаніе. Теперь, слабосъ силъ не позволяла ей работашъ, а расходы и долги увеличились. Она сберегала многое также своею хозяйспвенносью, а теперь у нихъ жила наемная женщина, копорая, кромѣ того что спойло ея содержаніе, умножала расходы своимъ плохимъ усердіемъ. И все эшо пало на небольшое жалованье, копорое получалъ Ломоносовъ опъ Академіи, такъ что онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ нуждою, бѣдностью и долгами неоплашными.

«Боже мой! чѣмъ-же все эшо кончипсь?» думалъ онъ, когда безобразная нищеша напоминала ему о себѣ. «Если-бъ я былъ въ Россіи, могъ-бы найдти себѣ какую нибудь работу; а здѣсь, на чужой споронѣ, въ чужомъ городѣ, что спану я дѣлашь? Я не гожусь даже и въ пи-

саря Нѣмцамъ! Да и гдѣ мнѣ взять времени, кошораго едва достаешь на необходимыя ученныя занятія и на заботы о больной женѣ! Неужели сбудется предвѣщаніе Виноградова?... о Боже! избавь меня хоть отъ этого униженія! Меня какъ ребенка оспанавливали отъ женишбы, и я не хотѣлъ никого слушать, я запыкалъ уши отъ ихъ *благоразумныхъ совѣтовъ*, жертвуя всѣмъ для доброй моей Хриспины. Я говорилъ имъ правду, увѣряя, что буду счастливъ съ нею; я точно счастливъ; но эта проклятая нужда!... Признаюсь, я не предвидѣлъ, что такъ тяжело съ нею раздѣлываться. Но, вооружусь всѣми силами! Провидѣніе уже не разъ спасало меня отъ непріятностей и прискорбій, можешь быть не меньше спрашныхъ.»

Такъ всегда оканчивалъ Ломоносовъ размышленія свои объ угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ, и вѣра въ Провидѣніе всегда оправдывала его надежды. Почти то-же случилось и теперь.

Вольфъ прислалъ за нимъ.

«Я получилъ отъ Пешербургской Академіи,» сказалъ онъ Ломоносову, «новое распоряженіе. Видя изъ полученныхъ ею отъ меня свѣдѣній, что вы оказываете особенные успѣхи въ Металлургіи, она желаетъ, чтобы вы съѣздили во Фрейбергъ, къ извѣстному Бергъ-Рапу Генкелю, и занялись подъ его руководствомъ Горнымъ Дѣломъ практически. Для поѣздки вашей

прислана особенная сумма денегъ , которую я и вручу вамъ.

—Съ благодарностью исполню волю Академіи — сказалъ Ломоносовъ.— Но прежде позвольте мнѣ поблагодарить васъ, потому что, безъ сомнѣнія, вамъ обязанъ я эшимъ новымъ случаемъ къ усовершенствованію себя въ любимой моей наукѣ.

« Я писалъ въ Академію то , что видѣлъ ; впрочемъ , отправивъ васъ къ Генкелю почто совѣщавалъ я, и увѣренъ, что это будетъ для васъ полезно.

— Я уже сколько знаю о заслугахъ Г-на Бергъ-Рапа въ наукѣ , что почти особеннымъ счастьемъ занявшись Металлургіею подъ его руководствомъ.

«Тѣмъ болѣе , что вы должны прожить у него цѣлый годъ.

— Цѣлый годъ ? . . . да, конечно это большая выгода.

Вольфъ не хотѣлъ понимать истиннаго смысла этого восклицанія, хотя и видѣлъ, что Ломоносовъ не совсѣмъ-то былъ радъ такой долговременной разлукѣ съ семействомъ.

«Теперь извольте получить инструкцію Академіи , и жалованье за годъ , съ прибавкою на переѣзды.

Тутъ онъ вручилъ Ломоносову довольно значительную сумму денегъ , далъ всѣ необходимыя наставленія и письмо къ Генкелю.

Ломоносовъ не зналъ , возвращаясь домой, радовался-ли ему или печалился? Онъ былъ радъ неожиданному пособію въ деньгахъ , не думая, что онъ понадобится ему на путешествіе; но разлука съ женой и маленькой дочерью навѣвала тоску на его сердце. Онъ размышлялъ еще и о томъ , какъ объявить о своей поѣздкѣ женѣ , не совсѣмъ оправившейся отъ болѣзни? Но пришедши домой , онъ принялъ веселый видъ и сказалъ :

«Христина! знаешь-ли, что я принесъ съ собою кучу денегъ?

— Денегъ? На что ихъ намъ много? Да и не откуда получишь ихъ тебѣ, милый другъ.

Тутъ съ величайшею оспороженностью началъ онъ описывать ей свое свиданіе съ Вольфомъ, и намекнулъ о поѣздкѣ во Фрейбергъ.

—Такъ что-же? — сказала Христина. — Если это для твоей пользы, я очень рада перенести самую тягостъ разлуки. Неужели ты думаешь, что я буду печалиться , когда вижу полезное для тебя? Попрошивъ , Михайло ! я рада для тебя на всѣ лишенія.

«Милая, милая Христина! Точно эта поѣздка будетъ полезна для моего усовершенствованія

въ наукѣ; но разлука съ побой. . . . Я не смѣлъ и думатьъ объ этомъ, не смѣлъ сказать тебѣ. . . .

— Ты мало доверяешь моей любви къ тебѣ. Скажи только: на долго-ли расстаемся мы?

Ломоносовъ молчалъ.

— Неужели на цѣлые годы?

« На одинъ годъ , Хриспина , но на цѣлый годъ !

— Такъ что-же ? — сказала она спараясь сохранишь спокойный видъ? — За то, какъ весело будешь намъ свидѣться. . . . Ты будешь писать ко мнѣ , будешь любишь меня , такъ-же какъ теперь.

« О , для чего не могу я выразить тебѣ всей любви моей ! Каждое слово твое , Хриспина, есть слово чистой, ангельской души.

Онъ съ жаромъ обнялъ ее.

« По крайней мѣрѣ я буду спокойнѣе отъ того, что мы , слава Богу, можемъ заплашить наши долги. Для поѣздки получилъ я много денегъ. Но я возьму съ собой какую нибудь бездѣлицу, пойду пѣшкомъ, а остальное заплачу заимодавцамъ, и опдамъ тебѣ. Ты не будешь знать никакой нужды.

— Я рада , что ты будешь отъ этого спокойнѣе; но идти пѣшкомъ во Фрейбергъ невозможно: ты долженъ ѣхать шудомъ.

« Напрошивъ , я долженъ идти , во-первыхъ для того что сберегу эшимъ сколько нибудь денегъ; а во-вторыхъ , такимъ образомъ я лучше узнаю Саксонію , которую видѣлъ только мимоходомъ. »

— Но ты дорожишь моимъ спокойствіемъ, а я дорожу своимъ; я спану меньше беспокоишься, когда буду знать , что ты не упомляешь себя пѣшеходствомъ.

Ломоносовъ обѣщалъ наконецъ исполнить ея желаніе. Послѣ этого , Хриспина съ величайшимъ мужествомъ начала приговлять все необходимое для его путешествія: уклала въ небольшой чемоданъ плащъ и бѣлье мужа , которое содержала всегда въ возможномъ порядкѣ; положила туда-же нѣсколько книгъ , назначенныхъ имъ самимъ; наконецъ приговорила особенное плащъ для дороги.

Съ любовью и благодарностью смотрѣлъ Ломоносовъ на добрыя заботы ея и цѣловалъ попеременно то милую жену, то маленькую дочь свою. Въ слѣдующее утро , надобно было расстаться. Хриспина хотѣла провожать мужа за городъ, но онъ уговорилъ ее не дѣлать этого. Нѣсколько слёзокъ , вырвавшихся насильно изъ глазъ ея , были единственнымъ признакомъ сердечной тоски , которая угнетала эту добрую женщину. Ломоносовъ спѣшилъ къ почтовому двору и тамъ сѣлъ въ общую карету.

Ему было очень грустно въ первый день; но сердце его посщепенно успокоивалось; въѣхавши въ Саксонію, онъ могъ даже наслаждащся красотами природы эщой очаровашельной страны. Прелесшна Саксонія лѣшомъ, въ свѣшное ушро, когда каждая деревенька ея предсшавляешъ ландшафтъ, передъ копорымъ ничщожны всѣ знаменишыя картины Пуссеней и Бергемовъ! Но всего прелесшнѣе южная частъ ея, граничащая съ Богеміею. Тупъ сама природа, кажешся, помогала жищелямъ ушпроивашъ неощиданныя, живыя картины. Тупъ дикія красоты смѣшаны съ привлекашельнымъ ушстройствомъ образованности; шупъ живописные холмы и горы, лѣса и сады, виноградъ и дубъ, какъ будщю наперерывъ спараются приковашъ къ себѣ вниманіе пушешесшвенника, между шѣмъ какъ добрые жищели обновляющъ для него пащріархальныя времена и спарую добродѣшель гощепріимсшва.

На границѣ Саксоніи Ломоносовъ выщочилъ изъ карешы и пошелъ пѣшкомъ. Онъ уже шакъ сближился съ Нѣмецкими нравами, щто эщо пушешесшвіе казалось ему пріашною прогулкою среди родныхъ, близкихъ сердцу. Почшенные Нѣмцы шоржесшвующъ семейною жищнію; а Ломоносовъ былъ шеперь семьянинъ, и не разъ картина мащери съ малюшкою на рукахъ защавляла его вздыхашъ о разлукѣ съ Хрищиной.

Впрочемъ , путешествіе его скоро кончилось, пошому что переходъ отъ границы Саксоніи до ея средоточія не великъ. Оспавивъ Дрезденъ влѣво , Ломоносовъ приблизился къ Фрейбергу, знаменишому своими горными заведеніями. Въ городѣ , видъ соборной церкви поразилъ его какимъ-то сходствомъ съ церквами Москвы , и онъ рѣшился осмошрѣнь на досугѣ эшотъ великолѣпный храмъ.

Ошдохнувъ и оправившись отъ дороги, уже на другой день Ломоносовъ явился къ будущему покровишелю своему , Бергъ-Рапу Генкелю.

Эшо былъ человекъ сшарый , въ огромномъ парикѣ , и съ необыкновенно-важною осанкою, учпивый и словоохотный. Онъ раскланялся съ Ломоносовымъ, и когда узналъ, что шотъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ знаменишаго Вольфа, усадилъ его, прося позволенія прочестъ письмо Г-на Профессора. Изъ письма увидѣлъ онъ, что Ломоносовъ Рускій, что Вольфъ рекомендуешъ его , какъ опличнаго по способностямъ и знаніямъ своимъ молодаго человека.

—Очень радъ, весьма радъ, чрезвычайно радъ, Г. Ломоносовъ , способствовашь вашимъ ученымъ шрудамъ—сказалъ Генкель.—Вы особенно посвящаете себя Металлургіи?

«Я люблю эшу науку , и желалъ-бы въ ней усовершенствовашься. Кажешся, ни гдѣ не могу

доспигнуть этой цѣли такъ вѣрно какъ во Фрейбергѣ, подъ вашимъ руководствомъ.

— Благодаренъ вамъ, очень, премного благодаренъ! Но я увѣренъ также, что встрѣчу въ васъ необыкновеннаго ученика. Петербургская Академія, копорую глубоко уважаю, и Г. Профессоръ Вольфъ, къ копорому питаю величайшее почтеніе, свидѣтельствуютъ о вашихъ необыкновенныхъ способностяхъ.

«Извините, Г. Бергъ-Ратъ, если я попрошюворѣчу вамъ: въ Россіи еще такъ мало занимающихся науками, что даже усердіе къ нимъ награждаютъ выше заслугъ; попомоу-то Петербургская Академія опправила меня сюда, и дала благодѣтельные средства слышать наспавленія ученыхъ мужей. А Г. Профессоръ Вольфъ мой благодѣтель; я еще не успѣлъ заслужить того, что онъ дѣлаетъ для меня.

—Благоразумно, похвально и почленно изволише говоришь! Но въ Россіи теперь великія дѣла совершаются. Давно-ли мы слышали о Рускихъ—извините—какъ о варварахъ; а теперь, мы бесѣдуемъ съ вами объ ученыхъ матеріяхъ!

Такъ продолжался разговоръ съ полчаса, и Ломоносовъ не замѣшилъ въ Генкелѣ никакихъ опличныхъ свѣдѣній, ни даже опличнаго ума. Казалось, это былъ добрый спарикъ, не блиспавшій ни ученостью, ни даромъ слова. Но

когда, на другой день, Ломоносовъ увидѣлъ его въ обширной Фрейбергской лабораторіи; когда Генкель началъ дѣлать передъ нимъ различные опыты, изъясняя ему разные законы Химіи и сообщая новыя открытія и наблюденія свои, тогда Ломоносовъ былъ гостю чистосердечно раскаясь во вчерашнемъ мнѣніи о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ, многіе ученые мужи бывають велики только передъ своимъ предметомъ, и кажутся менѣе нежели обыкновенными людьми въ разговорахъ общихъ. Привычка ли усердствовать весь свой умъ на любимый, избранный предметъ, и невниманіе ко всему оснательному, или особенное устройство умственныхъ органовъ тому причиной, только такихъ людей встрѣчается много. Къ числу ихъ принадлежалъ и Генкель. Его можно было назвать гениемъ опытной Химіи: шутъ онъ являлся великъ, поучивеленъ, гениаленъ, и Вольфъ не ошибся отправивши къ нему Ломоносова, которому надобно было только соприкосновеніе необыкновеннаго въ какой либо части человека; а въ Генкель онъ нашелъ еще и опытнаго руководителя. Замѣтивши въ молодомъ человѣкѣ особенную страсть къ Металлургіи и Химіи, Генкель раскрылъ передъ нимъ все богатство своей опытности и занималъ его часно, и по многу часовъ, забывая время. Тупъ и словоохотливость его превращалась въ краснорѣчіе, и

спрасъ къ своему занятію дѣлалась пугеководною звѣздою для молодаго ученаго. Больше ничего и не нужно было для Ломоносова : онъ оказалъ успѣхи неимовѣрные.

Но не въ одной только лабораторіи занимался онъ. Генкель водилъ его въ славные Фрейбергскіе рудники, откуда, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, люди выкопали громадное количество серебра. Но и серебро, благородный металлъ, требуетъ очистки. Для этого были устроены во Фрейбергѣ превосходныя заведенія. Тогда еще не было шамъ преобразователя Горнаго Дѣла, безсмертнаго Вернера ; но Фрейбергъ процвѣталъ съ пятнадцатаго и даже шестнадцатаго столѣтія. Богатые прииски серебра, открытые около него, какъ полагаютъ, еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, скоро привлекли людей. Воздвигся большой городъ, украшенный многими произведеніями Искусства и знаменитый своею Горною Академіею. Тридцатилѣтняя война, этотъ пожаръ цѣлой Германіи, заглушила было дѣятельность Фрейбергскихъ рудокоповъ и славныхъ тамошнихъ заведеній Горнаго Дѣла. Однако упадокъ ихъ былъ не продолжителенъ. Хотя городъ никогда уже не достигъ прежняго своего цвѣтущаго состоянія, однако во время Ломоносова Горное Училище было на высокой степеніи славы. Изъ всѣхъ концовъ образованной Европы спе-

кались шуда учишься разработыванію внутренности земли и всѣмъ необходимымъ для этого свѣдѣніямъ.

Ломоносовъ записался вольнымъ слушателемъ въ Училище, взялъ участіе въ рудникахъ для разработки, и неуспѣшно обогащалъ себя свѣдѣніями. Генкель посоветовалъ ему съѣздить къ горному хребту Богеміи, для осмотра другихъ горныхъ заведеній и для узнанія различныхъ породъ. Ломоносовъ отправился шуда пѣшкомъ, и съ мѣсяць бродилъ по хребтамъ Рудныхъ горъ.

Неизобразимое чувство изумленія овладѣло имъ, когда увидѣлъ онъ вдалекѣ Исполинскія горы. Голубыя вершины ихъ показались ему сначала огромными облаками; потомъ зрѣніе привыкало находить въ нихъ однообразныя, неподвижныя формы; наконецъ пропѣшеніе ихъ, уходившее въ пространство, казалось безконечною поэзіею, которая начиная видимыми, осязательными предметами, скрывается въ глубинѣ души человѣческой. По цѣлымъ часамъ стоялъ Ломоносовъ, глядя на эту огромную поэзію горъ, въ которыхъ сама природа дѣлается поэтомъ. Чего не переживалъ онъ въ эти часы! Съ какимъ расположеніемъ духа возвращался онъ въ углубленія долинъ и въ обыкновенный атмосферическій воздухъ!

Онъ не забывалъ и находившихся на пуши его горныхъ заведеній, гдѣ щашельно осматривалъ все, достойное вниманія. Черезъ нѣсколь- ко недѣль онъ возвратился во Фрейбергъ. Генкель обрадовался увидѣвъ своего любимаго ученика, и когда Ломоносовъ рассказывалъ ему свои наблюденія, онъ дополнялъ и объяснялъ ему то, чего не лзя было узнать или понять при быспромѣ обзорѣ.

Въ это время Ломоносовъ отправилъ въ Петербургскую Академію подробное донесеніе о своихъ занятіяхъ во Фрейбергѣ, о своемъ путешествіи къ Богемскимъ горамъ, и въ заключеніе просилъ позволенія ему побывать шакже въ Гарцѣ и обозрѣть тамошніе горные заводы, для окончательнаго усовершенствованія себя въ Горномъ Дѣлѣ и въ Металлургіи.

Во Фрейбергѣ начались опять прежнія занятія его. Генкель ввелъ Ломоносова въ кругъ ученыхъ своихъ товарищей, гдѣ путешественникъ узналъ многихъ отличныхъ людей и пользовался ихъ наставленіями. Но болѣе всего занимался онъ съ самимъ Генкелемъ, и подъ руководствомъ его совершенно приспосаблился къ опытной Химіи, примененной къ Горному Искусству. Плавильная печь заставила его позабыть на нѣсколько времени даже Спихотворство.

Между шѣмъ, для развлеченія, Ломоносовъ гулялъ иногда по городу и осматривалъ примѣчательныя зданія его. Такъ однажды зашелъ онъ въ соборную церковь, которая поразила его при первомъ взглядѣ. Разсматривая подробнѣе это великолѣпный храмъ, онъ нашелъ въ немъ прекрасный памятникъ Византійскаго Искусства, такъ называемыя *Златыя Врата*. Стоя передъ ними, онъ сначала благоговѣлъ, изумлялся художеству; наконецъ душа его обратилась къ отечеству, по какой-то неясной связи Византіи съ Кіевомъ и древнею Русью. Тихими шагами возвращаясь домой, Ломоносовъ сказалъ самъ себѣ: « Прекрасна ты, Германія! прекрасна своимъ народомъ, своимъ просвѣщеніемъ, своими памятниками, искусствами, природою; но моя далекая Россія драгоцѣннѣе моему сердцу! Я могу на время оспаиваться въ странѣ чужой, могу любить ее, даже находить въ ней счастье; но всегда гоню я лѣпшѣ къ тебѣ, мое отечество!... Непоспѣжимая сила родной земли! Что-же такое она? Что составляетъ эту силу, которая такъ-же вѣчно и вѣрно влечетъ насъ къ себѣ, какъ полюсъ намагниченное железо?... Все! Воздухъ, деревья, камни, развалины, звуки родной земли, лица, знакомыя мнѣ и въ чужихъ людяхъ, солнце, которое иначе сіяетъ надъ моимъ небомъ, гробы отцовъ и драгоцѣнный ихъ прахъ, все это мое отечество!

ство, все привязываетъ меня къ нему узами, неразрѣшимыми и непонятными для холоднаго ума. . . . Таково чувство мое къ тебѣ, Россія! а чувства не умѣютъ давать опчета. »

Другое воспоминаніе занимало его постоянно, и съ живостью возобновлялось въ немъ письмами жены. Она уведомляла его о себѣ, но еще болѣе о ихъ дѣлѣ, и Ломоносовъ часто желалъ взглянуть на милыхъ его сердцу. Когда минулъ годъ, назначенный ему для прожитія во Фрейбергѣ, онъ поспѣшилъ въ обратный путь. Генкель далъ ему самое одобрительное свидѣтельство объ успѣхахъ, объ усердіи, дѣятельности и отличныхъ занятіяхъ его. Трогательно было прощаніе Ломоносова съ этимъ спарикомъ, который полюбилъ молодаго Русскаго, и, съ жаромъ привязаннаго къ своему занятію человека, уговаривалъ его распроспрашивать въ Россіи истинное познаніе Горнаго Искусства.

Ломоносовъ отправился въ Марбургъ пешкомъ, потому что кошелекъ его былъ давно пустъ. Онъ мало взялъ съ собою денегъ, прожилъ во Фрейбергѣ долго, путешествовалъ, и теперь принужденъ былъ возвращаться въ большой нуждѣ. Еще разъ взглянулъ онъ на Саксонію, которая всегда представлялась ему въ новой красотѣ, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добрелъ до жилища своей жены.

Съ воспоргомъ бросилась къ нему на шею Хриспина и долго не могла произнести ни одного слова. Наконецъ она указала ему на маленькую дѣвочку, которая увивалась около нея, и произнесла съ превогой чувствъ:

— Ты-ли эшо, Михайло? Тебя-ли наконецъ вижу я?

Онъ, не отвѣчая на вопросы ея, схватилъ на руки дѣвочку, и спрашивалъ въ свою очередь:

« Неужели эшо дочь наша? неужели эшо наша Минна? »

— Да, да! эшо она! Ахъ, Михайло! наконецъ ты опять со мной.

« Съ тобой, милая Хриспина! Но я и въ разлукѣ любилъ воображать себя подлѣ тебя, любилъ думать, что ты невидимо со мной. »

— А для меня эшо было однимъ успѣшеніемъ! И какъ долго длилась наша разлука!... Но ты успалъ, Михайло, ты ужасно успалъ!

Она бросилась и принесла ему ужинъ, бѣдный, приправленный только ея радушіемъ.

Ломоносовъ возвратился вечеромъ, и долго рассказывалъ о своемъ путешествіи, о своихъ впечатлѣніяхъ, и успѣхахъ. Ему было такъ весело дѣлиться съ Хриспиной всѣмъ, что принесъ онъ изъ своего путешествія! Малышка дочь иногда прерывала его рассказы, и онъ бралъ ее на руки, ласкалъ съ нѣжнымъ чув-

своемъ опца, и опять обращался къ своей Христинѣ.

Послѣ людей чуждыхъ, холодныхъ въ самомъ радушіи своемъ, послѣ продажныхъ услугъ наемниковъ и шоргашей удобствами, послѣ долгой неволи чувствъ, которыми нѣтъ протѣки въ кругу самыхъ благоразумныхъ, самыхъ добрыхъ, самыхъ пріятныхъ, но чужихъ намъ людей, какъ усладительно вдругъ очутишься въ родной семьѣ, въ тихомъ уголкѣ своемъ, среди немногихъ, близкихъ сердцу! Какъ весело взглянуть на всѣ знакомые намъ предметы! увидѣшь радостныя лица любящихъ насъ, и сбросишь съ себя вдругъ всѣ шруды, все одиночество, всѣ досады души, для пріятнаго отдыха. Ломоносовъ вполне испыталъ это наслажденіе, и ни одна тревожная мысль не возмутила его радостнаго забытья, ни одно горькое воспоминаніе не испортило его спокойствія въ день свиданія съ женою. А это подарокъ судьбы. Это рѣдкій выигрышъ у слѣпаго счастья.

Глава XIII.

На другой-же день гидра заботы впила въ него. Добрая Христина должна была сказать Ломоносову, что у нея давно израсчены всѣ оставленные имъ деньги, и что она уже болѣе двухъ мѣсяцевъ принуждена была жить нищенски. Накопилось опять много и долговъ.

Ломоносовъ повелъ рукой по лбу, какъ будто опирая холодный потъ, или пребуя совѣща у головы своей, и, скрѣпивъ сердце, сказалъ :

— Я пойду къ Вольфу. Можешь быть онъ выдастъ мнѣ прешнее жалованье. Или не пособишь-ли намъ отецъ швой, хоть мнѣ очень не хотѣлось-бы просить у него помощи.

«Онъ не откажется-бы раздѣлить со мной послѣдній кусокъ хлѣба; но, бѣдный, онъ уже давно боленъ; работники его разошлись всѣ, и у него теперь нѣтъ никакого дохода. Онъ самъ не знаетъ чѣмъ жить.

— Пойду къ Вольфу! — повторилъ Ломоносовъ, и отправился съ надеждой, что и въ

эпопъ разъ онъ выведешъ его изъ непріятнаго положенія.

Профессоръ Вольфъ принялъ его очень ласково, спрашивалъ о путешествіи, и былъ чрезвычайно доволенъ прочитавъ письмо и аппешаншъ, данные ему Генкелемъ.

Наконецъ Ломоносовъ довелъ разговоръ до самаго щекопливаго пункта — денегъ. Онъ всегда робѣлъ, когда надобно было говорить объ эпомъ предметѣ, и даже не понималъ, какъ люди умѣютъ такъ свободно разсуждать о деньгахъ? Но онъ произнесъ это слово.

— Денегъ нѣтъ — ошвѣчалъ Вольфъ. — Даже нѣтъ назначенія, отъ кого получишь ихъ для другаго вашего путешествія.

«Для другаго путешествія, Г. Профессоръ? Куда?... А! вѣрно въ Гарцъ?»

— Да, въ Гарцъ. Академія позволяешъ вамъ, послѣ успѣшнаго возвращенія изъ Фрейберга, отправишься въ Гарцскія горы, и обозрѣшь ихъ; теперь вы могли-бы и ѣхать, но для эшого не назначено никакой суммы.

«И такъ надобно подождать, Г. Профессоръ?»

— Да; впрочемъ, на путешествіе ваше надобно такъ немного денегъ, что я готовъ дать вамъ для эшого своихъ. О отдохните нѣсколько времени, и потомъ можете отпрапляться.

« Но, признаюсь вамъ, я терплю крайнюю нужду. . . . » осмѣлился вымолвить Ломоносовъ.

Вольфъ какъ будто не слыжалъ словъ его и спокойно прибавилъ :

— Да, черезъ нѣсколько времени надобно вамъ опсправиться въ Гарцъ.

Дѣлашъ было нечего. Съ поникшею головой возвращился Ломоносовъ, и вмѣсто денегъ принесъ женѣ своей извѣстіе — о новой разлукѣ.

Сердце ея не выдержало: она заплакала и молча прижалась къ своему мужу, какъ будто требуя у него защиты опъ судьбы. Въ это время нѣжнаго, нѣмага объясненія супруговъ, изъ дверей выспавилась голова мучишеля ихъ, лавочника. Увидѣвши Ломоносова, онъ ввалился въ комнату, началъ кланяться, поздравляшъ его съ возвращеніемъ, и подалъ длинный счетъ.

Мужъ счастливый, но несчастный хозяинъ, былъ гошовъ прогнашъ, выкинушъ въ окно этого неспознаго чловѣка; но шопъ былъ въ своихъ правахъ, шребовалъ своего, и пошому необходимо было просить его о нѣкошорой опсрочкѣ долга. Лавочникъ съ важносшію началъ исчисляшъ свои добродѣтели, довѣрчивосшъ, честносшъ, долгошерпѣніе, и довольно нахально шребовалъ денегъ. Ломоносовъ собралъ все мужество, и мирно упрашивалъ своего кредитора подождать. Послѣ многихъ кривляній, важни-

чанья и почти грубосшей, попъ согласился ждашь еще недѣлю.

Супруги молчали нѣсколько времени; наконецъ Ломоносовъ спросилъ :

— Есть-ли у насъ чпо нибудь обѣдашь?

Хриспина съ горькою улыбкою ошвѣчала :

« Есть, но очень немного. Кусокъ хлѣба, и попъ надобно оспавишь Миннѣ.

Молча взялъ Ломоносовъ со сшолы Квинпа Курція, подареннаго ему еще въ Законоспасской Академіи, и попомъ сказалъ :

— За эшо дадушъ нѣсколько грошей; покуда эшого и будешъ. А шамъ получимъ деньги.

Тяжело вздохнулъ онъ ошдавая Хриспинѣ книгу, для него драгоцѣнную. Самыя мрачныя мысли шемнили его голову, сжимали его душу. Въ шакомъ сосшояніи провелъ онъ съ полчаса, не могъ ничѣмъ занимашь, и наконецъ вышелъ изъ дому, освѣжишь себя чистымъ воздухомъ. Онъ шель, самъ не зная куда, и вдругъ услышалъ чей-шо знакомый голосъ :

« Ломоносовъ! Ломоносовъ! »

Онъ поднялъ голову : къ нему подходилъ Шпрингнадель, съ другимъ спуденшомъ. Ломоносовъ не видалъ его больше года : въ эшо время Шпрингнадель перемѣнился чрезвычайно, и его лицо, его выраженіе показывали челошва, сдѣлавшаго новыя успѣхи въ буйной жизни.

Онъ съ веселымъ видомъ ударилъ спараго знакомаго по рукѣ и вскричалъ :

« Ты , брапець , совсѣмъ забылъ меня !

— Я долго не былъ въ Марбургѣ.

« Гдѣ-же носился ты ?

— Путешествовалъ.

« Въ самомъ дѣлѣ ? Куда ? Зачѣмъ ?

— Ъздилъ во Фрейбергъ, учился тамъ.

« Чортъ возьми ! Ты безпрестанно учишься ! Давно-ли ворошился къ намъ ?

— Вчера.

« Э, брапець ! шакъ надобно выпить за твое возвращеніе.

Ломоносовъ съ непріятностію вспомнилъ о вечерѣ, проведенномъ имъ на пирушкѣ у Шпрингнаделя, и рѣзко сказалъ :

— Ты знаешь, что я далъ себѣ слово не пить съ тобой никогда.

« А ты еще не забылъ эшого ? Стыдись, брапець ! Я хотѣлъ тебѣ-же сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ , теперь мы не будемъ пить много : на проихъ одну бушылку.... Ксшаши мы подлѣ знакомаго погребщика.

Ломоносовъ согласился , можетъ быть даже пошому, чтобы опьязаться отъ Шпрингнаделя. Въ первый разъ вошелъ онъ въ подземное жилище , называемое погребомъ. Шпрингнадель , какъ обычный госпъ , велѣлъ подать бушылку вина и закуску. Ломоносовъ чувствовалъ и го-

лодь и жажду: онъ съ удовольствіемъ пилъ, ѣлъ, и не замѣнилъ какъ товарищъ его велѣлъ по-
дашь другую буылку. Вино прогнало его мрач-
ныя мысли. Живой разговоръ съ пріятелями,
кошорые были оба не глупые ребята, разсѣялъ
его еще больше, шакъ чшо онъ на время за-
былъ даже свое горе, и расшаваясь съ Шпринг-
наделемъ искренно благодарилъ его за эшо.

Домой возвратился онъ, чшо называется, въ
веселомъ расположеніи, и эшо состояніе чрез-
вычайно понравилось ему. На другой день, ко-
гда опяшь домашнія заботы окружили его, онъ
былъ готовъ искашь сотоварищесшва Шпринг-
наделя.

Въ крайней бѣдности провелъ онъ недѣлю,
безпрестанно мучимый мѣлкими заботами о
жизни. Продашь было нечего, пошому чшо кро-
мѣ нѣсколькихъ книгъ онъ не имѣлъ ничего, ни
даже лишней одежды. Безпрерывныя нападенія
мѣлкихъ займодавцевъ были довершены приспу-
помъ лавочника, кошорому Ломоносовъ задол-
жалъ довольно порядочную сумму. Эшошъ не-
сносный человекъ шребовалъ ея насшояштельно.
Напрасно умолялъ его Ломоносовъ подождать
еще нѣсколько времени: лавочникъ хошѣлъ по
крайней мѣрѣ уплашы, и въ прошивномъ случаѣ
грозилъ ему шюрьюю. Онъ ушелъ наконецъ; но
слово: *тюрьма*, зазвенѣло въ ушахъ бѣднаго
должника чрезвычайно непріятно.

— Вошъ чѣмъ должно кончиться эшо! — вскричалъ онъ. И въ головѣ его явилась пагубная мысль: прогнашъ свое горе виномъ. Онъ шопчасъ опсправился къ Шпрингнаделю, но, какъ челоѡкъ, незнакомый съ развратомъ, напередъ сыскалъ причину идши къ нему.

« Я попрошу у него денегъ займы: мнѣ шеперь дорогъ и одинъ шалеръ; а сверхъ шого, эшошъ весельчакъ прогонишъ мое горе. »

Онъ заспалъ Шпрингнаделя дома, и въ самомъ дѣлѣ, шопъ опдалъ ему всѣ свои деньги (нѣсколько шалеровъ), накормилъ его славнымъ завпракомъ, и оппустилъ ушѣшеннаго виномъ.

Обстояшельсшва Ломоносова поправились немного опъ эшого, но нравсшвенная сила его погибла. Онъ заплашилъ нѣкошорые долги и могъ просущесшвовашъ нѣсколько времени; но за шо при всякой непріятности шель къ друзьямъ, разгоняшъ свое горе. Дошло до шого, что даже послѣднія, чужія деньги онъ прашилъ иногда на бушылку вина, и сначала шайно опъ Хриспины, а пошомъ и при ней пилъ и веселился.

Нужно-ли говоришъ, какъ огорчало, какъ печалило эшо бѣдную его жену? Она покушалась иногда совѣшовашъ ему бросишъ своихъ безпорядочныхъ пріятелей, но Ломоносовъ не слушалъ ея. Въ минушы бурныя онъ спановился звѣремъ, и шогда бѣдная Хриспина принуждена

была укрываться отъ него, и плакать въ какомъ нибудь уголкѣ. Состояніе опца ея совершенно разстроилось, и это еще болѣе увеличивало ея ссраданія.

Такъ прошло нѣсколько времени. Хозяйство Ломоносова уже давно не существовало, долги увеличились болѣе прежняго. Но присущіе ума, но свѣтлыя помышленія не переспавали одушевлять его въ занятіяхъ ученыхъ и поэтическихъ. Онъ посѣщалъ Университетъ уже не такъ часто какъ прежде, но это было и не нужно, потому что курсы были всѣ пройдены, и онъ болѣе для удовольствія и развлеченія ходилъ иногда на лекціи. Но шѣмъ прилежнѣе занимался онъ теоріею Русскаго языка, и особенно стихотворства, въ которомъ открылъ ясныя законы. Часто писалъ онъ правильные, звучные стихи, переводилъ классическихъ стихотворцевъ подлинными размѣрами, и былъ въ восторгѣ отъ гибкости и рима своего роднаго языка. Такія упражненія помогали ему забывать непріятности существенной жизни, и возвращаться ко всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ, которыми было такъ богато его сердце.

Однажды Вольфъ увидѣлъ его въ Университетѣ и сказалъ :

— Пора вамъ ѣхать въ Гарцъ.

« Я готовъ, Г. Профессоръ; но вамъ извѣстно, что это зависитъ не отъ меня.

— Я дамъ вамъ денегъ на издержки: приходишѣ ко мнѣ завтра ушромъ.

Ломоносовъ явился по назначенію въ слѣдующее ушро, и Вольфъ вручилъ ему нѣсколько талеровъ. Эпошъ великій ученый, эпошъ славный философъ, имѣлъ свои расчепы дѣлая маленькое одолженіе, конечно не Ломоносову, а мѣсшу, ошъ кошораго шошъ зависѣлъ. Онъ любилъ деньги до такой степени, что по вызову Пепра соглашался ѣхашъ въ Россію не иначе, какъ за двойное прошивъ другихъ жалованье. Пепръ опшвергнулъ его пребованіе, и въ Пешербургѣ осшалось шолько преданіе о корышполюбіи Вольфа. Теперь, онъ хошѣлъ загладишъ эшо дурное впечатлѣніе, давая Русскому ученому свои деньги, кошорыя впрочемъ надѣялся вѣрно получишъ.

Но какимъ бѣднымъ пособіемъ были онѣ для Ломоносова! Обспояшельства принуждали его осшавишъ половину талеровъ Вольфа женѣ, и опсправляшъся въ Гарцъ пѣшкомъ! Онъ былъ радъ уйдши на время изъ города, въ кошоромъ угнетала его жестпокая бѣдность. Но онъ покидалъ шамъ жену свою и бѣдную малюшку! Онѣ осшавались на произволъ судьбы, пошому что кромѣ больнаго опца Хриспины, не было никого, кшо могъ-бы защишишъ ихъ ошъ несносныхъ кредитшоровъ, кошорые грозно поговаривали о своемъ долгѣ. Впрочемъ, Ломоносовъ надѣялся

пробывъ въ Гарцѣ не много времени, и по возвращеніи найдши наконецъ свое жалованье. Все эшо говорилъ онъ желая утѣшить свою Христину, хопъ самъ иногда переспавалъ вѣришь и судьбѣ, и посуламъ ея, и всѣмъ надеждамъ на будущее. Христина просила его шолько беречь себя и увѣряла, что она мужесшвенно перенесетъ новую разлуку съ нимъ. Они разспались. Сердцу Ломоносова было шажко.

Проходя черезъ Гёшпингенъ, онъ ошановилъ ся шамъ, осмошрѣшь учрежденный лишъ за нѣсколько годовъ Университетъ. Имя Рускаго и ученика Вольфа ошкрыло передъ нимъ двери эшого впослѣдствіи знаменишаго храма наукъ. Но и шогда въ немъ процвѣшалъ, еще юный и уже славный Галлеръ, шолько-же великій ученый, сколько ошличный поэтъ. Ломоносовъ зналъ спихошворенія его, и даже спарался подражашъ ему въ Русскихъ спихахъ. Бывши въ Гёшпингенѣ, онъ почелъ за долгъ явиться къ эшому знаменишому человѣку, и былъ принятъ съ обыкновеннымъ Галлеровымъ радушіемъ и любезноспью.

Послѣ разныхъ вѣжливоспей, Ломоносовъ сказалъ ему :

«Первое изданіе вашихъ спихошвореній было безъ имени авшора, но публика Нѣмецкая уже шакъ просвѣщена, что опъ нея не укры-

лись вы, и дарованіе нашло свою награду въ общей хвалѣ.

— Ахъ, ради Бога, не напоминайте о моихъ стихахъ! Эшо опышы первой молодосши. Я сжегъ большую часть ихъ, и жалѣю что не всѣ.

«Какъ! Неужели вы рѣшились опняшь у публики лишнее удовольствіе?»

— Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ей большое одолженіе, и всегда называю счастливымъ день эшого аупо-да-фе. Я какъ будто спыдился ворошишь на родину съ запасомъ плохихъ стихопвореній, и шеперь вовсе не пишу стиховъ.

«Неужели опказались вы опъ нихъ навсегда?»

— Пишу, но очень мало. Во время пупешествія по Англіи и Франціи, а еще болѣе учившись въ Лейденѣ, я развлекалъ себя стихами послѣ Медицинскихъ лекцій Альбинуса и Боэргава, или вспоминалъ въ нихъ объ опечеспвѣ. Въ родной Швейцаріи, при видѣ нашихъ горъ и долинъ, иногда я невольно брался за свою скромную лиру. Но здѣсь, Профессору Анапоміи и Бопаники не приходишь и въ голову писать стихи!

«А какое любопышное время для Нѣмецкой Словесности! Превосходный Гиншеръ недавно еще явилъ собой независимаго поэта. Мудрый Гошшедъ возспановляетъ шеперь у васъ испинный вкусъ. Гагедорнъ, вы....

— Обо мнѣ говоришь нечего: я знаю свое мѣсто. Но теперь мы только еще готовимся къ возрожденію.

— Мнѣ кажется, Словесность ваша уже шакъ богаша, обрабошана? . . .

« Признаюсь, я не вижу эшого; еще надобно обрабошать по всѣмъ часшамъ. Старые писатели наши не могушъ служишь для насъ примѣромъ; а новыхъ нѣтъ. Вы назвали Гиншера: онъ былъ конечно стихошворецъ съ дарованіемъ; но стихи у него больше счастливы нежели испинно прекрасны. Вы упомянули о Гопшедѣ: уважаю его доброе намѣреніе и даже пользу, какую онъ приносишь языку Нѣмецкому и направленію Словесности; однако не могу не соглашашься и съ землякомъ моимъ Бодмеромъ, копорый говоришь слишкомъ рѣзко, но едва-ли не справедливо.

— Извините, если я, иносстранецъ, худо знакомый съ Нѣмецкою Словесностью, осмѣлюсь замѣшишь: Гопшедъ восшановляешъ испинныя правила вкуса, предписанныя намъ Древностью.

« То есшь: хочешъ восшановляшь, и берешъ ихъ ошъ Французовъ, которые почно превосходны въ правильности языка и стихошворства. Но вошъ и единственная хорошая его сторона. Опица называешъ онъ образцомъ, не за просподушную вѣрность Нѣмецкаго вкуса, а за правильность его Александрійскаго стиха.

Бодмеръ и Брейшингеръ пропивопопоставляють этому Англійскую Словесность, но также односторонне, хоша и не безъ основанія, и также хвалять классическихъ и старыхъ Нѣмецкихъ писателей. Такимъ образомъ весь споръ выходитъ односторонній.

— Но чистота языка Гопшедова, по его Грамматическіе труды?

« Опадаю справедливость имъ, и жалю только, что Г. Гопшедъ съ супругою, вѣрною помощницей его, не имѣють никакого дарованія. Это губитъ все доброе въ ихъ трудахъ.

— Неужели не признаете вы въ Гопшедѣ никакого дарованія?

« Почти такъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы мнѣнія мои были не искренни: я не принадлежу ни къ Гопшедовой Лейпцигской, ни къ Бодмеровой Швейцарской партіи, которыя разделяють перья и занимають умы всей литературной Германіи.

Кажется, однакожь, что послѣдователей у Гопшеда болѣе нежели у Бодмера.

« Можетъ быть; но споръ еще въ самомъ сильномъ разгарѣ и рѣшится это трудно. Могу сказать однакожь, что на сторонѣ Бодмера большая часть людей съ дарованіемъ. Какъ ни желаетъ Гопшедъ привлечь къ себѣ моего друга Гагедорна, но шомъ хранивъ вѣрный не-

ушралипешъ, и я знаю, что никогда не будешь онъ Гошшедіанцемъ.

Разговоръ перешелъ къ спихошворнымъ размѣрамъ, копорые такъ-же не были въ то время ушпановлены у Нѣмцевъ, какъ лѣшъ черезъ спо у насъ, Рускихъ. Ямбъ владѣлъ у нихъ всѣми родами спихошвореній, и Ломоносовъ, вводя его въ Русское спихошворство, желалъ знашь мнѣніе о немъ Галлера. Тотъ былъ самъ приверженецъ Александрійскаго спиха и съ жаромъ доказывалъ прелесъ его. Не удивительно: его спихошворенія, по большей часши наполненныя нравспвенными изрѣченіями, такъ хорошо ладили съ эшимъ размѣромъ!

Ломоносовъ оставилъ Галлера, съ величайшимъ уваженіемъ къ его обширнымъ свѣдѣніямъ и благородной проспопѣ обхожденія.

Изъ Гёппингена онъ скоро пришелъ въ средопочіе горныхъ заводовъ Гарцскихъ, въ прелесный городокъ Клауспаль.

Рекомендательныхъ писемъ не было у него ни къ кому; но онъ зналъ, что въ Клауспаль находился тогда опличный Мешаллургиспъ, Бергъ-Рапъ Крамеръ; къ нему-то рѣшился онъ идши, и не ошибся въ успѣхѣ.

Крамеръ пламенно любилъ свою науку, и принималъ Русскаго путешеспвенника съ опверспыми объяніями. Ломоносовъ имѣлъ уже такія обширныя познанія въ Горномъ Искусствѣ, что

ему не нужны были теоретическія лекціи, и въ Гарцѣ пришелъ онъ единственно для практическихъ упражненій въ Металлургіи. Впрочемъ, съ большимъ любопытствомъ и съ пользою разсматривалъ онъ сочиненіе Крамера: *Объ Искусствѣ раздѣленія металловъ*, которое было совершенно къ печаше. По этому-то сочиненію прошелъ онъ вновь важную часть Металлургіи, и подъ руководствомъ Крамера началъ упражняться практически. Дальнѣйшимъ средствомъ къ усовершенствованію служили ему поѣздки въ разныя горныя заведенія, которыхъ въ Гарцѣ множество. Крамеръ самъ объѣзжалъ ихъ въ это время, и Ломоносовъ сопровождалъ ему. Порядокъ и опредѣленность въ занятіяхъ работниковъ, обширность и даже нѣкошорая роскошь многихъ заведеній, изумляли Ломоносова. Гарцскіе рудники и заводы конечно были тогда еще не на той степени совершенства какъ нынѣ, однакожъ они давно славились необыкновеннымъ устройствомъ своимъ. Цѣлое народонаселеніе прудился тамъ, и получаетъ богатое вознагражденіе за свой трудъ. Точность и порядокъ въ занятіяхъ его напоминающъ что-то военное. Работники одѣты большею частью одинаково и раздѣлены на равночисленныя общества.

Спрансвуя по горамъ, деревнямъ и городамъ Гарца, Ломоносовъ провелъ цѣлое лѣто.

Онъ подходилъ къ Брокену, и только непрерывныя занятія помѣшали ему взобраться на эту гору, знаменишую своею вышиною и славную по сказкамъ о Брокенскихъ вѣдьмахъ.

Наспала зима; поѣздки и пѣшеходства его прекрашились; надобно было возвратиться въ Марбургъ. Крамеръ былъ очень доволенъ прилежаніемъ, ученостью и всего болѣе проницательностью своего неожиданнаго ученика. Безъ всякой просьбы со стороны Ломоносова, онъ далъ ему самое лестное одобрительное свидѣтельство. Русскій путешественникъ изъявилъ душевную благодарность Нѣмецкому ученому за его доброжелательство, и за все, такъ великодушно, благородно сдѣланное для него. Они расшались.

Въ Марбургѣ, между тѣмъ, спрадала его Хриспина, угнетаемая бѣдностью и кредиторами. Она забыла все, когда увидѣла своего мужа; но лицо ея, прежде столь свѣжее, розовое, было теперь блѣдно, и на немъ ясно выражались слѣды душевныхъ ея спраданій. Ломоносовъ, обрадованный свиданіемъ съ нею, не спрашивалъ о домашнихъ обстоятельствеяхъ и поспѣшилъ на другой день узнать: прислано-ли наконецъ жалованье его?

«Прислано!» отвѣчалъ Вольфъ, отъ котораго онъ долженъ былъ узнать это, и которъ, по обыкновенію своему, ласково встрѣпилъ и

съ участіемъ спрашивалъ Ломоносова о путешествіи въ Гарцъ. Послѣ разговора довольно продолжительнаго, онъ вручилъ ему шрепное жалованье. Ломоносовъ спѣшилъ обрадовать Хриспину, и вбѣжалъ въ комнату показывая ей полученные имъ деньги.

« Вошъ онѣ, гадкія! Вошъ онѣ, эши проклятыя деньги. Ну, Хриспина, прежде всего, какъ порядочные люди, сообразимъ: сколько должны мы опдашь лавочнику, хлѣбнику, и всѣмъ, всѣмъ? »

Хриспина горько улыбнулась. Она спала сказывая ему свои долги: выходило, что полученныхъ денегъ не доспанешъ заплашишь и половину эшихъ долговъ.

« Ну, такъ мы заплашимъ сколько можемъ, пошому что надобно оспавишь что нибудь и для себя. »

— Конечно. Только всѣ кредитшоры наши шакъ давно ждали, что сдѣлались злы какъ собаки: едва-ли согласяшся они ждашь еще.

« Подождушъ и нѣ хошя! Но, для радости свиданья нашего, пригошовъ, Хриспина, сегодня хорошій обѣдъ, а я куплю бушылку добраго вина. »

Ломоносовъ какъ будто не испышалъ еще, что бѣдность не позволяешъ даже радовашься! Въ радости человекъ бываетъ щедръ, а бѣдность мспишъ за каждую копѣйку. Онъ нико-

гда не понялъ эшого, и всякій разъ, имѣя въ рукахъ деньги, гошовъ былъ распрашивать ихъ всѣ, шакъ чшо не доспавало и удивительной бережливоспи Хриспины для внезапныхъ, мгновенныхъ его расходовъ. Къ эшому прибавилось еще новое: Ломоносовъ уже привыкъ пипть вино, и часто издерживалъ на него послѣдній серебряный грошъ. Онъ привыкъ шакже погулять съ поварищами, съ пріятелями, и эшо вовлекало его въ новыя издержки. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя въ положеніи опчаянномъ.

Предвѣщаніе Хриспины сбилось. Кредишоры Ломоносова не охотно согласились ждашь, получивши только небольшую уплашу; но уже ни какъ не хошѣли они опсрочивашь далѣе назначеннаго времени.

Онъ еще имѣлъ средства изворачивашься нѣсколько времени, покуда они не приспустили къ нему сильнѣе прежняго, съ угрозою пожаловашься городовому начальству, какъ на не плащащаго должника.

«Дѣлайте, чшо хошите!» сказалъ имъ наконецъ Ломоносовъ, и они ушли, обѣщаясь придти на слѣдующій день съ полицейскимъ офицеромъ.

«Чшо мнѣ дѣлать, Хриспина?» спросилъ онъ у нея.

— Не знаю, милый другъ! Я могу только плакать съ шобой.

« Плакать! . . . Это у васъ , женщинъ , всегдашнее и всеобщее средство, » возразилъ съ нѣкошорымъ ожеспоченіемъ Ломоносовъ.

Хриспина изумилась и подняла на него глаза , блискавшіе слезами. Онъ потчасъ почувствовалъ несправедливостъ своего упрека , и бросился цѣловать ея руку.

« Проси меня , Хриспина ! Я право теряю разсудокъ отъ этихъ нестерпимыхъ обстоятельствъ. Мнѣ остается одно средство : бѣжать изъ Марбурга.

— Бѣжать? . . . Но что-же будешь съ своею Хриспиною , съ своею Минною ?

« Богъ защититъ васъ !

— О , милый другъ ! Не умножай горести моей , не уходи отсюда какъ бѣглець ! Я не перенесу этого.

« Но легче-ли будешь тебѣ , если меня посадятъ въ тюрьму ?

— Въ тюрьму ? О Боже ! . . .

Она закрыла глаза , сжала голову руками , и не могла произнести болѣе ничего.

« Успокойся , милая Хриспина ! Я еще постараюсь отвесить какъ нибудь эту грозу. Вѣрь по крайней мѣрѣ , что я не оставлю тебя.

Говоря это , онъ самъ не вѣрилъ словамъ своимъ и твердо рѣшился — бѣжать въ Россію. Но какъ сдѣлать это ? Какъ дойдти до Петербурга ? Онъ изобрѣшалъ разные планы и нако-

нець остановилъся на одномъ: иди въ Голландію или въ Любекъ, ближайшія мѣста, гдѣ находились Русскіе Резиденцы, и просишь у нихъ заспупленія.

Можешъ бышь, Ломоносовъ не вдругъ-бы вздумалъ эшо, если-бы видѣлъ какое нибудь средство избавишься ошъ своихъ преслѣдовашелей. Но на другой-же день явился полицейскій чиновникъ. . . . Появленіе его привело въ ужасъ Хриспину; Ломоносовъ вспрѣшилъ его съ величайшею пвердосью.

Полицейскій объявилъ ему пребованіе кредиторовъ, и сказалъ, что законъ позволяешъ должнику воспользоваться еще према днями отсрочки, но по испеченіи эшого времени подвергнешъ его заключенію. Ломоносовъ отпвѣчалъ, что онъ посшупитъ сообразно своимъ общошпельспвамъ.

Покуда гроза была еще хошь въ нѣкошпоромъ отдаленіи, присупспвіе духа не отпавляло его. Но шупъ, жестокая шоска и самыя гореспныя ощущенія наполнили его душу.

«За что-же смѣешься надо мной ты, судьба?» подумалъ онъ. «Чѣмъ заслужилъ я шакое безжалосшное гоненіе? Не ты-ли вывела меня изъ сѣверныхъ лѣсовъ моей родины, пособляла мнѣ побѣждашь всѣ прудноспи моего пуши, возвысила, очиспила мой умъ, и теперь хочешь кинуть въ шюрму Нѣмецкой полиціи? Довольно

нищенствовалъ я : надобно, чтобы я испыталъ еще и тяжесть заключенія. О, это ужь слишкомъ ! Я не вдругъ поддамся шебѣ. . . . Жаль, горько мнѣ оставишь Хриспину съ бѣдною нашею Минною въ такомъ ужасномъ положеніи.... Но, дѣлашь нечего ! Сегодня-же ночью надобно бѣжать опъ нихъ. Впрочемъ, и пора избавишься мнѣ опъ эпой тягостной, невыносимой жизни. Чего ждашь ? Академія какъ будто забыла обо мнѣ, и я, обогащенный теперь всякими познаніями, остаюсь безъ куска хлѣба, на порогѣ шюрмы ! . . . Прекрасно бышь такимъ ученымъ человекомъ ! . . . Хорошо бышь супругомъ, опцомъ, и — помишь голодомъ свое семейство ! Правду сказашь : семейная жизнь. . . . О, судьба дорого продаешь намъ каждое наслажденіе ! »

Такъ безпорядочно, несвязно, опчаянно размышлялъ Ломоносовъ одинъ, самъ съ собою. Но при женѣ онъ умѣлъ показаться почти веселымъ, и провелъ съ нею послѣдній вечеръ въ непрерывныхъ разговорахъ. Онъ увѣрялъ ее, что скоро прекращаясь всѣ непріятности ихъ положенія, что скоро надобно будетъ ему возвратишься въ Россію, а пріѣхавши шуда они заживушь мирно и счастливо. Хриспина казалась спокойною : можетъ бышь она въ самомъ дѣлѣ вѣрила словамъ мужа, кошорый гошовился оставишь ее черезъ нѣсколько часовъ. Но самъ Ломоносовъ едва не пошерялъ своей швердо-

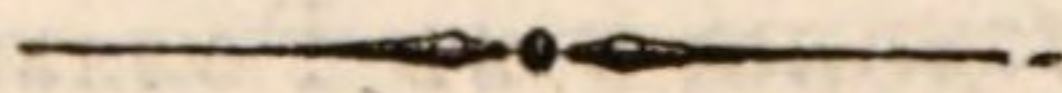
спи, когда маленькая дочь его прощалась съ нимъ, ложась спать. Мысль: что онъ долженъ оставишь это милое, безпомощное существо, оставишь надолго и почти безъ пропитанія — эта мысль расперзала его.

Онъ улучилъ минушу и написалъ нѣсколько строчекъ женѣ своей, гдѣ увѣдомлялъ ее о своемъ бѣгствѣ, просилъ не опчаяваясь, и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней дать о себѣ извѣстіе.

Послѣ этого, съ какимъ-то непонятымъ для него самого спокойствіемъ, онъ легъ заснуть. Но сонъ его былъ не продолжителенъ. Часу въ двѣнадцатомъ онъ вспалъ. Хорошая жена его и маленькая дочь спали крѣпкимъ сномъ невинности. Онъ одѣлся въ обыкновенное свое платье, и накинулъ на плеча вѣхій свой плащъ. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на милыхъ его сердцу, благословилъ ихъ, и бросивъ на столъ приготовленную имъ записку о своемъ бѣгствѣ, вышелъ.

Вспомнимъ, что онъ пускался въ далекій, безвѣстный путь, не имѣя въ карманѣ ни одной копѣйки; что онъ оставлялъ жену и дочь въ нищестѣ, на произволъ своихъ кредиторовъ, и могъ понимать весь ужасъ пробужденія Хришины; что наконецъ онъ самъ не зналъ, когда и чѣмъ окончится это странное сцѣпленіе обстоятельствъ, и тогда только мы поймемъ,

съ какими чувсвами вышелъ онъ изъ своего жилища, и что чувствовалъ проходя по опустѣлымъ улицамъ Марбурга! Разумѣется, что, скрывая побѣгъ свой, онъ не простился ни съ Вольфомъ, ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ. И до того ли было ему, когда въ послѣдніе дни сколько жестокихъ ощущеній терзали его сердце?

Глава XIV.

Темноша не мѣшала несчастному бѣглецу идши всю ночь. Она была для него оправданіе свѣша, въ кошоромъ думалъ-бы онъ видѣшь обличишеля своего ужаснаго соспоянія.

Онъ шель по дорогѣ въ Голландію, не останавливаясь, не чувсшвуя голода, и шолько на другой день упалъ на праву, пошому что уже не имѣлъ силъ. Мрачныя мысли бродили въ его головѣ безпорядочно; шоска грызла его сердце. На минушу забылся онъ сномъ, и вскочилъ, не съ ободренными силами, но въ какомъ-шо раздраженіи, кошорое долго можешъ поддержи-вашъ въ челошкѣ дѣяшельносшь. Онъ пуспился опяшъ въ свой пущъ, иногда опдыхалъ, но не заходилъ въ деревни, спѣша впередъ.

На шрепій день, около вечера, заблишпалъ передъ нимъ, вдали, серебришый Рейнъ. Вечеръ приближался очаровашельный: солнце шихо ка-шилось за горизонтъ, и вся природа, какъ буд-шо послѣ радосшнаго шруда, начинала опды-

халь, свѣжѣла, дышала жизнью. Благоуханіе травъ, цвѣтовъ, роскошная зелень деревъ, пѣніе веселыхъ пшичекъ въ воздухѣ и рощахъ, и это неизобразимое спокойствіе, которое шакъ плѣнишельно въ полѣ, вечеромъ, послѣ жаркаго дня, все это могло разсѣять самыя черныя думы; но Ломоносовъ глядѣлъ на окружающую его природу и на прелести ея равнодушно, даже съ какою-то зависью, будшо на красивую кокетку, которая, занимаясь своимъ нарядомъ, не помнишь что въ мірѣ есть несчастливцы. Ему было досадно слышаніе нѣжное щебешанье пшичекъ, казалось, насмѣхавшихся надъ его горестью; его не занимали миловидные ландшафты по сторонамъ, и величественное зрѣлище рѣки впереди.

Невольно однакожь дошелъ онъ до самаго берега Рейна, и когда тихое плесканье его, когда нѣжная синева его и свѣжее дыханіе волнъ подѣйствовали на изнуренныя чувства спранника, онъ остановился. Мало читалъ онъ поэтическихъ описаній этой рѣки, но онъ былъ самъ поэтъ, и гармонія души съ величественнымъ зрѣлищемъ Рейна произвела въ немъ какое-то препенаніе, посшепенно перешедшее въ тихій восторгъ. Онъ любовался, восхищался, радовался неожиданнымъ для него шоржесшвомъ великолѣпной природы; онъ понялъ восторженныя рассказы и любовь прибрежныхъ Рейнскихъ

жишелей къ своей рѣкѣ, и съ сожалѣніемъ вспомнилъ, что ему надобно идти далѣе.

« Но я не пойду въ городъ! не хочу нарушать моего впечатлѣнія! » сказалъ онъ. « Люди пошчасъ напоминашъ неизбѣжныя съ ними бѣдствія; а мнѣ долго ждашъ такой не возмущенной минушы спокойствія. »

Онъ въ самомъ дѣлѣ не пошелъ въ городъ Диссeldorfъ, находящійся при впаденіи Дисселя въ Рейнъ, и бывшій очень близко отъ него. Ошдохнувши шѣломъ и духомъ подлѣ Рейна, онъ пустился по берегу его, вправо. Но самый эпощъ ошдыхъ пробудилъ въ немъ силы, и заставилъ его почувствовать сильнѣйшій голодъ, шѣмъ больше, что уже прешій день онъ не ѣлъ ничего. Надобно было остановишъся ошощедши не далеко отъ Диссeldorfа, въ первомъ посояломъ дворѣ. Новое препятствіе: несчастный бѣглець не имѣлъ ни копѣйки, шакъ что ему не на что было купишъ куска хлѣба. Однакожь онъ вошелъ въ посоялый дворъ, и въ общую комнашу его. Тушъ сидѣло нѣсколько человекъ военныхъ, и за особеннымъ споломъ хозяинъ. Ломоносовъ подошелъ къ нему и попросилъ — куска хлѣба!

« А кружку пива прикажете? » спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ. Я и за кусокъ хлѣба не могу вамъ заплашишъ: возьму, если дадите мнѣ его даромъ.

« То ешь *въ милостыню*? . . . Ну, такъ и говорилъ-бы! А то еще спрашиваешь, какъ будто за деньги.» Ошрѣзывая кусокъ хлѣба, хозяинъ прибавилъ: « Да, куда-же это идешь ты, пріятель?»

Ломоносовъ не зналъ, что ошвѣчать на эшоу вопросъ, и наобумъ сказалъ:

— Тупъ, около Везеля, деревня, гдѣ живушь мои родишели: я иду къ нимъ.

« А ошкуда?»

— Изъ Марбурга. Тамъ учился я въ Университетѣ, и вы видите во мнѣ бѣднаго студента.

Между тѣмъ хозяинъ далъ ему кусокъ хлѣба, и Ломоносовъ, поклонясь, хошѣлъ ушлись свой голодъ, когда ошъ сполла, за кошорымъ сидѣли военные, загремѣлъ полсшый басъ:

— Садись лучше съ нами поужинашь!

Ломоносовъ оборошился шуда, и увидѣлъ, что это говорилъ офицеръ, дородный, веселый, съ длинными усами.

— Садись, Г. студентъ, къ намъ за споль! Мы, люди военные, рады дѣлишься всѣмъ съ добрыми людьми. Оспавъше эшого шоргаша, скареда, іуду!

« Милосши просимъ!» загремѣло еще нѣсколь-
ко голосовъ.

Ломоносовъ охотно подсѣлъ къ нимъ, и началъ ѣсть съ перваго блюда, которое подали ему.

— Эшопъ мерзавецъ, нашъ хозяинъ, только и думаешь о деньгахъ! А вѣдь поѣсть у него нечего!

«Г. офицеръ! за что-же вы изволише бранишься?» сказалъ оскорбленный хозяинъ.

— Молчи, іуда!— закричалъ офицеръ.— Подай сюда бупылку вина.

И хозяинъ смиренно пошелъ исполнять его волю.

— Право, не лѣзя иначе говоришь съ эшими хрисшопродавцами: ругнешъ его, шакъ онъ и слушается.

Уполивъ первый голодъ, Ломоносовъ осмошрѣлся и увидѣлъ, что, кромѣ офицера, за столомъ сидѣло еще нѣсколько человѣкъ солдатъ, испинныхъ рейшаровъ Фридриха II-го. Они уже всѣ, какъ видно, кончили свой ужинъ, и попивали вино и пиво.

— Нѣшъ въ свѣшѣ лучше людей, какъ нашъ брашъ военный!— сказалъ офицеръ, наливая Ломоносову вина.— Жизнь привольная, служба молодецкая; у Короля мы первые любимцы; только и забошы, что угодишь ему, а потомъ погуляшь да попишь.

«Я почи въ первый разъ имѣю удовольствіе бесѣдовать съ военными,» сказалъ Ломоносовъ;

«но глядя на васъ, вѣрю вамъ. На свѣтѣ рѣдко встрѣпишь привѣпливосшь и радушіе.

— У насъ всѣ привѣптивы! Да и о чемъ шу-
жишь? Опець-Король думаетъ за насъ и даетъ
намъ все: и деньги, и кварширу, и хлѣбъ, и
вино! Эхъ, да славная жизнь! Ребяша! Круго-
вую рюмку.

Вахмиспръ взялъ не почашую бупылку со
спола, сбилъ съ нея палашемъ горлышко и роз-
лилъ всѣмъ въ спаканы. Разумѣешся и Ломоно-
сову.

«За здравіе Его Королевскаго Величеспва,
Фридриха II-го!» возгласилъ офицеръ подымая
спаканъ.

— За здравіе! — повпорили всѣ солдашы.

«Пейте-же по нашему,» сказалъ офицеръ, под-
ливая Ломоносову еще вина.

Между шѣмъ у пиракширщика брали все, что
было у него лучшаго изъ кушанья, и усердно
подчивали Ломоносова. Онъ уже давно уполилъ
свой голодъ и ѣлъ нѣ хопя, но вино возбуж-
дало его аппепійшь. Наконецъ, уподчиванный,
онъ и самъ воскликнулъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, я ужъ давно не бывалъ
шакъ веселъ, какъ съ вами, господа!... За здо-
ровье ваше!»

— Чокнемся по-брапски! — закричали солдашы.

«Ну, послушай, товарищъ!» сказалъ офицеръ.
«Хочешь-ли бышь нашимъ брапомъ, солдашомъ?»

— Солдашомъ? нѣшъ, нѣшъ, господà!

«А шы самъ сказалъ, что шебѣ не на что ку-
пить куска хлѣба?»

— Эшо правда.

«Возьми денегъ!» Офицеръ вынулъ изъ кар-
мана горсть серебра и положилъ ее передъ
Ломоносовымъ.

— Нѣшъ, господà! Чужаго не хочу.

«Эшо швое: я не возьму назадъ, когда вы-
нулъ изъ кармана.

Ломоносовъ задумался; сонъ клонилъ его;
солдашы бросились обнимать и цѣловать его.
«Братъ! поварищъ! другъ!» кричали они ему
безпрестанно.

Но Ломоносовъ уже едва слышалъ слова ихъ
и ничего не понималъ; онъ вскорѣ заснулъ крѣп-
кимъ сномъ.

«Ну, ребяша! проворнѣй! Нашивайше ему
красный ворошникъ,» сказалъ офицеръ.

—А, а! попался, пріятель!—говорили солдашы
исполняя приказаніе своего командира.

«Суныше ему и деньги въ карманъ,» сказалъ
офицеръ.

Такимъ образомъ, не думая, не гадая, Ломо-
носовъ завербовался въ Прусскіе рейшары. Из-
вѣстенъ эшопъ сшранный обычай Прусскихъ
войскъ: сшарались уподчивать, напоишь не-

опышнаго молодаго челоѣка, и попомъ объявляли его солдапомъ. Такъ случилось и съ Ломоносовымъ.

На другой день, онъ вспалъ, и удивился взглянувши на красный ворошникъ свой. « Чшо эшо значишь ? » подумалъ онъ и съ шрудомъ припоминалъ о своей пирушкѣ съ солдапами. « Они вѣрно хошяшъ посмѣяшъся надо мной. » Но въ кармапъ его бракнули деньги, шѣ, копоры-ми дарилъ его офицеръ. « Эшо ужъ не походишь на шушку, » подумалъ онъ и вышелъ изъ ком-нашы. Тамъ окружили его рейшары, и Вах-миспръ съ веселымъ видомъ сказалъ :

« Ну, брашъ-шоварищъ, поздравляю ! . . . Кла-няйся господину командиру, » прибавилъ онъ, увидѣвъ идущаго къ нимъ офицера.

— Какому командиру ? — спросилъ съ досадою Ломоносовъ.

« Господину офицеру ! »

— Какой-же онъ командиръ мнѣ ? возразилъ Ломоносовъ.

Между шѣмъ офицеръ подошелъ и сказалъ своимъ громкимъ голосомъ :

« А, новый шоварищъ ! Ну, я увѣренъ, что ты будешь храбрый солдапъ ! Почитай за счастье, что ты шеперь въ Прусскомъ войскѣ, и по-спарайся заслужишь имя нашего собрата. Прус-скіе воины первые въ мѣрѣ, а ты шеперь по-

же Прусскій солдашъ. Вахмиспръ! прими его въ команду.»

Проговоривъ эшо, онъ пошелъ далѣе.

Ломоносовъ слушалъ его, и не понималъ, о чемъ идетъ дѣло. Но солдашы безпреспанно называли его брашомъ, шоварищемъ, и онъ съ нестерпѣніемъ воскликнулъ :

— Какой я брашъ вамъ? я Рускій, и не го- жусь вамъ въ родню.

«Ты, видно, еще не проспался!» грозно закри- чалъ на него Вахмиспръ. «Или забылъ, что вчера побрашался съ нами?»

— Я побрашался съ вами? . . . Такъ вы при- вязываешесь къ эшому слову?

«Нѣшъ, вчера, при всѣхъ шоварищахъ, шы пиль круговую рюмку и вшупиль въ Королев- скую службу; билъ по рукамъ съ Г-мъ Поручи- комъ; взялъ деньги, пиль за здоровье нашего полка! Развѣ мало всего эшого?»

— Такъ вы за рюмку вина хошите сдѣлать меня Прусскимъ солдашомъ?

«Да и сдѣлаемъ: шы будешь славный солдашъ; шолько не унывай и не думай ни о чемъ. Тебѣ у насъ полюбишся, и шы годишься на коня. . . .

—Подише вы къ чоршу!— вскричалъ Ломоно- совъ.—Не хочу я ни коня вашего, ни брашства!

«А, шакъ эшакъ-шо? Посшой, я усмирю тебя!» сказалъ Вахмиспръ и замахнулся на него фух- шелемъ.

Двое солдашъ схватили его за руки. . . . но Вахмиспръ удержалъ ударъ.

— Будешь-ли служишь вѣрой и правдой Его Королевскому Величеству?—спросилъ онъ.

« Буду, буду ! » отвѣчалъ Ломоносовъ.

— То-по-же ! — сказалъ Вахмиспръ.

Ломоносовъ видѣлъ, что надобно покориться глупой необходимости; но пусть-же онъ твердо рѣшился избавишься отъ новыхъ своихъ мучителей.

Новобранныхъ рекрутовъ , въ томъ числѣ и Ломоносова , отправили въ крѣпость Везель, для обученія военной службѣ. Вахмиспръ былъ ихъ провожающимъ , и сдалъ бѣдныхъ молодыхъ людей другому, шакому-же опытному служакѣ. Ломоносовъ употребилъ это въ пользу. Въ новой командѣ онъ пришиворился спрасно полюбившимъ военную жизнь, и спалъ занимаешься ученьемъ солдашской экзерциціи. Казалось ему, что за нимъ присматривающъ спроже чѣмъ за другими рекрутами. Но онъ разсѣялъ всѣ подозрѣнія своимъ веселымъ видомъ и ревностью къ службѣ. Впрочемъ, вырваться изъ этого шягосшнаго , внезапнаго плѣна, было довольно прудно. Вмѣстѣ съ другими солдашами, Ломоносовъ жилъ, правда, не въ самой крѣпости, а въ казармѣ близъ вала ; но по валу были разсавлены часовые. Въ опредѣленное время на-

добно было вснавать и проводить цѣлый день въ ученьѣ. Вечеромъ строгость увеличивалась: обходы, перекликиванья, дозоры ошымали всякую мысль о бѣгствѣ. Но чего не сдѣлаешь человѣкъ, рѣшившійся лучше пожертвовать своею жизнью, нежели оспаться въ чуждомъ, неперпимомъ для него состояніи!

Ломоносовъ щашельно и незамѣпно для другихъ осмопрѣлъ валъ, довольно высокій и покашый съ обѣихъ споронъ. Въ казармѣ, гдѣ спалъ онъ съ поварищами, было окно въ задней стѣнѣ, къ валу. Но за валомъ былъ наполненный водою ровъ, и далѣе шли внѣшнія укрѣпленія. Трудно пробраться черезъ такія преграды невидимкой! Однако Ломоносовъ не терялъ надежды, и началъ шѣмъ, что всякій вечеръ ложился спать раньше всѣхъ поварищей, такъ, что когда другіе были еще въ первомъ снѣ, онъ уже просыпался. Сначала, надъ сонливостью его насмѣхались; но черезъ нѣсколько дней привыкли къ ней и уже не обращали вниманія на то, что приходя съ учебной площади, онъ кидался на нары и храпѣлъ.

Наспали темныя ночи, которыхъ дожидался онъ неперпѣливо. Въ одну изъ такихъ ночей, Ломоносовъ пробудился часу въ двѣнадцатомъ. Всѣ вокругъ него спали мертвымъ сномъ. Дерзкій рѣшился немедленно исполнишь свое намѣреніе. Онъ вслушался еще разъ: спашъ. При-

звавъ на помощь Бога , онъ подошелъ къ заднему окну и вылезъ въ него , такъ тихо , что самъ не слыхалъ своихъ движеній. Но , вошъ , впереди валъ ; зная , въ какихъ мѣстахъ обыкновенно спояпъ на немъ часовые , Ломоносовъ поползъ въ самомъ далекомъ отъ нихъ разспоянїи , поползъ для того , чтобы они и въ шемношѣ не могли замѣшшъ опаснаго его путешествїя. Взобравшись на вершину вала , онъ также ошпорожно спускался по другой спорошѣ его. Наконецъ , споя на землѣ , онъ вспрѣшилъ самое важное препяшшвїе: глубокій ровъ , наполненный водою. Но это препяшшвїе было предвидѣно имъ , и онъ , ни мало не задумываясь , бросился во всемъ плашѣ въ воду. Такїя ли массы водъ случалось переплывать урожденцу береговъ Сѣвернаго моря ! Онъ шощасъ переплылъ черезъ ровъ , вышелъ на другой берегъ его , и тихо пробрался мимо внѣшнихъ укрѣпленїй и равелина. Чрезвычайно запруднили его коншрѣ-эскарпъ , покрышый ходъ , палисадъ и гласисъ. Но всѣ эти препяшшвїя и опасности вскорѣ ошпались позади его : онъ очутился въ полѣ , и бросился бѣжать , для того чтобы скорѣе перейдши за Прусскую границу , до кошорой ошавалось гораздо болѣе мили.

Почши цѣлую миль бѣжалъ онъ не останавливаясь , и забывая , что плашье на немъ было мокро , послѣ купанья во рву. Силы начинали

уже оставлялъ его , когда на разсвѣтѣ услышалъ онъ пушечный выстрѣлъ въ крѣпости : обычный знакъ о бѣжавшемъ новобранцѣ. Онъ зналъ, что послѣ этого немедленно отправляется погоня во всѣ стороны , зналъ и то, какое ужасное наказаніе ожидаетъ его вслучаѣ поимки. Спрахъ придалъ ему новыя силы и онъ пустился бѣжать сильнѣе прежняго.

Но кто представивъ себѣ ужасъ несчастнаго бѣглеца , когда оглянувшись , онъ увидѣлъ скачущаго вдаль челоуѣка ! Правда , нѣскольکو десяшковъ сажень оставалось до границы, но гнавшійся за нимъ скакалъ во весь опоръ, и могъ настичь его. Съ невѣроятнымъ усиліемъ пустился Ломоносовъ впередъ, не слыша подъ собою ногъ, и такъ быстро миновалъ пространство, раздѣлявшее его отъ границы, что успѣлъ не только перебраться черезъ нее, но даже вбѣжать въ находившійся не подалеку лѣсъ. На землѣ Веспфалии онъ былъ уже безопасенъ, и эта мысль какъ будто ошнела у него мгновенно всѣ силы. Онъ упалъ, благодарилъ Бога за свое избавленіе, и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ новую бодрость.

Спрахъ его былъ еще такъ великъ , что и на землѣ, уже не принадлежавшей Пруссіи, онъ не смѣлъ войти въ селеніе, а обошелъ его лѣсомъ. Тамъ, въ глуши, въ чащѣ остановился онъ и спалъ сушивъ свое мокрое плащье, отдыхавъ,

и въ то-же время думашь о странномъ своемъ приключеніи.

«Что-же такое было эшо?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Къ чему эша новая игра судьбы надо мной? Неужели въ самомъ дѣлѣ я попался было въ Прускіе солдапы, и могъ оспашься на вѣкъ въ рядахъ Фридриховыхъ воиновъ? Да! эшо такъ: я былъ завербованъ и принужденъ служишь солдапомъ! Только опчаянное бѣгспво спасло меня. А съ какими опасностями было соединено эшо бѣгспво! И что, если-бы я попался опашь въ когши Прускихъ служивыхъ? Они прогна-ли-бы меня сквозь спрой и ужь покрѣпче упряшали-бы куда нибудь! Тогда, прощай Михайло Ломоносовъ! Ты на вѣкъ оспался-бы чужеземцемъ, и вся жизнь пвоя прошла-бы въ помилельныхъ шрудахъ. Но я былъ на волось опъ эшого, и еще шеперь не вѣрю самъ себѣ, что избавился опъ палки Вахмиспра. Къ чему-же было эшо новое испытаніе, эшопъ шяжкій урокъ? Неужели для шого провель я пашнадапъ лѣпъ за книгами, въ обласпи наукъ и фаншазіи, чтобы подвергнуться послѣ эшого военной службѣ, и можешъ бышь на вѣкъ оспашься въ ней? Нѣпъ, эшо новая насмѣшка судьбы, кошорая ведешъ меня къ какой-то цѣли, но такъ странно, такъ оплично опъ всѣхъ другихъ людей, что я не знаю какъ назвашь и какъ обьяснись эшо. И долго-ли еще буду я

спранникомъ , нахлѣбникомъ въ мірѣ и обществѣ ? . . . Да , правду сказать , теперь судьба моя не завидна . До цѣли еще далеко , а между тѣмъ я не знаю , буду-ли сытъ сегодня , и какъ спану пишаться въ слѣдующіе дни ! . . . »

Въ самомъ дѣлѣ , у Ломоносова не на что было не только пообѣдать , но и купить кусокъ хлѣба . Деньги , данныя ему офицеромъ во время вербовки , послѣ опобрали у него въ аршельную сумму , и онъ бѣжалъ съ пустыми карманами . Но это состояніе казалось ему теперь такимъ счастьемъ , что онъ радовался ему и беззаботно предавался своей будущности . Благодушельный сонъ овладѣлъ имъ . Проснувшись уже за полдень , Ломоносовъ бодро вспалъ , и если не съ весельемъ , то по крайней мѣрѣ съ новою живостью вышелъ изъ лѣсу . Въ первой крестьянской хижинѣ , копорая встрѣтилась ему , онъ попросилъ *изъ милости накормить его* , и назвалъ себя Саксонскимъ бѣднымъ студентомъ . Добрые жители не спрашивали его болѣе , и поставили передъ нимъ сытный обѣдъ .

Онъ продолжалъ свой путь и далѣе , черезъ Голландію , вездѣ называясь бѣднымъ Саксонскимъ студентомъ .

И шакъ Ломоносовъ опять долженъ былъ пишаться *милостынею* , *подаваніемъ* ! Человѣкъ , обнимавшій умомъ своимъ цѣлый міръ , поэтъ .

которымъ восхищалась въ послѣдствіи вся Россія, первоклассный ученый, особенно между современниками, словомъ, геній, какіе рѣдко являющіеся на землѣ—просягивалъ руку, просилъ подаянія и милосердія! Онъ принужденъ былъ или умереть съ голоду, или употребить это ужасное средство для своего пропитанія!

Спранная судьба великаго человѣка!

Пушъ Ломоносова лежалъ черезъ Аригеймъ и Упрехшъ въ Амстердамъ, гдѣ надѣялся онъ найдши Россійскаго Посланника и хотѣлъ просить его о возвращеніи своемъ въ отечество. Надобно-ли описывать, сколько труда, утомленій, непріятностей долженъ былъ онъ вытерпѣть въ этомъ беззащитномъ странствованіи? Бѣдный скишалець не могъ остановиться нигдѣ, и безъ вниманія проходилъ черезъ красивые, богатые города. Почти не видалъ онъ, пошому что не хотѣлъ и не могъ видѣть, ничего до шѣхъ поръ, пока передъ нимъ не замелькали громадныя зданія Амстердама.

«Здѣсь найду я успокоеніе и отдохну душой и шѣломъ!» сказалъ онъ самъ себѣ, вступая въ этотъ городъ.

Глава XV.

Въ Амстердамѣ Ломоносовъ пошчасъ описалъ Россійскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ, Ольдекопа, и немедленно попросилъ у него свиданія.

«Вы Рускій, и пришли сюда пѣшкомъ изъ Марбурга?» спросилъ Ольдекопъ, вышедши къ нему. «Такъ по крайней мѣрѣ сказали мнѣ о васъ?»

— Я шакъ и просилъ доложить о себѣ, Г. Миниспръ.

«Какимъ-же образомъ попали вы въ Марбургъ и зачѣмъ пришли сюда?»

Ломоносовъ въ короткихъ словахъ объяснилъ ему свою исторію и свои странствованія; описалъ при томъ свидѣтельствва ошъ Петербургской Академіи и шѣхъ мѣсшъ, гдѣ учился въ Германіи. Онъ не забылъ взять ихъ съ собой изъ Марбурга и сохранилъ во время пути.

— Я увѣренъ, Г. Министръ — прибавилъ онъ — что вы окажете милоспивое вспомошеспво-
ваніе мнѣ; болѣе не имѣю никакой надежды.

«Прежде всего прошу васъ не называешь ме-
ня Министромъ: я только Повѣренный въ дѣ-
лахъ Россійскаго Двора, а Полномочный Ми-
нистръ, Графъ Головкинъ, живешь въ Гагѣ. Но,
скажишь, чѣмъ могу я бышь вамъ полезенъ?»

— Совѣщусь, но долженъ просишь васъ: доз-
волишь мнѣ опдохнуть нѣсколько дней въ ва-
шемъ домѣ. . . .

«Объ эшомъ не нужно и говоришь: васъ у-
спокояшь какъ только можно лучше. Но что
пошомъ?»

— Я желалъ-бы поскорѣе возвращишь въ
Россію, и въ эшомъ случаѣ прибѣгну опять къ
вашему покровишельспву.

«Жаль, что эшо не опъ меня зависишь. Я
обязанъ сносишь обо всемъ съ Посланникомъ,
и пошому надобно подождатьъ, покуда получу
на вашу просьбу опвѣшь опъ Графа Головки-
на. Я напишу къ нему немедленно.

— Не смѣю ничего и желаю больше.... Но,
не позволишь-ли, Ваше Превосходишельспво,
мнѣ самому опвезти письмо ваше къ Графу?

«Эшо еще лучше! Здѣсь, по каналамъ и рѣ-
камъ, сообщенія шакъ легки, что вы скорѣе
всякаго курьера будешь въ Гагѣ.

— Благодарю васъ за милоспивое вниманіе къ моей просьбѣ. Признаюсь шолько, что у меня нѣтъ ни копѣйки денегъ, шакъ что я не могу не шолько ѣхать, но и сущесшвовашъ безъ вашего благодѣштельнаго пособія.

«Денегъ на проѣздъ я могу дашь вамъ,» сказалъ Ольдекопъ. «Теперь отдыхайте покуда, а между тѣмъ я велю опыскашь попушную шлюпку.

На другой-же день была гошова къ опыплышю одна шлюпка, и Ломоносовъ опыправился на ней, вмѣспѣ съ нѣкошорыми другими пушешесшвенниками, въ Гагу.

Пушешесшвіе по каналу, идущему черезъ Гарлемъ и Лейденъ, не предсшавляло ничего занимаштельнаго. Русскій пушешесшвенникъ не успѣлъ заглянушь даже въ Университетъ, находящійся въ послѣднемъ изъ эшихъ городовъ. Но тѣмъ скорѣе прибылъ онъ въ Гагу.

Тутъ Ломоносовъ долженъ былъ явишься къ Русскому Посланнику, Графу Головкину, и пріемъ у знаменишаго вельможи не былъ похожъ на пріемъ у Ольдекопа, кошорый, при всей вѣжливосши и услужливосши къ бѣдному Русскому студеншу, спарался шолько не выйдши изъ границъ своей власши. Напрошивъ, Посланникъ принялъ своего земляка шочно какъ Рускій, какъ умный Бояринъ, воспитанникъ Пешіровой школы. Онъ шщашельно распросилъ Ломоно-

сова о цѣли, съ какою Академія отправила его, разсмотрѣлъ одобришельныя свидѣтельсшва, данныя ему Генкелемъ, Крамеромъ, и осшано-вился на шомъ, почему не имѣешъ онъ также свидѣтельсшвъ опъ Марбургскихъ Профессоровъ и особенно опъ Вольфа?

Ломоносовъ признался ему, что онъ бѣжалъ изъ Марбурга, опъ долговъ, за копорые хошѣли посадишъ его въ шюръму.

— А развѣ шы не получалъ опъ Академіи денегъ на содержаніе себя?

«Получалъ, Графъ, но на себя одного, а не на семейсшво. . . .»

— Какое-же у тебя семейсшво въ Марбургѣ?

«Я женился шамъ. . . .»

— Женился?... Впрочемъ, эшо дѣло хорошее, хошя и не кспаша сдѣланное, если нечѣмъ было кормишъ жену. Какъ-же осшавилъ шы ее?

«Въ домѣ опца и на произволь Бога.

— Но шы еще долженъ былъ позабоишъся о ней какъ человѣкъ и мужъ.

«Я не имѣлъ никакой возможности для эшого.

Графъ прошелся по комнашѣ и началъ спрашивашъ его объ успѣхахъ, какіе сдѣлалъ онъ проживши въ Германіи чешыре года. Быспрые,

основательные, умные отзывы Ломоносова вскорѣ показали, что онъ не даромъ провелъ это время.

— Хорошо, хорошо — прибавлялъ Графъ послѣ каждого отзыва его, и наконецъ сказалъ: — Жаль, что ты опоздалъ родиться и не могъ заспашъ въ живыхъ великаго благодѣтеля Россіи, Государя Петра Алексѣевича! Успѣшилъ-бы ты его опеческое сердце, и получилъ-бы достойную награду за свой трудъ въ просвѣщеніи. А что мы теперь? Овцы безъ пастыря!

Онъ задумался на нѣсколько секундъ, и продолжалъ:

— Ты былъ-бы человекъ по сердцу этого великаго Государя. Насъ гналъ онъ къ наукамъ, въ Европу, а ты самъ бѣжалъ къ нимъ. Такой порывъ достойнъ вознагражденія и я съ своей стороны сдѣлаю для тебя все, что могу. Чего желаешь ты?

«Если Ваше Сіятельство будете столько великодушны, то прежде всего дозволюте и пособише мнѣ возвратиться въ Петербургъ, чтобы я могъ дать Академіи отчетъ о своемъ путешествіи.

— Хорошо, я сдѣлаю это. Что тебѣ еще надобно? денегъ? бери ихъ, только не больше чѣмъ нужно.

« Приношу чувствительную признательность за ваше благодеяние ! Деньги нужны мне только для переезда в Россію.

— Разумѣется. *Рублей десятка два* довольно тебе для этого. Только *ѣхать* надобно моремъ, а отсюда корабли не ходятъ, и поному должно возвратиться вѣ Амстердамъ. Однако ты проживи у меня нѣсколько дней. Осмотри городъ : онъ стоитъ вниманія.

« Я исполню всѣ приказанія Вашего Сіятельства.

— Это , братецъ , не приказанія, а совѣты. Напиши къ женѣ письмо, и я берусь доставить его. Надобно успокоить бѣдную, а то она, вѣрно, не знаетъ что и думать о тебѣ.

Во всѣхъ этихъ словахъ Ломоносовъ слышалъ Русское сердце , видѣлъ заботливость добраго земляка, и забылъ знаменитость человека , съ которымъ говорилъ. Съ сердечною признательностію вышелъ онъ изъ кабинета Графа, и ожилъ духомъ. По приказанію Посланника, ему отвели хорошую комнату, довольствовали его сполномъ , оказывали всѣ возможные услуги.

Ломоносовъ не забылъ совѣтовъ Графа и прежде всего написалъ къ женѣ письмо , гдѣ сказывалъ ей о своемъ прибытіи вѣ Амстердамъ и отсюда вѣ Гагу , просилъ ее вѣрнуть

любви и заботливости его, но не посылая къ нему напрасно писемъ, пошому что онъ и самъ еще не знаетъ о будущемъ своемъ мѣстопробываніи и назначеніи. Письмо вручилъ онъ Графу, который и отправилъ его, еще до отъѣзда Ломоносова изъ Гаги. Эшотъ благодарный вельможа всякій вечеръ призывалъ къ себѣ путешественника, говорилъ съ нимъ о многихъ предметахъ, спрашивалъ что осматрѣлъ онъ въ Гагѣ, и при томъ объяснялъ ему многое самъ.

Но ни ласковость Графа, ни привлекательный городъ, ни добрые, трудолюбивые Голландцы не могли долго удержатъ Ломоносова. Вскорѣ ему стала скучна однообразная, хотя и красивая жизнь шеземцевъ, надобли ихъ опрятные дома, ихъ великолѣпныя фабрики, и всѣ чудеса ихъ промышленности. Онъ не чувствовалъ никакой склонности, никакого влеченія къ эшой *матеріальности*, и пошому любопытство простаго путешественника скоро ушомилось, шѣмъ больше, что совѣмъ другія помышленія и надежды шѣснились въ головѣ его. Самое эшо положеніе какой-то неопредѣленности, неокончательности въ назначеніи жизни, начинало шягощать его. Онъ сталъ просить Графа позволить ему ѣхать въ Амстердамъ. Тотъ съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ исполнилъ его просьбу.

Ломоносовъ еще въ первый разъ видѣлъ нѣшъ вельможу, во всемъ блескѣ его могущества, великолѣпія и образа жизни. Олдекопъ, хотя не столь радушный въ пріемѣ и сильный въ помощи, сдѣлалъ на него впечатлѣніе также пріятное. Между нѣмъ, вспомнимъ, какую жизнь велъ самъ и съ кѣмъ жилъ до сихъ поръ Ломоносовъ, и не будемъ удивляться, если онъ былъ очарованъ привлекательною спороною знапныхъ людей.

«Вонъ испинные люди!» размышлялъ онъ. «Вонъ благодѣтели челоѣчеспва!... Я испыталъ много измѣненій въ жизни; знаю людей разныхъ соспояній; я родился и выросъ посреди мужиковъ: это грубые, неспные, часто безспленные невѣжды! Долго жилъ я подъ ферулою монаховъ, и нахожу, что для челоѣка, назначаемаго къ свѣтской жизни, они не могутъ быть ни шоварищами, ни друзьями, ни даже наспавниками; они живутъ въ какой-то особенной, только для нихъ пригодной сферѣ. О, какъ я радъ, что избавился наконецъ отъ Нѣмецкихъ ученыхъ и вообще отъ Нѣмецкой жизни! Надоѣли мнѣ эти пощія души! Рускому надобно совсѣмъ иное: надобна иная душа, кошорая даетъ характеръ всѣмъ нашимъ поступкамъ, всѣмъ дѣйсшвіямъ и даже уму. И вонъ наконецъ я вижу, гдѣ сосредоточено все благородное, прекрасное, достойное челоѣка!

Вопшъ общесшво, гдѣ развязаны умъ и душа, гдѣ не надобно приводишь ихъ въ мѣрку. Какъ грустно, что я не рождень для общесшва эшихъ людей!»

Поняшно такое ослѣпленіе въ чловѣкѣ, не имѣвшемъ никакой свѣтской опытносши. Блескъ, предспавишельносшь, ксшаши сказанное слово, кажутся ему чѣмъ-шо превосходнымъ, пошому что самъ онъ не обладаетъ средспвами для эшого. Жаль, что пріятныя заблужденія рѣдко бывающъ продолжисельны!

Возвращившись въ Амстердамъ, Ломоносовъ имѣлъ время осмошрѣшь эшощъ славный городъ. Бродя по берегамъ Амстеля, по каналамъ и мосшамъ Голландской сшопицы, онъ понялъ мысль Петра Великаго, кошорый сшолько любилъ Голландцевъ и ихъ сшихію, море, что перенесъ даже свою резиденцію въ болоша Финскія, для шого шолько, чтообы воспользоваться шамошнимъ *многоводіемъ*, и создашь новый Амстердамъ. Какъ великій геній, Петръ соединилъ шущъ многіе, обширные государсшвенные виды: и время оправдало большую часшь его плана. Пешербургъ сшалъ на чреду первыхъ торговыхъ городовъ въ мірѣ; но за шо мысль Великаго не оправдалась самымъ Пешербургомъ: онъ не имѣеть сходспва съ Амстердамомъ и ничего подобнаго себѣ; эшо, можно сказашь, единсшвенный, первый по красо-

пѣ своей городъ въ мірѣ, *только!* Но это не Амстердамъ.

Ломоносовъ жалѣлъ, что не могъ побывать въ Заандамѣ, не могъ поклониться священной для каждаго Рускаго хижинѣ Пешра, въ копорой скрывалъ свое величіе преобразишель Россіи. Изъ Амстердама надобно переѣзжать пуда черезъ проливъ, а Ломоносовъ не смѣлъ удаляясь, пошому что корабельщикъ, съ копорымъ договорился онъ плыть въ Петербургъ, ожидалъ только попушнаго вѣтра. Наконецъ эиошъ благопріятный вѣтеръ вспорхнулъ, расшевелилъ тяжелый воздухъ Голландіи, и шлюпки ошъ всѣхъ опплывавшихъ кораблей спѣшили забрать своихъ пассажировъ. Ломоносовъ возшелъ на корабль, и черезъ нѣсколько часовъ уже въ опдаленіи видѣлъ за собою берега Голландіи.

Привольно, весело спало ему на обширной синевѣ моря, копорое шумя и пѣнясь влекло его къ берегамъ милаго опечесшва. Давно разспался онъ съ Россіей, и еще больше прошло времени съ той поры, какъ онъ не видалъ опкрышаго моря. Но душа его не опвыкла любить родину, не опвыкла и чувспивовать красоту, величіе, поэзію моря! Какъ спараго друга вспрѣшилъ онъ знакомую спихію, какъ родныхъ привѣщивовалъ бодрыхъ мапросовъ, и съ весельемъ разговаривалъ съ ними о всѣхъ по-

дробностяхъ пуши. На какомъ языкѣ говорилъ онъ съ Голландцами? Мапросы изобрѣпають свой особенный языкъ, такъ что посредствомъ немногихъ словъ объясняющся съ жипелями всѣхъ спранъ. Соспарѣвшійся на кораблѣ мапрось бывалъ вездѣ, и опвсюду вывезъ запасъ словъ, не хуже тѣхъ, копорыми щеголяли наши земляки, споявшіе на бивакахъ въ Парижѣ.

Къ вечеру перваго дня пуши вѣперъ усилился чрезвычайно. Легкій кунеческій корабль, на копоромъ плылъ Ломоносовъ, сражался съ могучими волнами, какъ ловкій боець съ многочисленными пропивниками; онъ скрыпѣлъ и споналъ и вздрагивалъ, но, разсѣкая бурную пучину, при попушиомъ вѣпрѣ все подвигался впередъ. Ломоносовъ долго смопрѣлъ на эту борьбу человѣческаго искушва съ природою; когда совсѣмъ спемнѣло, онъ ушелъ въ свою каюшу и бросился на койку. Спранное чувсво пошло его: это былъ не спрахъ, а какой-то неперпѣливый порывъ души, ушомленной борьбою съ жизнью. Въ нападающихъ волнахъ видѣлъ онъ тѣ непріязненныя обшоятельсшва, копорыя сполько разъ доводили его до опчаянія. «Неужели и шеперь, почти при входѣ въ опешество, сама природа хочешъ испыпашъ силу моего духа?» мыслилъ онъ. «Неужели этою грозною борьбою съ слабыми усиліями человѣка, она хочешъ еще напомнишь мнѣ жизнь, въ

кошорой я точно какъ будно осужденъ испытывать всѣ возможные препяшствія?»

Такъ самые обыкновенные случаи — въ самомъ дѣлѣ, что обыкновеннѣе на морѣ какъ не буря?—иногда поражаютъ въ насъ цѣлый хаосъ ощущений, часто не имѣющихъ ничего близкаго къ настоящему нашему положенію. Но человекъ, занятой всегда собою, своею мыслью, своимъ я, воображаетъ, что и природа существуетъ только для него, для его ощущений.

Какъ-бы то ни было, но Ломоносовъ легъ спать въ тревожномъ состояніи духа, и заснулъ подъ завываніемъ бури. Постепенно изменялись передъ нимъ картины моря: по видѣлъ онъ, что корабль ихъ опускался все ниже, ниже, и вдругъ взлеталъ на такую высоту, съ кошорой видны были и Петербургъ, и хижина, гдѣ обитаетъ жена его, и Холмогоры, и деревня, въ кошорой родился онъ. То встрѣчалъ онъ на волнахъ обломки разбишаго корабля, и на нихъ людей, кошорые жалобно молили его о спасеніи, и быстро уносились вдаль. Наконецъ, онъ увидѣлъ образъ драгоцѣнный ему, образъ отца, кошорый, въ рыбацкѣй ладѣ своей, боролся съ волнами близъ одного острова въ Ледовитомъ морѣ. Ломоносовъ много разъ бывалъ подлѣ этого острова, много разъ жилъ на берегу его, и помнилъ каждый кусокъ на немъ. Онъ былъ гошовъ бросишь на по-

мощь къ ошцу, но чувствовалъ руки и ноги свои крѣпко связанными, онѣмѣлыми. Сшенианіе вырвалось изъ груди его, когда онъ увидѣлъ, что ладья ошца его грянулася о берегъ и разлешѣлася, а бѣдный ошець опустился въ воду, вынырнулъ изъ нея, вскричалъ: « Михайло! » и ошашъ исчезъ въ волнахъ. Съ невыразимою шоскою видѣлъ все эшо Ломоносовъ, и какъ будто ждалъ еще чего-шо. Наконецъ, грозный девятый валъ шумно плеснулся на берегъ и выкинулъ на него бездыханное шѣло Василья Ломоносова.

При эшомъ зрѣлищѣ Ломоносовъ проснулся. Холодный пошъ градомъ выступилъ на лицѣ его, и бѣдный спрадалецъ долго не могъ опомнишья, не могъ посшигнушъ: во снѣ или на яву было видѣнное имъ. Темноша ночи и свисшъ бури усиливали обманъ. Наконецъ онъ пришелъ въ себя, увѣрился, что видѣнное имъ было сонъ, шщешная мечша, порожденная пригошвленнымъ къ шому воображеніемъ; но эшошъ сонъ былъ шакъ ясенъ, живъ передъ нимъ, что онъ не вѣрилъ разсудку своему, и до самаго ушра не могъ прогнашъ ошъ себя какого-шо убѣжденія въ испинѣ всего видѣннаго имъ.

« Да, шочно ошець мой часшо плавалъ къ эшому необишаемому ошрову въ Ледовишомъ морѣ. Я самъ бывалъ шамъ съ нимъ много разъ, и никогда еще сонъ не предспавлялъ мнѣ шакъ

живо существенности. Только я помню, что приспавали не въ помѣ мѣспѣ, и если-бы на яву вздумалъ кѣмъ нибудь, особенно въ бурю, зайдти къ противоположному берегу, подлѣ котораго представился мнѣ отецъ, онъ вѣрно погибнулъ-бы. Неужели этошъ сонъ предвѣщаетъ горестную для меня существенность? О, Боже! сбери лучше надъ моею головою новыя бѣдствія, но пощади моего отца! Пусть я одинъ, сколько виновный передъ нимъ, искуплю назначенныя для него несчастія!... И неужели не сбудешся мечта моя, успокоишь бѣднаго спарика, убѣдишь его, что я не былъ только непослушный ему сынъ, что я не ошибался въ своемъ назначеніи, и бѣжалъ отъ него употребивъ во благо данныя мнѣ отъ Бога способности? Спарикъ не понялъ-бы моихъ словъ, но слова другихъ убѣдили-бы его, и почесъ, какою бываетъ окружено дарованіе, утѣшила-бы его. Да, какъ желалъ я всегда окружить моего спарика шѣмъ почтеніемъ, котораго достоинъ отецъ уважаемаго сына! Сынъ можетъ быть въ славѣ, въ почести, а отецъ долженъ наслаждаться эшимъ.»

Такъ рассуждалъ Ломоносовъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить своему сну; но тайное убѣжденіе запахло въ его душу, и образъ бездыханнаго отца, на берегу необитаемаго острова, не выходилъ изъ его мыслей. Чтобы успокоить самого

себя, онъ рѣшился, поспѣвъ по прїѣздѣ въ Пешербургъ, развѣдать объ опцѣ своемъ опъ Архангелогородцевъ, копорые часно прїѣзжали въ Пешербургъ.

Но это спрнное событіе, это сновидѣніе оправило для него все опсальное время пуши. За бурею насала ясная, прелеспная погода, и попушнй въперокъ легко мчалъ корабль; но Ломоносовъ уже не любовался ни карпинами моря, ни видами цвѣшущихъ береговъ Даніи и Швеціи. Онъ не замѣпилъ даже какъ миновали они Копенгагенъ, какъ пронеслись мимо Борнгольма, прославленнаго волшебнымъ перомъ писателя другаго вѣка.

Кшо долго былъ въ разлукѣ съ опечесшвомъ, шопъ поймешъ, чшо чувсшвовалъ Ломоносовъ, когда завидѣлъ онъ вдали берега Россіи. Сначала они опсавались у него въ правой споронѣ; напослѣдокъ и передъ нимъ зазмѣилась полоса земли, а впереди ея выдвигался опровъ *Кронштатъ*.

« Онъ вездѣ первый! » подумалъ Ломоносовъ. « При первомъ взглядѣ на опечесшво, вижу созданіе Пепра! Онъ вспрѣчаешъ меня въ эшихъ врашахъ своего могущесшва, такъ-же какъ его мысль провожала меня за границу.»

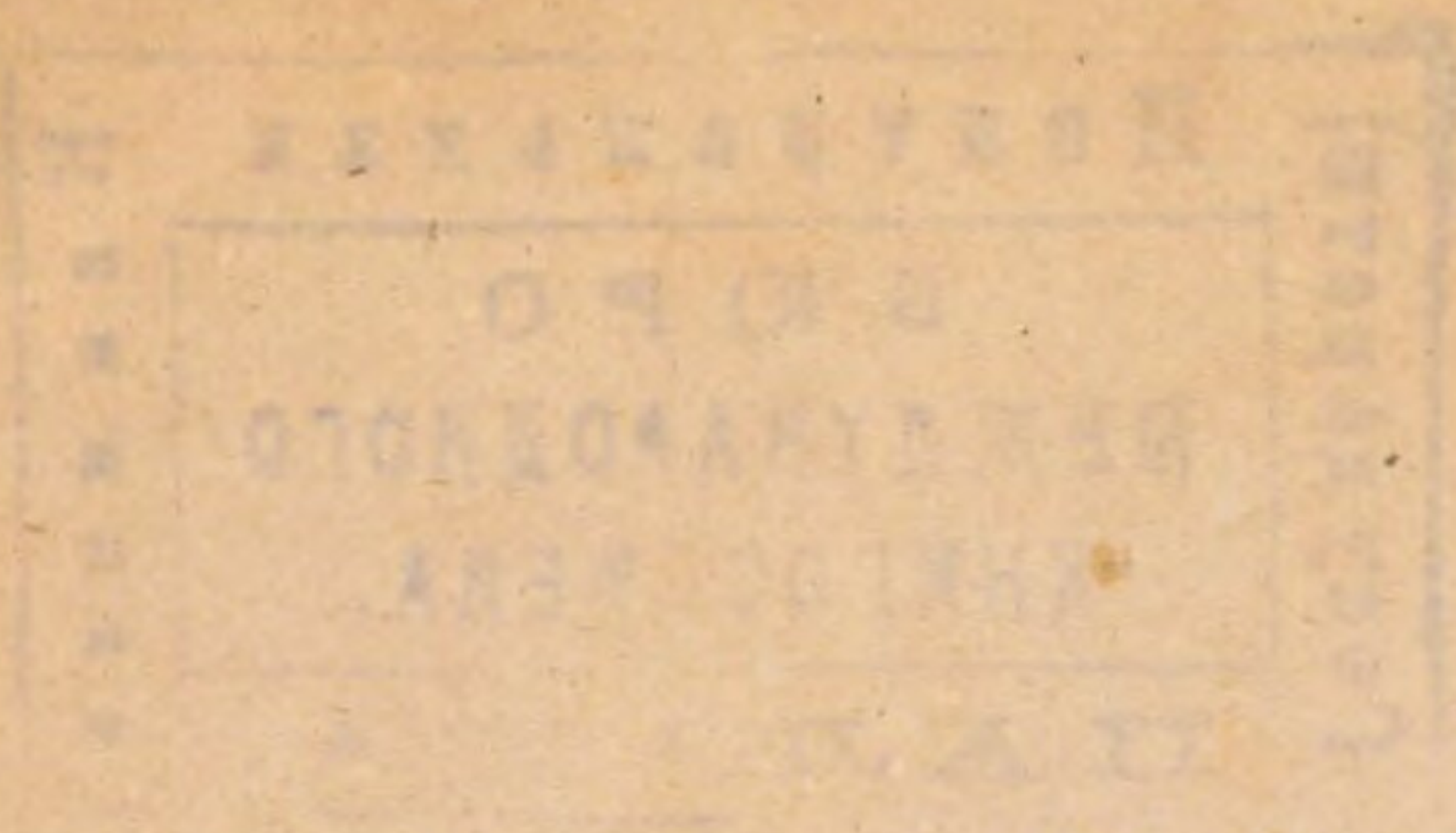
Кронштапъ еще не былъ шакимъ красивымъ городомъ и шакою неприступною швердынею

лѣтъ за сто, какъ теперь; но тогда онъ болѣе изумлялъ путешественника, который зналъ, что за нѣсколько десяшковъ лѣтъ это былъ необитаемый островъ. Пепръ, съ необыкновенною своею проницательностью, постигъ всю важность его для возникавшаго изъ болотъ Пешербурга, и заботился о немъ столько-же какъ о своей столицѣ. Счастливая мысль Великаго была довершена преемниками его.

Ломоносовъ вышелъ на *Русскую* землю, еще недавно покорную Шведамъ; посѣтилъ домикъ Пепра, существующій и донынѣ; любовался на кипѣвшую въ гавани дѣятельность; но болѣе въ Кронштадтѣ нечего было видѣть, и онъ, вмѣстѣ съ корабельщикомъ, неперпѣливо ждалъ отплытія въ Пешербургъ. Это исполнилось черезъ нѣсколько часовъ, и вскорѣ путешественники наши бросили якорь въ сердце Пешербурга, на величавой Невѣ. Веселый крикъ привѣщивовалъ ихъ съ берега, и Ломоносовъ почелъ это счастливымъ признаменіемъ.

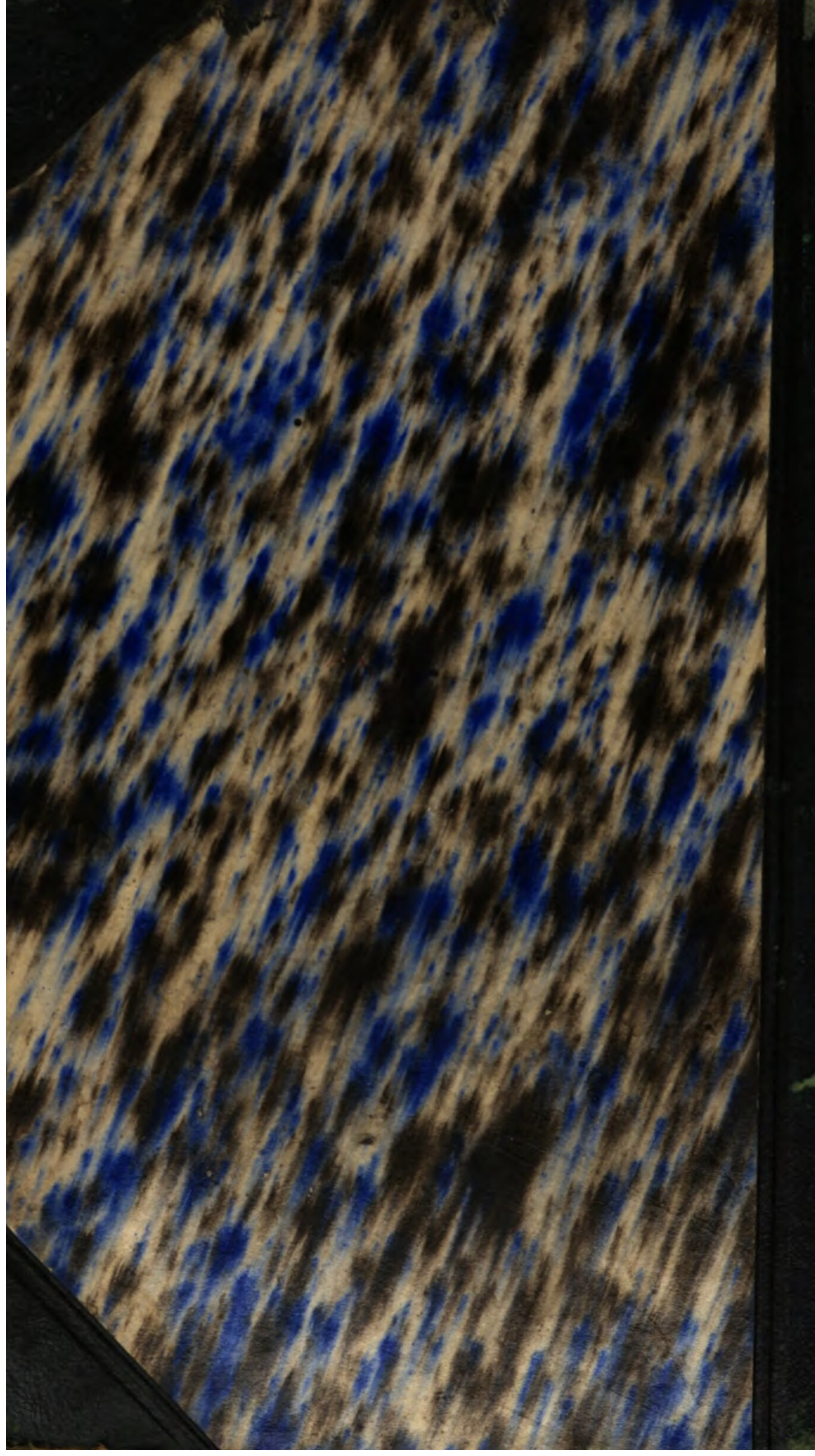
КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

1000
1000
1000
1000
1000

Polevoj, Ksenofont Alekseevič,

Michail Vasil'evič Lomonosov

Bd.: 1

Moskva 1836

Biogr. 3255 u-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10069156-5